

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ СИБИРИ**

№ 3, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЯКИ В СИБИРИ

Карольчак К. Сибирь в воспоминаниях ссыльных поляков	3
Ольшевский В. Сообщения Мечислава Лепецкого из Сибири (1930-е гг.)	7
Матханова Н.П. Тобольский губернатор В.А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии	10
Туманик Е.Н. Сибирский писатель и этнограф Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1830–1915 гг.): новые материалы к творческой биографии.	15
Оплаканская Р.В. Пленные 5-й Польской стрелковой дивизии в Минусинском уезде в начале 1920-х гг.	18
Недзелюк Т.Г. История ментальностей в современной сибирско-польской историографии	22

АРХЕОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Журова Л.И. О некоторых особенностях функционирования цитат и заголовков в публицистике первой половины XVI в.	26
Чернышова Н.К. Социокультурные факторы развития агиографии Нового времени (на примере житий св. Иннокентия Иркутского)	30
Панич Т.В. Древнерусские духовные завещания XV–XVII вв. в агиографическом повествовании	34
Есипова В.А. Текст Исаака Сирина в восприятии художника-старообрядца конца XIX в.	38
Гурьянова Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам	43
Першина М.В. Тюменский старообрядец И.Р. Легостаев и Русский Хронограф 1620 г.	48
Шишкин В.И., Шереметьева Д.Л. Кризис Временного Сибирского правительства в сентябре 1918 г.: арьергардная схватка в Красноярске	53
Савенко Е.Н. Самиздат как форма духовного сопротивления советским репрессиям 1940-х – начала 1950-х гг.	62
Лизунова И.В., Булгакова Е.В. Издание книг для детей в Сибири и на Дальнем Востоке (1990-е гг.)	66
Коженикова Л.А. Научные школы в библиографоведении и библиотековедении как фактор прогресса российского библиотечного сообщества (подходы, методы, модели)	70

ЭТНОГРАФИЯ

Литвинчук М.С. Сургутяне как этнографическая группа русских в XIX – начале XX в.	75
Любимова Г.В. Религиозно-магические практики русских крестьян Сибири в условиях стихийных бедствий	79
Москвина М.В. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая	83
Октябрьская И.В., Сураганов С.К. Казахские узорные войлоки: традиции и новации	87
Цыряпкина Ю.Н. Русские Узбекистана: современные этнокультурные процессы (на примере г. Ангрена)	91
Ким Е.В. Корейцы Новосибирской области и стратегии транснациональных взаимодействий Республики Корея	94

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Землякова Н.А. Священник-миссионер в Сибири: идеал и реальность (по материалам религиозной периодической печати второй половины XIX – начала XX в.)	98
Еремин Л.В. Священные горы Хакасии: проблемы охраны и музеефикации	101
Умбрашко К.Б. О критическом подходе к изучению русских летописей (XVIII – первая половина XIX в.)	103
Матвеева Н.С. Издательская деятельность леворадикальных политических организаций России (последнее десятилетие XX в. – первое десятилетие XXI в.)	107
Альшевская О.Н. «Последний герой»: история Красноярского бибколлектора в эпоху реформ (1991–2012 гг.)	110
Шахеров В.П. Рец. на кн.: А.Ю. Петров. Наталья Шелихова у истоков Русской Америки. М.: Весь мир, 2012. 320 с.	114
Зольникова Н.Д. Рец. на кн.: Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук. Последняя четверть XIX – первая четверть XX в.: каталог изданий и избранные тексты / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: БАН, 2012. 459 с.: ил.	115
Туманик Е.Н. Научная конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.)	117
Введенский В.В. Международная молодежная научная школа «Историческая память и диалог культур»	119
Summary	122

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Дашдаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В. И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*

Подписано к печати 2.09.13. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № 217.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ПОЛЯКИ В СИБИРИ

УДК 94(47).081+94(57)+94(438)

К. КАРОЛЬЧАК

СИБИРЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЯКОВ*

д-р ист. наук, проф.,
Педагогический университет
им. Комиссии народного образования, г. Краков (Польша)

Рассматривается положение политических ссыльных – поляков в Сибири XIX в., в основном по их воспоминаниям. Анализируются факторы, влиявшие на отношение ссыльных к Сибири, прослеживается влияние их происхождения, профессии, семейного положения на образ жизни и взаимоотношения с местным населением. Особое внимание обращается на тех поляков, которые вернулись в Сибирь или остались здесь после отбытия наказания.

Ключевые слова: поляки в Сибири, мемуары, польская ссылка, национальная идентичность, коренное население.

Сибирь занимала и занимает особое место в национальной памяти поляков. Обычно она ассоциируется со страданием, нечеловеческими условиями жизни и тоской по родине. Тысячи польских ссыльных остались там навсегда. Вернувшиеся с каторги писали не только о боли и унижениях, которые пришлось испытать в ссылке, но и о повседневной жизни, обычаях, климате и природе сурового края. Воспоминания оставили как известные исследователи Б. Дыбовский, А. Чекановский или Я. Черский, но также и З. Одживольский, А. Розманит, Ш. Токажевский, Я. Гейштор, Я. Сивиньский, В. Ласоцкий, Э. Табеньская, Б. Шварц и др.

В сделанных ими записях приводятся имена многих поляков, описания их достижений, которые вызвали чувство гордости у товарищей по изгнанию. Осужденные, несмотря на страдания, участвовали в общественной деятельности, вписав прекрасные страницы в историю этого холодного края. Остались они и в сознании и культуре жителей Сибири. Среди поселенцев преобладали образованные, интеллигентные люди, благородного происхождения, а среди них много было очень талантливых, которые могли бы добиться успеха в любом обществе. Неудивительно, что они

были пионерами в научных исследованиях, внедряли технические новшества.

Неточность в списках, которые составляла царская администрация, привела к тому, что до сих пор продолжаются споры между исследователями, пытающимися установить точное количество поляков, подвергнутых репрессиям того времени. Э. Качиньска предполагает, что только после Январского восстания в Сибирь было сослано около 17 тыс. чел. [1, с. 67].

В течение XIX в. среди изгнанников преобладали представители привилегированных групп. После Январского восстания на поселение в окрестности Иркутска была направлена большая группа священников, уже отбывших наказание первой степени. В течение нескольких лет здесь находилось более 150 священнослужителей; некоторые из них написали воспоминания – Э. Новаковский, С. Матрась, Н. Кулашинский и др. Иллюстрированные описания Сибири издали Л. Немоевский, М. Грушецкий, красивые сибирские пейзажи писал С. Вронский, а польский еврей А. Сохачевский в течение двадцати лет каторжных работ сделал более 100 фотографий и эскизов, отражающих драму польских ссыльных в Сибири.

Часть воспоминаний (Э. Чапского, Я. Ёдловского, Э. Клеменевича, Ф. Левицкого, Э. Павловича и Л. Зелёнки) была опубликована во второй половине XIX в., главным образом в Галиции, другие – на рубеже XIX и XX вв., например, Л. Меньжинского. В последние годы благодаря А. Брюсу изданы малоизвестные до сих пор воспоминания женщин [2].

*Статья является сокращенным вариантом доклада, представленного на Международной конференции «Проблемы российской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.). Полный текст будет опубликован в сборнике материалов конференции. Там же будет приведен список использованных мемуаров польских ссыльных.

Написание мемуаров о пребывании в ссылке для многих осужденных было отчасти способом психического выживания в отдалении от родины. Депортации подвергались в основном молодые люди, для которых шоком являлся не только климат, но и культурные различия, с которыми они столкнулись. Частью «старого мира» оставались лишь сотоварищи по несчастью и польские книги. Осужденные, сознательно или бессознательно, пытались сохранить свою национальную идентичность при помощи записывания собственных впечатлений, что стимулировало их к рефлексии, приоткрывало процесс слияния с чужими обычаями, культурой, обществом. Чем больше была группа польских ссыльных, тем дольше они сохраняли свои обычаи. Создание герметичной среды осужденными уменьшало вероятность ассимиляции, которой они изначально опасались. Заключение верили, что рано или поздно вернутся на родину.

Сразу после Ноябрьского восстания в Сибири – за границами польских земель и большой миграции – образовалось еще одно звено национальной жизни. В совершенно других условиях сформировались не встречавшиеся больше нигде формы жизни польских осужденных. Ссылка сближала общее горе, и это вызывало у них потребность взаимопомощи. Сильные помогали слабым, богатые поддерживали бедных, что было более заметным после восстания 1830 г., когда в Сибири оказалось много зажиточных ссыльных, даже из аристократии (например, князь Р. Сангушко, забитый о сотоварищах по несчастью). Ссылка старались поддерживать контакты друг с другом, несмотря на порой значительные расстояния, разделявшие их.

Товарищеская жизнь сосредоточивалась в домах, снимаемых женами и невестами, которые добровольно отправлялись в Сибирь и пытались здесь создать хотя бы что-то, напоминающее семейный очаг. Мемуарная литература вспоминает многих женщин, которые не только разделяли годы ссылки со своими избранниками, но и помогали другим выжить – К. Брынкову, И. Подлевскую, И. Жонжевскую или К. Венцовскую. Многолетняя ссылка далеко от родины беспокоила патристическую среду. Высказывались опасения, что самые яркие представители молодого поколения, лишённые надежды на быстрое возвращение домой, могут постепенно потерять свою национальную идентичность. Спасением должно было стать создание семей с польскими женщинами, которых убеждали добровольно отправляться в Сибирь и выходить замуж за ссыльных. Такое поведение женщин можно назвать патристическим.

В польских общинах в Сибири, несмотря на унижения, страдания и кандалы, ценилось этическое и благородное поведение, позволявшее ссыльным снискивать уважение местного населения. Осужденные отличались также образованностью, по уровню интеллекта с ними могли сравниться лишь похожие на них русские ссыльные. Здесь, в чужой среде, они оставляли видимые следы своей деятельности. Ссылка

обучали коренное население, местные чиновники, купцы и офицеры ценили их как домашних учителей. Благодаря ссыльным в богатых домах распространялись элементы европейской культуры: музыка, танцы, французский язык, этикет, новый тип отношения к женщинам.

В общении с ссыльными изменялись традиционные обычаи в повседневной жизни сибиряков. Уже в первой половине XIX в. сосланные в Сибирь польские заключенные из наполеоновской армии подготовили и провели первый публичный концерт в Кяхте, а в известном оркестре в Омске играли музыканты из IV полка линейной пехоты Конгрессового Царства (четверка): Волицкий, Козьяркевич, Головчинский, Хойнацкий, Жлобский, Добровольский. Последний был также талантливым композитором.

В мемуарах вспоминаются имена известных врачей – таких, как Ф. Щокальский, М. Ловицкий, Врублевский, а также многих талантливых художников. Ссылка Л. Немировского Сибирский отдел Русского географического общества принял на должность чертежника. В этом качестве он отправился в научную экспедицию на Камчатку, результатом которой стал альбом, изданный в 1855 г. в Петербурге¹.

Сибирь не только пугала, но и притягивала возможностями экономической деятельности, особенно в период русификации и нарастания преследований в Царстве Польском. Наиболее устойчивые и готовые к конкуренции ссыльные добились успеха в Сибири и остались там после окончания срока принудительного поселения или вернулись в Сибирь после короткого пребывания на родине. Во второй половине XIX в. некоторые поляки принимали решение о добровольной поездке в Россию, в том числе в Сибирь, которая описывалась как край с неограниченными возможностями для предпринимательства. Парадоксально, но именно в Сибири царская система не дискриминировала поляков в этой сфере деятельности, даже, наоборот, поддерживала каждое проявление деловой инициативы. Только в 80-х гг. XIX в. несколько тысяч поляков впервые оказались в Сибири исключительно по собственному желанию! На решение выехать могли повлиять воспоминания сосланных соотечественников. Кроме описаний жестоких преследований, нечеловеческих условий, в которых им пришлось нести наказание, говорилось о процветающих в Сибири польских мастерских (портных, сапожников, плотников, слесарей, скорняков), об аптеках, фотографических салонах, часовщиках и торговых компаниях, о возможностях конкуренции в экономике. Быстрый рост промышленности в Царстве Польском привел в то время к банкротству небольшие компании и рабочие мастерские, но Сибирь была на другой стадии развития и таких процессов не переживала. Некоторые ссыльные создавали семьи, воспитывали детей, другие не могли найти себя после возвращения на родину, особенно тогда, когда дома их никто не ждал.

¹ Переиздан в 2011 г. в Иркутске (прим. ред.).

Молодой человек двадцати с небольшим лет, воспитанный в патриотической атмосфере, посвятивший свою жизнь борьбе за национальное освобождение, возвращался часто сорокалетним мужчиной в совершенно другую, измененную среду, в которой преобладала борьба за существование, а достойной работы не находилось. Хорошо известная им Сибирь казалась более подходящей для жизни: к ней уже привыкли. Оказывалось, что этот суровый, недоброжелательный для ссыльных край при более близком знакомстве манил к добровольному выбору его как места жительства, здесь можно было добиваться успехов образованным людям, особенно предприимчивым.

Воспоминания ссыльных отличаются ярко выраженной субъективностью. Большинство авторов писали их с чувством боли, царский режим ассоциировался у них со всей государственной системой, с Россией и даже россиянами. Заключение сосредоточивалось на своих чувствах, личном опыте и распространяли свои заметки среди сотоварищей по несчастью.

Не вызывает сомнений, что в воспоминаниях осужденных окружающая среда представлена согласно сложившемуся крайне негативному стереотипу [3, с. 123]. Лишь немногие авторы, руководствуясь стремлением изучать мир – даже таким нетипичным способом, сохраняют объективность как в своих наблюдениях, так и в оценках. Не следует забывать, что мемуаристы (как и все ссыльные) до того, как прибыли в Сибирь, испытали много страданий и унижений со стороны представителей властей, которых отождествляли со всеми русскими. Только в глубине России они столкнулись с другими народами, которые в плане культуры были для них настолько различными, что вызывали тревогу. Люди, вырванные из центра Европы, помимо того, что уже привыкли к царскому деспотизму, не были готовы налаживать отношения с бурятами, тунгусами или остяками. Только при близком знакомстве эти народы вызывали у них любопытство и симпатию, но для этого требовалось войти в контакт с «чужими», чего не в состоянии были сделать многие ссыльные. Некоторые воздвигали вокруг себя «оборонительную стену», страшась всего «чужого». Сибирский опыт не всегда способствовал разрушению этой стены, особенно это проявилось в мемуарах ссыльных, описавших варварское убийство бурятами участников восстания на Байкале в 1866 г.

В своих воспоминаниях ссыльные много места посвящают царской администрации различного уровня, особенно конвоирам во время пребывания на каторге. Тяжкие воспоминания остались у осужденных от непосредственных контактов с надзирателями во время отбывания каторжных работ на золотых рудниках, соляных шахтах, при плавлении железной руды. Меньше всего претензий адресовано должностным лицам высокого ранга, таким, как губернаторы, которые иногда даже получали признание каторжан. Например, А. Деспот-Зенович, поляк по рождению, в молодости высланный в Сибирь, спустя много лет приветствовал соотечественников на их родном языке, но уже в

качестве царского чиновника. Мемуаристы вспоминают, что у него была привычка лично посещать каждую новую партию ссыльных, поддерживать их дух и напоминать, чтобы они не забывали о своем национальном происхождении. Эти слова должны были казаться странными в устах человека, полностью «продавшегося» царизму, но, без сомнения, они утешали ссыльных и вызвали уважение к губернатору. Такое поведение обычно не встречалось на более низком уровне администрации, где преобладала нехватка культуры и восприимчивость к призывам националистической ненависти к полякам. Это последнее ссыльные наиболее остро ощущали в Москве, здесь на улицах их поносили, на них плевали, им угрожали.

Совершенно другим было поведение жителей Сибири по отношению к приезжающим ссыльным. К ним не относились враждебно, скорее нейтрально, о чем мемуаристы писали с некоторым преувеличением, считая, что заключенных встречали с добротой и состраданием. Последнее утверждение могло быть правдой в крупных городах, где, возможно, помнили предыдущие волны польского принудительного поселения. Сосланные за Январское восстание были разбросаны по деревням, где они страдали от страшной нужды, поскольку пособия в размере 2–6 руб. не хватало, чтобы выжить, а большинству из них (особенно интеллигенции) строго запрещалось работать по своей профессии. Они также не могли давать частные уроки или обучать иностранным языкам. Простые рабочие находились в лучшем положении, поскольку им никто не запрещал открывать мастерские. Поток большого числа ссыльных, бедность, драматическая борьба за выживание формировали отношение жителей небольших поселений и сибирских деревень к полякам. Влияла и пропаганда местных чиновников, которые обвиняли их в людоедстве, святотатстве и убийствах. В результате поляков подозревали в поджоге, в осквернении православных крестов, обвиняли в случайных несчастьях в семье [1, с. 132–133]. Плохо образованное, живущее в изоляции местное население не понимало новичков, боялось их как «чужаков» и поэтому было восприимчиво к такого рода пропаганде. Перед поляками закрывали двери, не хотели сдавать им квартиры, даже выгоняли из некоторых деревень. В Царстве Польском считали, что евреи убивают христианских детей, а в Сибири бытовало мнение, что поляки сжигают деревни, отравляют воду и убивают невинных женщин и детей. Непонимание и страх вызывали похожие реакции.

Ситуация начинает улучшаться с конца 1860-х гг., когда согласно царским указам большинство поляков покинуло Сибирь. Остались те, кому удалось успешно открыть свои собственные мастерские или торговое дело, небольшие заводы. В городах, даже крупных, первые рестораны и гостиницы открывали поляки, выездная торговля позволяла им достигать самых отдаленных населенных пунктов. Ссыльные были исключительно подвижными и активными и выделялись среди местного сообщества. Во второй половине XIX в. их предпри-

нимательская деятельность имела огромное значение в процессе модернизации Сибири. Поляки производили и продавали качественные и модные товары. Это способствовало тому, что в Иркутске, Красноярске, Тобольске и Томске все «польское» считалось модным. В 1880-х гг. поляки занимали важные посты в адвокатуре и медицине, на частных приисках, в офисах и банках. Менее образованные обрабатывали землю, выращивали еще неизвестные в Сибири овощи.

Прибывшие из далекой Польши спустя много лет слились с жизнью жителей Сибири. На новой земле ссыльные создавали семьи, здесь родилось новое поколение поляков. Подтверждались опасения о возможности денационализации, о которой много говорилось на страницах польской прессы. Это касалось, прежде всего, детей, выросших в смешанных семьях, особенно тех, кто свое будущее связывал с карьерой военного или чиновника, они в первую очередь покидали большие польские поселения в Сибири. После отбывания наказания в родные края возвращались те мужчины, которые заключили брак с польскими женщинами, потому что чаще всего жены решали вопрос о выборе места для дальнейшей жизни. Дети, родившиеся и выросшие в Сибири, особенно, если их отец занимал важное место, часто не пытались возвратиться на родину, которую знали только по рассказам. Они подчеркивали свое польское происхождение, привязанность к стране предков и гордились своими корнями, потому что в царские времена это положительно выделяло их среди сибирского сообщества. Польскую литературу и историю они часто знали лучше, чем их соотечественники на родине, они были финансово независимыми и пользовались уважением местных органов власти. Почему они должны были уезжать? Они также сохраняли веру, ведь католические храмы вросли в пейзаж Сибири с начала появления там больших скоплений польских ссыльных. Не существовало недостатка в священниках, так как преследуемая царской властью католическая церковь в Царстве Польском высылала за Урал сотни священнослужителей.

В записях мемуаристов можно заметить некоторый тон превосходства при характеристике людей, встречаемых в Сибири. Они не отказывают им в гостеприимстве и доброжелательности, но также приписывают им хамство, лень, отсутствие инициативы. На этом фоне мемуаристы подчеркивают даже незначительные экономические успехи польских «поселенцев», пишут, что они являются результатом превосходства европейской цивилизации; в некотором смысле это было неоспоримым фактом, но не возникло из «естественной предрасположенности», которая

приписывалась своему народу. Считали, что другие обычаи и взгляды хуже, и даже внешний вид должен был стать доказательством отсутствия интеллекта.

Сибирский пейзаж, с одной стороны, очаровывал мемуаристов, но, с другой стороны, пугало огромное пространство, своего рода дикость природы. В первые месяцы пребывания ссыльные замечали в этой «инаковости», прежде всего, те элементы, которые негативно влияли на их психику: монотонность, мрак, низкорослые деревья, отсутствие общественных сооружений (канализация, водоснабжение) даже в крупных городах. Со временем они начали воспринимать очарование природы, красоту крупных городов, особенно Тобольска и Иркутска, великолепие православного зодчества. Более объективными в своих оценках были те исследователи Сибири, которые имели возможность видеть ее большие пространства в разные времена года.

Сибирь стала частью жизни сотен тысяч людей, не все они оказались здесь по собственной воле. В XIX в. среди них были тысячи поляков, многие остались там навсегда, другие спустя много лет вернулись на родину, но за годы ссылки заплатили потерей здоровья и чаще всего разрушением личной жизни. В их сознании Сибирь осталась навсегда ужасным опытом царских репрессий, который многие описали в своих мемуарах. Ссыльные запечатлели в них воспоминания не только встречи с их мучителями, бездушными чиновниками, но также и с людьми, среди которых им пришлось провести часть своей жизни. Некоторые из них были очарованы природой Сибири, обычаями и культурой живущих там людей – представителей разных национальностей; часть осужденных никогда так и не приняла этой «инаковости», оставаясь закрытой в своем собственном, европейском мире. Для одних Сибирь осталась исключительно землей страдания и проклятия, для других – трудной для жизни, но красивой; для немногих – дружелюбной, сознательно выбранной ими в качестве второй отчизны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kaczyńska E.* Syberia w dziejach Polaków – Polacy w dziejach Syberii // *Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914* / red. A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska. Warszawa, 1992.
2. *Na nieznanie losy między Ołońcem a Jadrąniem: dwa pamiętniki z zesłania po powstaniu styczniowym* / oprac. A. Brus. Warszawa, 1999.
3. *Cybulski M.* Rosja i Rosjanie w pamiętnikach Polaków (1863–1918). Warszawa, 2009.

Статья поступила
в редакцию 28.03.2013

УДК 94(57)+94(47).084.6+94(438)

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

СООБЩЕНИЯ МЕЧИСЛАВА ЛЕПЕЦКОГО ИЗ СИБИРИ (1930-е гг.)*

д-р ист. наук, проф.,
Университет Николая Коперника,
г. Торунь (Польша)

Рассматриваются впечатления от поездок в Сибирь в 1933 и 1936 гг. известного польского военного путешественника М. Лепецкого. Представлены его оценка происходивших изменений, описание Новосибирска, его особенностей, отличий от других сибирских городов.

Ключевые слова: поляки в Сибири, Мечислав Лепецкий, Сибирь в 1930-е гг., Новосибирск, Акатуй.

Мечислав Лепецкий (1897–1969) являлся участником войны между Польшей и Советской Россией, затем был адъютантом маршала Пилсудского. Он участвовал в нескольких научных экспедициях, иногда польское правительство поручало ему исследование экономической и культурной ситуации. Результатом таких поездок были составленные им отчеты, а также несколько книг, пользовавшихся широкой популярностью.

В 1930-х гг. Мечислав Лепецкий трижды выезжал в Советский Союз, в том числе два раза в Сибирь – в 1933 и 1936 гг. Каждой из этих поездок он посвятил отдельную книгу [1; 2].

Оценивая этнографическую ценность сообщений путешественников, оказавшихся в чужой стране, в контакте с чужой культурой, следует иметь в виду культурный (а, следовательно, исторический и политический) багаж автора, его прежнее знакомство с культурой данной страны, знание им языка и т.п. М. Лепецкий не имел специального образования, однако он много лет находился в контакте с культурами, которые гораздо сильнее отличаются от польской, чем русская. Свои визиты в Советский Союз он совершил в тот непродолжительный – в несколько лет – период, когда в отношениях между нашими государствами возникло некоторое потепление. Враждебность окончательно не исчезла, но она несколько ослабла. Лепецкий как польский офицер высокого ранга находился во время его пребывания в Советском Союзе под неослабным, более или менее явным контролем НКВД и отдавал себе в этом отчет. Эта опека, с одной стороны, помогла ему посетить все запланированные им места (иначе доехать туда и найти там ночлег было бы просто

невозможно), но, с другой стороны, ограничивала его контакты с местным населением, а, значит, и поле его научных исследований.

Книги Лепецкого не являются этнографическим описанием Сибири. Их цель иная. Подход автора к Сибири и ее жителям, его намерения при написании в значительной мере отражают уже сами названия этих произведений: «Сибирь без проклятий» и «Сибирь воспоминаний». В обеих книгах в доступной и выразительной форме даны сведения о географии, природе, естественных богатствах этого региона, об экономическом и политическом его положении, как и всего государства. Общие сведения переплетаются с авторскими сообщениями дневникового характера, с описаниями тех мест, которые он посетил, условий повседневной жизни и труда местных жителей, особенностей поездки по этим местам. Приводятся характеристики встреченных автором людей (их внешнего вида, материального состояния, занятий, отношения к религии, к государству, к чужим и т.п.), воссоздаются многочисленные сценки из повседневного быта сибиряков. Пожалуй, именно эти «микроистории», нередко совсем короткие сценки, эпизоды, можно сказать – крошечные частицы реальности, представляют наибольшую ценность. Такой материал всегда является замечательным дополнением к историческим и этнографическим исследованиям, придает им более «человеческое», гуманитарное измерение. Он позволяет лучше понять ту действительность, которая является объектом научных исследований и обобщений.

Сообщения Лепецкого содержат также комментарии, касающиеся страны и ее жителей, его размышления нередко приобретают обобщающий характер. Комментарии и оценки этого польского автора сами по себе выявляют момент соприкосновения разных культур, эффект их столкновения. В реакции поляка – человека с багажом негативных стереотипов и представлений о Российской империи, о российской культуре, о коммунистической системе – отражается его вос-

*Статья является сокращенным вариантом доклада, представленного на Международной конференции «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.). Полный текст будет опубликован в сборнике материалов конференции.

приятие действительности. Авторские комментарии и размышления касаются не только Сибири и русских, освещают не только тот материал, который описывает автор; в них раскрывается и психология поляков, их позиции, подход, а следовательно, маркируются взаимные связи, польско-русские отношения, и именно это позволяет с современных позиций – с определенной дистанции во времени – глубже понять суть оставленных Лепецким сообщений.

Описанные им частицы сибирской или – шире – российской действительности так же, как сопутствующие этим описаниям авторские комментарии, настолько богаты, что все их здесь охватить и охарактеризовать просто невозможно. Приведу несколько примеров, чтобы представить позицию автора.

Первая его поездка в Сибирь приходится на период едва обозначившегося улучшения отношений между Польшей и Советским Союзом, наступившего вслед за подписанием пакта о ненападении. В это время в Польше еще были живы многие бывшие ссыльные – жертвы царской России, в том числе вождь и любимый герой Лепецкого – маршал Юзеф Пилсудский. Это не могло не повлиять на сообщения Лепецкого. Во многих местах его первой книги встречаются позитивные оценки того, что сделала советская власть (сменившая власть царскую); такие оценки часто будут противоречить его более поздним, подробным описаниям советской действительности, оценке исторического опыта советской власти. Уже в первой главе Лепецкий подчеркивает, что пора положить конец определенным польским стереотипам.

«Наша печать, – пишет он, – приучила меня к тому, чтобы видеть в большевиках кровожадных чудовищ, исчадий зла. Неудивительно, что в Москве я смотрел на людей с определенным предубеждением... Однако ничего хищнического в них не обнаружил» [1, s. 10]. Вопреки представлениям, существующим в Польше, люди здесь не голодают, хотя и «не обжираются», а сама Москва «имеет улицы, залитые асфальтом, часто и тщательно вычищаемые, а автомобильное движение здесь более интенсивно, чем в Варшаве» [1, s. 11]. К тому же на выставке, посвященной 15-летию Красной армии, не было ни одного антипольского акцента [1, s. 14–16].

Он хвалит также те изменения, которые происходят в Сибири: «Азиатская Россия имеет теперь совершенно иной политический облик, нежели когда-либо в прошлом. Исчезли губернии, исчезли хищническая, грабительская экономика, централизация, налоговое бремя, безграмотность. Советское правительство смело приступило к дерусификации Сибири. Исправляя историческую несправедливость в отношении монгольских народов и туземцев, оно организовало этот край на совершенно иных основах, нежели прежде. Словно грибы под дождем, выросли здесь различные автономные республики и национальные округа народов, этнонимы которых прежде знали разве что специалисты-этнографы. Нынешняя Россия децентрализована. Края, области, округа, автономные республики

сами решают свои дела, не спрашивая разрешения у Москвы... Благодаря этому бурно развивается национальное школьное образование, а вслед за ним началось развитие (национальной. – В.О.) прессы и литературы» [1, s. 19].

С изумлением и, можно сказать, с восхищением пишет Лепецкий о процессах урбанизации Сибири. В частности, он отмечает «фантастический» прогресс в развитии Новосибирска в годы советской власти и прогнозирует дальнейшее быстрое развитие этого города. В 1936 г. он пишет: «Центр города покрыт асфальтом, Красный проспект имеет деревянное покрытие, на некоторых улицах существуют тротуары, на каждом шагу встречаются импозантные здания, одним словом, город имеет вполне порядочный вид и строится на плановой основе» [2, s. 172]. Он пишет о «великолепном здании театра» [2, s. 174], о том, что «у нас в Варшаве редко балетный спектакль может собрать столько зрителей. Публика одета бедно, даже убого. На Западе не встретить в театрах столь бедно одетых зрителей, но в остальном советские зрители ничем не отличаются» [2, s. 173–174]. При этом он также отдает себе отчет в том, что исключительно бурное развитие Новосибирска имеет свою политическую и милитаристскую основу.

С описанием Новосибирска резко контрастируют впечатления, полученные Лепецким от других городов и местечек Сибири. С изумлением отмечает он, что к 1936 г. столь важный город, каким является Иркутск, за три года, минувшие после его первого посещения, совершенно не изменился. Кроме деревянного покрытия, проложенного на улице Карла Маркса, строительства прекрасного моста и отеля – Центральной гостиницы (из кирпича от разобранной церкви), все осталось в том же страшно неприглядном, запущенном виде, как было. Кроме Новосибирска, почти все встреченные в Сибири города он описывал как «деревянные, застроенные хаотично, не имеющие тротуаров и твердого покрытия мостовых». Он готов был сделать некоторое исключение для Иркутска, Хабаровска, Томска, Владивостока и Тобольска, но и они представлялись ему «деревянными, грязными, запущенными» [1, s. 36].

Критический анализ официальных сообщений и их сопоставление с подлинной действительностью значительно усиливается у Лепецкого во время второй его поездки в Сибирь.

Во время первого посещения Сибири его восхищала огромная добровольная подвижность россиян: «Раньше мне казалось, что советский строй привязывает, приковывает людей к месту их проживания, делает невозможным свободное перемещение. Но глядя во время моей поездки на Сибирь на переполненные поезда, на толпы людей, устремленных в разные стороны света, я изменил свое мнение. Отсутствие безработицы и огромная потребность в рабочих руках и “мозгах” приводят к тому, что советские фабрики, предприятия и институты принимают рабочих и сотрудников, стараясь приобрести для себя (“подкупить”) самых луч-

ших и не интересуясь особенно тем, откуда прибывает к ним эта новая рабочая сила» [1, s. 21].

Я уже упоминал о том, что Лепецкий пишет о «дерусификации» Сибири. В другой своей книге он, однако, замечает: «Миграционные движения в СССР нельзя приравнять к нормальным движениям такого рода в других странах, поскольку в Советском Союзе они далеко не всегда имеют добровольный характер. Старая царская традиция насильственных переселений целых деревень до сих пор еще жива в Советском Союзе. Массовые переселения (русских. – В.О.) в сельские районы вместе с увеличением (за их счет. – В.О.) населения сибирских городов являются очень значительными в численном измерении, и это будет оказывать и уже оказывает свое влияние на этнографический облик всего сибирского края. Особенно я здесь имею в виду ситуацию в Бурят-Монгольской Республике» [2, s. 184].

При первом посещении Сибири Лепецкий удивлялся тому, что поляки, в том числе дети польских ссыльных патриотов, теряют свою польскую идентичность, знание польского языка, а порой даже не ведают о причинах и обстоятельствах ссылки в Сибирь их родителей [1, s. 19, 66]. Ему кажется, что это происходит по их личной вине, и он не замечает при этом присутствия в их жизни органов НКВД. Но во время второй своей поездки он даже не пытается установить контакты с местными поляками, чтобы, как он сам пишет, не навлечь на них неприязни [2, s. 192].

Много места в обеих книгах Лепецкий посвящает описанию кладбищ, православных и католических храмов. Он пишет об отношении к ним не только советской власти, но и русского народа.

Для меня как польского этнолога в обеих книгах наиболее интересными являются те краткие зарисовки и эпизоды, которые связаны со встречами Лепецкого с жителями городов, деревень, охотничьих заимок, с людьми, которых он видел в степи, в тайге, на берегу реки или во время своих передвижений – в поездах, на пароходах. Интересны даже те интервью, которые он взял у работников НКВД. Именно эти записи формируют чрезвычайно разнообразную, дифференцированную культурную и общественную панораму Сибири 1930-х гг. Таких жизненных «кадров» в этих книгах много и они так разнообразны, что невозможно их ни воспроизвести, ни систематизировать.

Вместе с тем иногда Лепецкий дает более обобщенный, синтетический образ жителей Сибири, прежде всего русских сибиряков. Этот обобщенный образ также имеет свою ценность как пример восприятия и понимания сибирской культуры той эпохи поляком-современником. Уже в самом начале первой книги мы читаем: «Проживающие в Сибири русские, которых называют сибиряками, а на бытовом жаргоне “чалдонами”, имеют определенные черты, отличающие их от их соотечественников, проживающих к западу от Уральских гор... Прежде всего сибиряки уже в нескольких поколениях ведут свободный образ жизни, живут в достатке. Это оказало влияние на их внешний

физический облик. Они отличаются от своих европейских собратьев более высоким ростом, большей силой и здоровьем. Их женщины выделяются белизной кожи и полнотой. Язык сибиряков имеет особенный акцент..., их лексикон полон слов монгольского происхождения. Прославленное русское гостеприимство в Сибири достигает невероятной силы. “Широкая натура” москаля у сибиряка еще “шире”, его простота, выраженная в формуле “рубаха-парень”, – еще проще, его добродушие – еще более добродушно. Сибиряк всегда демонстрировал заметное безразличие к религиозным делам. Ныне сибиряки принимают участие в организациях “безбожников”, целью которых является борьба с религией, но и это они делают без особого энтузиазма. И нынешнее отношение сибиряков к православию осталось таким, как прежде, а именно безразличным. Как раньше сибиряк был только номинальным православным верующим, так сейчас он является только номинальным “безбожником”» [1, s. 30–31].

К этим «обобщающим» характеристикам у Лепецкого добавляются часто встречающиеся, подчеркнутые упоминания о том, что сибиряки мало заботятся о своем внешнем виде и, скажем деликатно, обладают не слишком изысканными манерами, что проявляется публично и характерно как для простых людей, так и для тех, кто находится на высоких административных постах. Неяршливость, неопрятность сибиряков выявляется также в их нежелании и неумении поддерживать чистоту окружающей их среды. Вместе с тем Лепецкий подчеркивает их любовь к музыке, танцам, театру, высокий уровень развития этих видов искусства.

Свою вторую поездку Лепецкий завершает в восточносибирском селении Акатуй, где до 1917 г. находилась тюрьма. Это было одно из самых страшных и жестоких мест каторги. Лепецкий понимает, что тяжелая доля сибирских ссыльных не ушла в прошлое вместе с падением царизма, что ситуация в России не слишком резко изменилась. «Слово БАМ (Байкало-Амурская магистраль), – пишет он, – звучит сегодня как-то странно и кажется удивительно похожим на старое слово “каторга”» [2, s. 295]. Хотя Лепецкий знает о кошмарном прошлом Акатуя, он все же видит и воспринимает это место иначе, чем авторы, бывшие современниками каторжан царского времени. «Где же были глаза у Максимова¹, – удивляется Лепецкий, – который писал, что более печального места, чем Акатуй, нет во всем Забайкалье? И почему Кеннан² лишил его всякого очарования и назвал самым печальным уголком земли, который он когда-либо видел! Мне, поляку, который смотрел на долину Акатуя с перспективы 18-летней независимости моей Отчизны, эта местность не казалась ни печальной, ни унылой, а напротив, казалась очаровательной и вызывала восхищение. На

¹ Речь идет о С.В. Максимове. Лепецкий ссылается на польское издание его книги [3].

² Речь идет об американце Джордже Кеннане, который в 1885 г. посетил места сибирской каторги ссыльных и описал свои впечатления в книге, изданной также в Польше [4].

свободу моего мышления не бросал своей тени образ мрачной, переполненной каторжанами тюрьмы, и звук кандалов за высокими стенами и в темных шахтах не долетал до моего уха и не влиял на мое ощущение реальности. Но кто знает, что бы я сказал об этой долине еще, скажем, в 1916 году... Однако теперь, – мне даже стыдно в этом признаться, – я был ею очарован» [2, с. 294].

Из сказанного следует, что Лепецкий прекрасно понимал «контекстуальность» нашего познания и суждения, его зависимость от контекста и собственного, всегда так или иначе ограниченного культурного багажа. Лепецкий также лелеял в своей душе надежду на доброе будущее Сибири, дороги которой, как он писал, будут переполнены туристами, а влюбленные молодые будут приезжать сюда, чтобы провести здесь

свой медовый месяц [2, с. 143–144]. Ведь «прекрасная суровая Сибирь, – писал он, – ни в чем не виновата, не ее надо проклинать за то зло, которое правило бал на этих землях. А может быть, вообще, не надо проклинать? Надо только обо всем этом помнить» [2, с. 216].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lepecki M.* Sybir bez przekleństw. Podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego (wyd. I: Warszawa, 1934) // *Lepecki M.* Sybir bez przekleństw : podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego; Sybir wspomnień. Łomianki, 2012. 297 s.
2. *Lepecki M.* Sybir wspomnień (wyd. I: Lwów, 1937) // *Ibid.*
3. *Maksimow S.* Syberia i ciężkie roboty. Warszawa, 1900.
4. *Kenan G.* Syberya. Nakładem tłumacza. Lwów, 1892. Т. I–III.

Статья поступила
в редакцию 26.03.2013

УДК 94(47)073+94(57)+930.085

Н.П. МАТХАНОВА

ТОБОЛЬСКИЙ ГУБЕРНАТОР В.А. АРЦИМОВИЧ И ЕГО ЗАПИСКИ О ПОЕЗДКЕ НА СЕВЕР ГУБЕРНИИ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматривается тобольский период деятельности выдающегося государственного деятеля России В.А. Арцимовича. В научный оборот вводится созданное им «Описание поездки по Сибирскому краю». Показано влияние личных впечатлений от поездки по северу Тобольской губернии на административную деятельность.

Ключевые слова: В.А. Арцимович, поляки на государственной службе в России, поляки в Сибири, Тобольская губерния, Берёзов, Обдорск, Самарово, политическая ссылка.

Тема «Поляки в Сибири» естественным образом ассоциируется прежде всего с польской политической ссылкой, но немало поляков находилось и на государственной службе в Сибири. Одним из поляков, сделавших успешную карьеру, был выдающийся деятель эпохи Великих реформ Виктор Антонович Арцимович (1820–1903). Он закончил привилегированное Училище правоведения – одно из лучших учебных заведений, дававших профессиональное юридическое образование. Арцимович был поляком и католиком – вопреки мнению известного польского историка А. Кіjas’а, он не перешел в православие [1, с. 9]. Об этом говорят как собственные слова Арцимовича, сказанные Александру II в 1863 г. и тогда же переданные в письме к жене: «По вере я католик»

[2, с. 637], так и тот факт, что он был похоронен на католическом кладбище [3, с. 31]. Но он «проводил в стенах училища даже и каникулы, имел общение с одними только русскими» [2, с. 634]. Из училища Арцимович вынес не только знания юриспруденции, но и специфический «легалитский» подход ко всякого рода деятельности: «Он всегда ставил закон выше личных и сословных интересов» [4, с. 340]; «всегда стоял за право и справедливость, за точное и неуклонное применение закона во всех случаях» [5, с. 624]. В 1854 г. в возрасте 34 лет, что было совершенно необычным в то время, он стал тобольским губернатором. Так началась его блестящая административная карьера, включавшая должности главы Калужской губернии, секретаря вице-президента в Государственном совете и председателя юридической комиссии Царства Польского и, наконец, первоприсутствующего сенатора в 1-м департаменте Сената.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

Усилиями родных, друзей и сослуживцев была подготовлена и издана книга «Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – характеристики», состоявшая из мемуарно-биографических очерков. Как выяснилось из писем дочери, Анны Викторовны Арцимович, к дяде, А.М. Жемчужникову, именно она осуществила «всю черновую работу с книгой»¹. Сибирский период жизни и деятельности Арцимовича в ней освещен Я.С. Скропышевым [6]. Бывший чиновник по особым поручениям тобольского губернатора широко использовал переписку Арцимовича и Жемчужниковых, отчеты и другие документы, относившиеся к 1854–1858 гг. Они сохранились в личном фонде Арцимовича, включающем более 500 единиц хранения².

Среди многочисленных документов фонда к служебной деятельности относятся 339, в том числе около 70 – к сибирскому периоду жизни Арцимовича. Среди них записки, официальные отчеты, рапорты и обозрения («Записка об улучшении хозяйства в Сибири» 1851 г.³, докладная записка «По вопросам о круге действий и степени власти общих губернских управлений и губернских правлений» 1853 г.⁴ и т.д.), а также переписка с родными, с генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом⁵ и др. Отложились в фонде и созданные по инициативе губернатора описания отдельных округов⁶. Некоторые из подготовленных В.А. Арцимовичем документов были опубликованы. Среди них «Записка о последствиях предполагаемого повсеместного учреждения временных генерал-губернаторов» [7], «Доклад В.А. Арцимовича» 1852 г. [8] Однако большая часть рассматриваемого фонда, как, впрочем, и других, связанных с жизнью и деятельностью В.А. Арцимовича (семейных фондов Арцимовича и Жемчужниковых⁷), еще не введена в научный оборот.

«Описание поездки по Сибирскому краю»⁸ сочетает черты письма и путевых записок. Одновременно такие записки служили, вероятно, заготовкой для будущих официальных документов. Рукопись – черновой автограф, в котором имеется множество авторских исправлений, использованы бланки Тобольского общего губернского управления, на л. 1 в левом верхнем углу помета карандашом «Музей революции. № 1490», на л. 1, 11, 13, 16, 19, 24 – штамп «Архив В.А. Арцимович». Листы 1–10, 11–15, 16–24 сшиты вместе. Часть листов перепутана. По смыслу их следует располо-

жить следующим образом: л. 16–17 об., л. 3–10 об., л. 1–2 об., 13–14 об., л. 11–12 об., 15–15 об., 18–19 об., 22–23 об., 20–21 об., 24–24 об.

Рассказ начинается на л. 16 со слов: «Четыре недели, как ежедневно собираюсь побеседовать с тобою, любезный друг Алексей, но болезнь Ани, также и неохота писать причиной медленности». И далее: «Постараюсь дать тебе некоторое понятие о моем арктическом путешествии. Это письмо прочти папинеке, дай его прочесть Адаму и затем отошли Володиньке» (л. 16 об.). Таким образом, описание поездки предназначалось членам семьи – тестю, М.Н. Жемчужникову и его сыновьям, а также брату Адаму Антоновичу Арцимовичу. Это были очень близкие автору люди: с Алексеем Жемчужниковым он учился и был его «лучшим другом» [9, с. 264], Владимир Жемчужников, хотя и недолго, до конца апреля 1855 г. [6, с. 18], прослужил в Тобольске в должности чиновника по особым поручениям. На их сестре Анне Арцимович он был женат, а сенатор М.Н. Жемчужников был его неизменным покровителем и представителем в высших кругах. Жемчужниковы с большим интересом относились к административной деятельности Виктора Антоновича, его планам и проектам, к условиям жизни в Сибири. Все эти обстоятельства определили откровенность и характер повествования. Однако содержание записки заставляет предполагать возможность и более широкого ее распространения, скорее всего после переработки. О том же говорит и объем рукописи – 24 листа с оборотами.

Текст был создан в несколько приемов, на одном из листов – но не на первом – стоит дата 16 апреля 1856 г., но, как уже отмечалось, автор четыре недели собирался взяться за работу над этим текстом. Рассказ начинается с объяснения причин поездки, продолжавшейся около месяца или чуть меньше. Наряду с традиционным для хороших губернаторов желанием объехать и лично осмотреть территорию всей губернии (а остальные районы были уже посещены ранее), были и особые причины. Арцимович сам отмечал: «Мысль об обозрении Берёзовского края естественно занимала меня с самого вступления моего в управление губернией. Эту отдаленную страну редко посещает начальство. Из числа моих предместников только двое были в Берёзове, а именно Корнилов в 1810 и Бантыш-Каменский в 1827 году. Из генерал-губернаторов же один Гасфорд предпринимал трудное путешествие на север и доехал до Обдорска» (л. 6 об.). Далее подробно описываются сборы в дорогу: «Мы запаслись остяцкими шубами, известными под названием малиц. Малица шьется из оленьей шкуры вроде мешка или рубахи с рукавами и пришитыми к ним рукавицами и с одним только отверстием для головы – человек в ней почти герметически закупорен – эта шуба весьма легкая, удобная и в ней свободны все движения – ходить и охотиться прекрасно. Она надевается чрез голову шерстью внутрь» (л. 17 об.) и т.д.

Изложение последовательное, соответствует хронологии и маршруту, что обычно для путевых записок.

¹ ОР РГБ. Ф. 101. Карт. 4816. Д. 4. Л. 18.

² ГАРФ. Ф. 815.

³ Там же. Оп. 1. Д. 11.

⁴ Там же. Д. 14.

⁵ Там же. Д. 385.

⁶ Там же. Д. 36 («Сведения о числе жителей, их нравах и быте, г. Ишим Тобольской губернии» К.Д. Кувичинского), л. 54 (докладная записка тарского исправника Садовникова «О пользах колонизации в северной части Тарского округа»), л. 499 («Записка о жителях Березовского уезда») и др.

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 811, Арцимович; ОР РГБ. Ф. 101, Жемчужников; РГАЛИ. Ф. 639, Жемчужников.

⁸ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 42. Далее сноски на это дело даются в тексте в круглых скобках, с указанием листов.

Губернатор и его жена «в сопровождении двух чиновников – барона Штакельберга и Скропышева, а также инспектора врачебной управы Типякова 24 декабря (1855 г. – Н.М.) выехали из северного Тобольска далее на север» (л. 17 об.). Далее путешественники ехали по льду Иртыша и Оби, останавливаясь в селах, в том числе в привлечшем особое внимание Арцимовича Самарове, и далее по Берёзовскому округу с остановкой в Кондинском монастыре до Берёзова и Обдорска. Губернатор ревизовал «присутственные места», встречался с чиновниками, священниками, местным населением. Свои впечатления и мысли он и передавал в «Описании поездки по Сибирскому краю».

Природе уделено сравнительно мало внимания. Она не просто не понравилась, она и вообще вся страна произвели удручающее впечатление, север показался царством мертвых: «Здесь справедливым представляется выражение, что мы живем на белом свете – всюду снежная пелена и лишь по берегам видны густые леса – многие из них на пространстве десятков верст обгорели и мертвые деревья наводят тоску» (л. 8 об.); «Сделан был для меня особый длинный легкий возок, называемый нартою... Этот экипаж... походит на обширный гроб» (л. 17); «Человек здесь в большие морозы находится в страдательном болезненном положении – дыхание затруднено, оцепенение членов выражается медленностию в движениях, дни короткие, ночи длинные, словом, мало жизни, много страданий и начал подобия смерти» (л. 8 об.–9); «Берёзов в зимнее время, когда жители от холода прячутся в домах, представляется огромной гробницею... черные большею частью кривые ветхие домики стоят рядом как гробы в подземельях» (л. 11 об.–12).

Довольно подробно характеризуется местное население, особенно «инородцы» – их образ жизни, занятия, отношения с русскими крестьянами, рыбопромышленниками, чиновниками и священниками. О крестьянах сказано совсем немного, что и понятно – их и жило там мало. «Крестьяне мало занимаются хлебопашеством, – замечает губернатор, отъехав недалеко от Тобольска, – но видимо благоденствуют – рыбопромышленность их обогащает. И здесь, как и везде, славянское племя видимо господствует» (л. 3). Положение татар вызывает у него сожаление, Арцимович упрекает их в нежелании трудиться и стремлении жить лишь за счет сдачи в аренду земель и угодий (л. 3). Особое внимание он обращает на обусловленные этим проблемы: «Чтобы сохранить свои привычки своеволия, они обыкновенно избирают в старшины людей совершенно ничтожных и по характеру, и по состоянию. Трудно и очень трудно ими управлять – и это надолго останется задачей для губернаторов Сибири. Земская полиция пользуется этими беспорядками и до сих пор поддерживала их, стараясь в мутной воде рыбу удить» (л. 3 об.).

Гораздо более благоприятное впечатление осталось от остяков. С явным удовольствием отмечает автор, что «иртышские остяки принимают русские обычаи, одежду и нравы, но навсегда останутся в

подчинении у наших крестьян» (л. 4). На нескольких страницах рассказывается о быте, одежде, жилищах остяков, их верованиях, отношении к православию и сохранении у крещеных культа медведя и веры в шаманов (л. 20–20 об., 23–23 об.). Описана система эксплуатации остяков русскими рыбопромышленниками (л. 4). Хотя губернатор явно относится к этому с неодобрением, прямого недовольства он не высказывает. Размышляя о перспективах приобщения остяков хотя бы к огородничеству, Арцимович считает, что лучше в этом случае «действовать чрез наших русских крестьян и рыбопромышленников, которые пользуются большим влиянием... Но мы привыкли стремиться к улучшениям исключительно чрез чиновников грабителей» (л. 6). Вскоре по возвращении из поездки губернатор обратился в Главное управление Западной Сибири с предложением разрешить отдавать в аренду рыбопромышленникам принадлежащие «инородцам» рыболовные места только с торгов. Раньше, как указывалось в документе, «остяки и самоеды, по простоте своей, брали за рыболовные пески слишком дешево и обыкновенно отдавали их в аренду одним и тем же лицам»⁹. Дело не в том, насколько действенной была и могла быть эта мера. Важно, что решение было принято после поездки и личного ознакомления с проблемой и что ранее об этой проблеме было сказано в письме/путевых записках.

Сравнительно подробно описано пребывание в Самарове и Березове. В официальном обозрении, воспроизведенном Я.С. Скропышевым, о посещении Самарова сказано буквально в одном абзаце: о встрече губернатора с недавно назначенным на вновь созданную должность военно-окружным начальником Г.А. Колпаковским, об исправности книг и дел волостных правлений, о жалобе крестьян на священника за отказ учить детей грамоте, хотя местный рыбопромышленник из крестьян и пожертвовал дом для приходского училища [6, с. 44]. В «Описании поездки по Сибирскому краю» эти сюжеты не только освещены подробнее и эмоциональнее, но и сопровождаются отступлениями и рассуждениями делового характера. «Сибирский крестьянин не уклоняется от учения, а напротив, чувствует необходимость грамотности, но духовенство, руководствуясь в большей части случаев корыстию, неохотно принимается за дело образования... Вообще трудно достигать улучшения, когда орудия испорчены и пронизаны одними корыстолюбивыми видами. Хотя я с местным архиереем и в хороших отношениях, но вижу и его бессилие к добру и сознаю, что в настоящее время еще нельзя горячо приняться за просвещение, достаточно ныне поддерживать мысль о стремлении к образованию и исподволь выражать это частными распоряжениями и настояниями – что по возможности и делается» (л. 6 об.–7).

Здесь сформулирован один из основных принципов административной деятельности Арцимовича: готовность к разумному компромиссу, способность

⁹ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 44. Л. 8 об.

мириться с недостатками и даже пороками людей при необходимости и отсутствии им замены. Несколькими страницами ниже он прямо формулирует эту мысль: «При местных условиях невежества лиц, участвующих в управлении, общей в чиновниках испорченности, нельзя круто поворачивать, а напротив, кажется необходимым на все смотреть снисходительно и исподволь, проверенными путями направлять к лучшим, здоровым и честным понятиям» (л. 19 об.).

Благожелательная характеристика Г.А. Колпаковского (сделавшего впоследствии блестящую карьеру) также сопровождается изображениями более общего и важного значения: «Это бывший адъютант генерала Гасфорда, человек лет 36, деятельный и по-видимому честный, <я им остался очень доволен>, что особенно важно в этой далекой дикой и обширной стране, где усердная служба сопряжена с невероятными лишениями и непрерывными опасными переездами – летом на утлой лодке в бури и ненастья, а зимою на узких нартах в стужи и бураны. Правительство до сих пор как будто бы отвергает возможность этих страшных неудобств и берёзовские чиновники не пользуются никакими преимуществами в сравнении с прочими, проживающими в местах более заселенных и для жизни приятных. До настоящего времени в Берёзовский округ назначали только провинившихся негодных чиновников – здесь вне всякого надзора они действовали свободно и корыстные их виды находили естественную только преграду в бедности жителей и безжизненной суровости климата. При настоящих условиях признаю возможным несколько улучшить управление, посылая в этот край хороших чиновников на определенное время, именно три года, чтобы по истечении этого времени непременно предоставлять им право переходить на лучшие места в округи не столь отдаленные. Эту мысль я уже выразил и в официальных представлениях» (л. 7–7 об.).

Вообще, во многих своих документах, письмах и записках Арцимович снова и снова обращался к неизменно занимавшему его мысли сибирскому чиновничеству, его недостаткам и способам их исправления. Этому вопросу, в частности, посвящена большая часть опубликованного Н.Н. Александровой доклада 1852 г. Извиняясь за долгий перерыв в написании текста, Арцимович оправдывался: «Текущество (по выражению подьячих) сильно препятствует всякому занятию, выходящему из круга обыкновенных бумажных докладов, которые притупляют ум и даже ослабляют нравственные силы. Много времени теряешь при разрешении глупейших сомнений, бессмысленных, но злонамеренных и стеснительных для частных лиц вопросов, часто после продолжительного доклада болит мозг от пустословия и разбора крючков, заброшенных опытными и полными лукавых замыслов сибирских гениальных подьячих, отдавая справедливость их превосходительству и уму, не могу не сожалеть, что вынужден управлять с помощью их, ими руководить и вести с ними близкое, а иногда даже притворно радужное знакомство» (л. 13). Возвращаясь к вопросу о

характере рассматриваемого источника, следует заметить, что автор сообщает адресату/адресатам, что он прилагает к нему копии с нескольких документов.

Были и сюжеты, отражавшие собственные интересы и увлечения, а не только деловые темы. Довольно много места уделено рассказу о приеме, устроенном губернатором в Обдорске, на котором присутствовали и местные чиновники, и старейшины, и о последовавшей встрече с толпой собравшихся у входа «самоедов и остяков, приехавших на ярмарку» (л. 24). В повествовании о торжественном приеме почетных гостей бегло упомянуто: «О завтраке позаботилась Аннинька, всего было вдоволь», – это единственное указание на то, что Анна Михайловна сопровождала мужа в этой суровой и экзотической поездке.

Арцимовича заинтересовала история пребывания в Березове А.С. Меншикова и других знатных ссыльных, он и сам передал сведения об этом, собранные им в Тобольске, и приложил «статьи, доставленные одним исследователем Березовских древностей, бывшим смотрителем тамошнего училища Абрамовым», в которых «содержится все, что только возможно было собрать в Берёзове о жизни и гробницах знаменитых ссыльных, а также о страданиях здешних туземцев за человеколюбивое сострадание и христианское участие в положении ничтожных Долгоруковых» (л. 12 об.). Эти сюжеты освещены в опубликованных несколькими годами позже работах Н.А. Абрамова [10; 11; 12], но в фонде Арцимовича сохранились две рукописи этого известного исследователя истории и этнографии Сибири, о которых, вероятно, и идет речь¹⁰. От себя Арцимович добавил: «Предание гласит, и я твердо убежден в справедливости его, что живя в Берёзове, даже высокомерный и тщеславный Меншиков сделался покорным судьбе и спокойным расстался с жизнью» (л. 12–12 об.). Он не удержался от короткого рассказа о поведении по отношению к поверженному Меншикову митрополита Сибирского и Тобольского Антония (Стаховского), некогда «удаленного из России по интригам сего министра» (л. 15). «Узнав о приближении лодки, на которой плыл сподвижник Великого Петра, митрополит вышел со всем духовенством на берег Иртыша и сказал – хотя за многие дела ты и достоин проклятия, но в твоём настоящем несчастном положении благословляю тебя на великие страдания и молю Бога о даровании тебе духа твердости и о прощении всех твоих грехов – и святитель провожал крестным знаменем недавно еще сильных изгнанников. Руководило ли пастыря христианское молитвенное чувство или желание отмстить Меншикову за нерасположение к нему – этого предание не объясняет. Кажется, что в поступке митрополита только наружная форма была молитвенная» (л. 15). Далее следует замечание, связывающее этот исторический анекдот с текущими административными заботами. «К этому не лишним считаю

¹⁰ Абрамов Н.А. Могилы знаменитых изгнанников в г. Берёзове; *Он же*. Примечательные редкости в Берёзове // ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 497.

присовокупить, что в одной из берёзовских церквей, а именно Соборной, стены треснули и здание угрожало падением. Некоторые предполагают, что Меншиков погребен возле этой церкви. Казалось бы естественным, чтобы род этого знаменитого человека содействовал к поддержанию храма, где невольно вспоминают о великом изгнаннике, но берёзовцы убеждены, что представители рода Меншиковых не признают своего прародителя» (л. 15–15 об.).

Наряду с размышлениями, лишь косвенно относящимися к административной деятельности автора, в «Описании сибирского края» встречается в рассказе о Самарове (ныне г. Ханты-Мансийск). «Самарово – большое и богатое село не в дальнем расстоянии от слияния Иртыша с Обью. Нет сомнения, что со временем это село превратится в город и будет важным в торговле пунктом, и ныне уже все суда, идущие из Томска в Тюмень, а также отправляющиеся в Берёзовский край, останавливаются в Самарове. Чтобы угадать будущность этого селения, достаточно проследить по карте течение Иртыша и Оби. Иртыш протекает по Киргизской степи и всей Тобольской губернии, на берегах его много городов – Семипалатинск, Омск, Тара, Тобольск, – река же Обь, прорезав обширную Томскую губернию и соединившись с Иртышом, величаво и широко движется по всему Берёзовскому краю до самой Обской губы. Бийск, Барнаул, Колывань, Нарым, Сургут и даже Томск (на Томи, впадающей в Обь) порождены этою рекою. Течение на север составляет главную природную преграду развитию Сибири. Впрочем, в судоходстве по Иртышу и Оби в скором времени последуют важные перемены – до сих пор оно находилось на самой низкой степени. В Тюмени приступлено к устройству пароходства, а в прошлом году (т.е. в 1855. – *Н.М.*) три парохода занимались перевозкою товаров и тяжестей из Томска в Тюмень и обратно. Из Алтайских гор доставлено водою много свинца для военных надобностей. Эта страна может освободиться от мертвительного влияния северного покрытого льдами океана» (л. 5 об.–6).

Пароходство в Обь-Иртышском бассейне к этому времени функционировало уже несколько лет, но «большая часть перевозок осуществлялась на линии Тюмень–Томск» [13; 14; 15]. В 1858 г. мечта Арцимовича исполнилась – была организована Обдорско-Тобольская компания [14, с. 108; 15, с. 61]. Это произошло через два года, уже в отсутствие Арцимовича, но по его поручению. К документу приложена справка о том, что губернатор при отъезде в Санкт-Петербург обратил внимание председателя губернского правления на дела об учреждении пароходства и изложил мнение, что это «может дать населению новые источники для

удовлетворения их потребностей и облегчит сбыт хлеба из богатых хлебопашеством округов Тобольской губернии»¹¹.

В своих записках В.А. Арцимович неизменно оставался государственным деятелем. Описывая экзотические для европейца обычаи «кинородцев» или рассуждая о состоянии и перспективах экономики севера губернии, он постоянно формулирует для себя и своих близких суть проблемы и ищет пути ее решения. При этом он всегда заботится об интересах государства и не забывает о нуждах народа, стремится к соблюдению закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Poznań, 2000.
2. *Спасович В.Д.* Виктор Антонович Арцимович // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – характеристики. СПб., 1904. С. 628–719.
3. *Мурзанов Н.А.* Словарь русских сенаторов. 1711–1911 гг.: материалы для биографии / изд. подг. Д.Н. Шилов. СПб., 2011.
4. *Сюзор Г.П.* Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения. 1835–1910 гг. (исторический очерк). СПб., 1910.
5. Письмо Г.П. Ермолаева о деятельности В.А. Арцимовича в Царстве Польском // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – характеристики. СПб., 1904.
6. *Скоропыхов Я.С.* Тобольская губерния в пятидесятых годах // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – характеристики. СПб., 1904. С. 13–101.
7. Записка В.А. Арцимовича о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств // *Лемке М.К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам. СПб., 1908. С. 456–467.
8. «Близкое познание Сибири ныне необходимо»: доклад В.А. Арцимовича. 1852 г. / Публ. подг. Н.Н. Александрова // Ист. архив. 1996. № 5/6. С. 192–214.
9. *Войналович Е., Кармазинская М.* Жемчужников Алексей Михайлович // Русские писатели. 1800–1917 гг.: биогр. словарь. М., 1992. Т. 2: Г–К.
10. *Абрамов Н.А.* Описание Берёзовского края // Зап. Импер. Русск. Геогр. о-ва. 1857. № 12. С. 327–448 (переизд.: Тобольские губернские ведомости, 1858, № 19–26; отд. изд. Шадринск, 1993).
11. *Абрамов Н.А.* Могилы князя Алексея Григорьевича Долгорукова и супруги его, в г. Березове, 1730–1738 // Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. 1866. № 2. Раздел V. Смейс. С. 115–120.
12. *Абрамов Н.А.* Могила графа А.И. Остермана в Березове // Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. 1866. № 2. Раздел V: Смейс. С. 121–125.
13. *Титов Г.А.* Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск, 1990.
14. *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск, 1991.
15. *Туманик Е.Н.* Юзеф Адамовский и становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX века. Новосибирск, 2011.

Статья поступила
в редакцию 28.03.2013

¹¹ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 59. Л. 11–11 об.

УДК 94(47)''1830/1915''

Е.Н. ТУМАНИК

**СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ЭТНОГРАФ
АПОЛЛОН КСАВЕРЬЕВИЧ ОРДЫНСКИЙ (1830–1915):
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ***

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: t.katharina@ngs.ru

В статье на основе новых архивных данных делается попытка введения в научный оборот творческого наследия забытого сегодня сибирского писателя-беллетриста и этнографа Аполлона Ксаверьевича Ордынского (1830–1915) – яркого исследователя духовной и материальной культуры бурятского народа. Научное и художественное наследие А.К. Ордынского позволяет существенно расширить представления о сибирской этнографии и литературе второй половины XIX – начала XX в. Творчество А. Ордынского служит яркой характеристикой сибирско-польских культурных связей.

Ключевые слова: сибирская литература, этнография, буряты, политическая ссылка, «Сибирские воспоминания», поляки в Сибири.

Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1830–1915) был видным деятелем сибирской журналистики, писателем-беллетристом и, конечно же, в первую очередь, этнографом по призванию. Его статьи и очерки публиковали все крупнейшие сибирские издания – «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский наблюдатель» и др. Дворянин Киевской губернии, он совсем молодым человеком оказался в сибирской ссылке по политическому делу (предположительно Ш. Конарского), и вся его дальнейшая жизнь оказалась прочно связана с этим далеким краем, где он поступил на государственную службу в Степную думу в Забайкалье, одновременно пробуя свои силы на литературном поприще.

Пока очень мало известно о биографии А.К. Ордынского. В советской историографии о нем еще встречались упоминания, но в последние десятилетия имя сибирского писателя, этнографа и фольклориста оказалось совершенно забыто. А между тем его наследие могло бы существенно обогатить современную науку и расширить наши представления о сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в. Имя А.К. Ордынского вошло в библиографический указатель «Писатели Восточной Сибири», составленный в Иркутске в 1973 г.: «Этнограф и беллетрист Аполлон Ксаверьевич Ордынский родился в 1830 г. Был сотрудником в сибирских изданиях в течение пятидесяти лет. Долгое время жил в Забайкалье. Умер 6 сентября 1915 г. в Томске» [1, с. 30]. Здесь же приведен список основных произведений А.К. Ордынского – пять очерков и повестей. Десятью годами ранее об Ордынском

и его фольклорно-этнографическом наследии сообщал М.П. Хамаганов в монографии «Бурятская фольклористика», но сегодня его научные оценки творчества писателя, конечно же, выглядят устаревшими и даже поверхностными. Например, М.П. Хамаганов называет А.К. Ордынского «проводником» «реакционных фольклористических идей», считает, что он недооценивает и «принижает» «творческие возможности» «бурятского народа» [2, с. 341, 343]. Такой взгляд на творчество Ордынского был, вероятно, продиктован концептуальными стереотипами того времени и требует сегодня переоценки и опровержения. Роли А.К. Ордынского в сибирских издательских проектах пореформенного времени и его сотрудничестве с Н.С. Щукиным касалась Н.П. Матханова, приводя данные для более конструктивного подхода к оценкам вклада писателя в литературную жизнь Сибири [3].

А.К. Ордынский собрал огромное количество материала о духовной и материальной культуре бурят, частично результаты его трудов нашли отражение в опубликованных работах, пользовавшихся в свое время большой популярностью (это, прежде всего, «Очерки бурятской жизни», «Солнечное затмение: из быта забайкальских монголо-бурят буддистов», «Забайкалье и монголо-буряты буддисты», «Посещение буддийского обона и предполагаемого места рождения Чингисхана») [1, с. 30]. Все это, скорее, не строго научные труды, а литературные очерки, написанные хорошим, ясным и живым слогом, отличавшиеся занимательной сюжетной канвой. Но от этого научное значение произведений А. Ордынского только выигрывает. Все его повести, рассказы, очерки основаны на научном материале, фольклорных находках, полевых исследованиях, личных впечатлениях и изысканиях, он любил

*Подготовлено при содействии гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ, № НШ-2318.2012.6.

проводить и историко-культурные параллели, высказывать смелые научные гипотезы, связывая, например, духовную жизнь бурят с индийской традицией. Замечательную характеристику А.К. Ордынскому дает Н.С. Щукин: «...Человек в высшей степени скромный, последовательный и честный, материалов у него гибель, пишет очень метко и наблюдательно... Вообще личность очень замечательная, чего он не знает и где не бывал!» (цит. по: [3, с. 138]).

Популярный в XIX в. сибирский журналист и писатель, любимец читающей публики, А. Ордынский неизвестен сегодня даже специалистам, как и его интереснейшие этнографические произведения, призванные стать достоянием широкого круга не только ученых, но и любителей сибирской фольклористики и литературы. Новые источники к биографии А.К. Ордынского – его письма и неопубликованные художественные произведения с авторскими иллюстрациями (!), выполненными на высоком, почти профессиональном уровне, позволяют по-новому взглянуть и на личность писателя, и на его наследие. Наши недавние архивные находки осветили и в несколько другом свете личность и творческий профиль А.К. Ордынского – по своим личным впечатлениям он создавал интереснейшие зарисовки из сибирской жизни, выступая в них в качестве писателя-реалиста, одновременно придавая им вид типичных картинок повседневности, как в юмористической форме, так и в ироничной манере обличая пороки общества и отдельных его представителей – обитателей Сибири – чиновников, купцов, любителей легкой наживы, грабивших местных аборигенов. Свои рассказы А.К. Ордынский, обладавший огромным художественным талантом, сам же и иллюстрировал. Его рассказы сопровождаются одиннадцатью неопубликованными рисунками, близкими к карикатурному жанру и живописующими сибирский быт и повседневность середины XIX в.

Речь идет о недавно обнаруженных «Сибирских воспоминаниях» А.К. Ордынского, состоящих из трех рассказов – «Влюбленный заседатель», «Золотопромшленница» и «Цивилизаторы тунгусов». Произведения были написаны в 1862 г. в Иркутске и отправлены автором в столицу для публикации в одном из популярных литературных журналов того времени, выходившем под названием «Иллюстрация. Всемирное обозрение». Концепция журнала предполагала обязательный иллюстративный материал, отсюда и авторская работа над рисунками – они были неотъемлемой частью литературной основы, т.е. самих рассказов. В письмах к редактору А.О. Бауману начинающий тогда сибирский писатель просил опубликовать свои «воспоминания» под псевдонимом «Язон Аргонавтов». Сначала он выслал шесть иллюстраций к первому рассказу («Влюбленный заседатель»), а в приложенном письме от 18 сентября 1862 г. написал: «Если мои “Сибирские воспоминания” годятся для Вашего журнала, то я пришлю рисунки и к “Золотопромшленнице”, и к “Цивилизаторам”, к каждому рассказу не менее по шести рисунков и, кроме этого, еще несколько

ко небольших статей в подобном роде. Потрудитесь только уведомить меня своевременно, потому что у нас с нового года будет издаваться свой журнал “Сибиряк”, и я приглашен в компанию на его издание»¹.

Из этой краткой цитаты можно извлечь некоторую информацию о творческих планах А.К. Ордынского: во-первых, он собирался сотрудничать со столичным изданием, намереваясь войти в число постоянных авторов журнала; во-вторых, встать у основания нового сибирского литературного журнала. Налицо активная позиция автора как молодого деятеля-энтузиаста российской литературы и журналистики, готового активно влиться в процессы культурной жизни России начала пореформенного времени. Чуть позже (25 сентября) Ордынский выслал А.О. Бауману еще пять иллюстраций (к рассказу «Золотопромшленница»). Собственно, на этом дело остановилось – остальные рисунки автор обещал передать в издательство только тогда, когда получит «извещение, что “Сибирские воспоминания” будут напечатаны в “Иллюстрации”»². К сожалению, надеждам не суждено было сбыться – в 1863 г. журнал слился с «Иллюстрированным листком» и стал выходить под названием «Иллюстрированная газета», с трудом выдерживая литературную конкуренцию. Возможно, именно в связи с объективными трудностями произведения Ордынского и не были напечатаны, но, тем не менее, стоит проверить версию его дальнейшего сотрудничества с А.О. Бауманом, так как известно, что «Иллюстрированная газета» питала особую склонность к этнографическим материалам.

Возвращаясь к работе писателя по подготовке журнала «Сибиряк», издателем которого выступал Н.С. Щукин (к сожалению, эти планы так и не воплотились в жизнь), можно отметить, что кандидатура А.К. Ордынского рассматривалась издателем, по его собственному выражению, в качестве «главного сотрудника». Совершенно очевидно, что именно Ордынский должен был вести два главных раздела «Сибиряка» – беллетристический и историко-этнографический, к тому же, вероятно, выполнять и иллюстрации [3, с. 137–138]. Замысел журнала нес в себе широкие просветительские идеи, что нашло отражение в обращении А.К. Ордынского к Г.Н. Потанину (приписка к письму Н.С. Щукина от 16 января 1862 г.): «Цель нашего журнала развить литературу в Сибири, заставить сибиряков сбросить с себя застенчивость в передаче мыслей на бумагу и пр., и пр. Цель великолепная. Нам лишь бы сделать начало, а там все пойдет как по маслу» (цит. по: [3, с. 139]). Нет сомнения, что в этих словах отражены мировоззренческие позиции автора – в недавнем прошлом деятеля польского национально-освободительного движения. Эволюция его взглядов в Сибири очевидна – он становится поборником и деятелем просвещения края, ратует за развитие сибирс-

¹ Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук (ОР ИРЛИ). Ф. 93. Оп. 3. Д. 926. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

кой литературы, за пробуждение литературной жизни и много трудится в этом направлении.

Обращает на себя внимание и другая архивная находка – письмо А.К. Ордынского к виднейшему русскому историку А.Н. Пыпину, в котором изложены не только принципы этнографической работы исследователя культуры бурят, но и весьма ценные для нас моменты его биографии. Письмо отправлено 19 мая 1892 г. из Тобольска, где тогда проживал писатель. Поводом для обращения стала позиция А.К. Ордынского относительно развернувшейся в начале 1890-х гг. публикации произведений Доржи Банзарова, привлеченной вниманию сибирской общественности к истории и культуре бурятского этноса [4]. Сам факт выхода из печати наследия ученого, конечно же, вызывал у автора письма только приветствие. Одновременно с этим А.К. Ордынский был не согласен с концепцией и освещением Банзаровым (в частности, в труде «Черная вера, или шаманство у монголов», увидевшем впервые свет в 1846 г.) такого явления культуры сибирских народов, как шаманизм, по поводу которого имел собственное мнение, основанное на многолетнем опыте изучения данного феномена: «На шаманов обыкновенно смотрят, как на шарлатанов и обманщиков, а не на как интересный и вполне еще не объяснимый физиологический и психологический феномен. Конечно, Банзарова нельзя винить в недомолвках, это был чрезвычайно сдержанный человек (я его знал лично), он не смел идти вразрез с установившимися в то время воззрениями в науке, и потому книга его о шаманстве не может назваться удовлетворительной»³.

Естественно, в конце XIX в. взгляд на шаманизм несколько изменился по сравнению с эпохой пятидесятилетней давности, на этом в связи с развитием этнографической науки и настаивал А.К. Ордынский. Свои идеи, подкрепленные богатым обработанным этнокультурным материалом, он изложил в работе «Наблюдения над шаманизмом» (данная рукопись пока не обнаружена), составленной «из мелких статей и очерков», – ее он и посылал А.Н. Пыпину в приложении к письму, подчеркивая при этом: «...Мне кажется, что суть шаманизма довольно объективно в них выражается»⁴.

Одновременно с этим А.К. Ордынский касается и позиции Г.Н. Потанина – редактора трудов Доржи Банзарова, подчеркивая свое несогласие с мнением, будто «Черная вера...» «составляет одно из лучших сочинений о сибирском шаманстве». На взгляд автора письма, «Черная вера...» «нисколько не объяснила шаманства»⁵. В то же время А.К. Ордынский приветствует потанинскую идею о приобщении «бурятского племени к общерусской духовной жизни», которое «может быть достигнуто научной разработкой быта бурят и их старины, и изданием книжек, посвященных описанию их родины, их истории и современной их жизни».

«У меня самого давно зародилась подобная мысль», – пишет А.К. Ордынский⁶. Далее он сообщает, что «накопил столько материала в отношении» «быта, нравов, поверий и проч.» бурят, «что даже не знает», «куда с ним деваться», потому что сибирская пресса без интереса относится к этнографическому материалу и не публикует статей на эту тему.

После критических замечаний в адрес периодической печати Сибири А.К. Ордынский переходит к критике... местной власти, что обнаруживает в нем не просто писателя и этнографа, но и человека с ярко выраженной активной гражданской позицией: «...Не интересуется и сама администрация жалким положением инородцев, выгодным только для разного рода ташкентцев всех вообще классов. В 1884 году я посылал в редакцию газеты “Сибирь” небольшую статью, в которой доказывал, что-де, не мешало бы завести в Сибири особых чиновников по инородческим делам, как заведено по крестьянским (в видах охранения их от произвола и эксплуатации разных земских ярыжек), но матушка сибирская цезура статью эту нашла возмутительной!...»⁷ Напомним, что «ташкентцами», с легкой руки М.Е. Салтыкова-Щедрина, автора сатирической статьи «Господа ташкентцы», тогда называли казнокрадов, гонителей просвещения и злоупотребителей всех мастей из числа чиновников.

Итак, из этого же обнаруженного письма А.К. Ордынского мы ясно видим, что интерес к бурятской культуре и фольклору, философии буддизма на определенном этапе стал определяющим в его жизни. Увлечшись, он изучал этот предмет настолько глубоко, что специально добился своего определения на государственную службу в степные думы письмоводителем исключительно для того, чтобы постоянно находиться среди бурят, как забайкальских, так и иркутских. Знакомясь с их культурой, бережно собирая ее памятники, постепенно он стал «своим» среди представителей всех сословий бурятского этноса, что дало ему возможность полностью погрузиться в предмет своего исследования. Он был в дружеских отношениях с Доржи Банзаровым, многими высокопоставленными бурятами и ламами, сохранял переписку с ними до конца жизни. Немаловажным фактом для характеристики личности и культурной открытости сибирского этнографа польского происхождения является то, что он был женат на бурятке из старинного и знатного рода. Занимая активную общественную позицию и борясь за улучшение качества жизни сибирских инородцев, он смело отстаивал их права перед государственной властью. Как свидетельствовал сам о себе А.К. Ордынский, он «служил именно с целью изучения быта инородцев, а не наживы, чем их и располагал к себе». И далее: «Я уверен, что ни одному русскому не удавалось так сблизиться с инородцами, как мне. ...Одним словом, инородцы считают меня словно за своего земляка»⁸. Таким

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 621. Оп. 1. Д. 620. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 1 об.

образом, становится ясным, что практически никто из этнографов-современников А. Ордынского не был так близок к бурятскому народу.

Жизнь и творчество А. Ордынского служит яркой иллюстрацией сибирско-польских культурных связей, судьба этого писателя во многом типична для представителей польской интеллигенции, оказавшихся в Сибири как в ссылке, так и по собственной воле. Они стали самозабвенными и увлеченными исследователями Сибири, патриотами Азиатской России как части Российской империи, многие из них считали Зауралье своим вторым Отечеством. Вклад А. Ордынского в изучение Сибири сконцентрирован в его литературных трудах, ныне практически совершенно не востребуемых. В связи с этим важной задачей является возвращение в русско-польскую культуру незаслуженно забытого творческого наследия А. Ордынского. Это обогатит не только этнографию и историю, позволяя воссоздать потерянный пласт сибирской литературы,

но и будет иметь большое значение для современной культуры бурятского народа, его самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писатели Восточной Сибири: биобиблиогр. указатель. Иркутск: Восточносиб. кн. изд-во, 1973.
2. Хамаганов М.П. Бурятская фольклористика. Зарождение и развитие бурятской фольклористики, русско-бурятских фольклористических связей в XVIII–XIX и в начале XX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962.
3. Матханова Н.П. Эпистолярные источники о журнальных проектах сибирских областников (60-е годы XIX в.) // Русское общество и литература позднего феодализма: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. Серия «Археология и этноноведение Сибири». Вып. 17. С. 134–141.
4. Черная вера, или Шаманство у монголов, и другие статьи Дорджи Банзарова / под ред. Г.Н. Потанина. СПб., 1891.

Статья поступила
в редакцию 18.03.2013

УДК 94(47).084.3

Р.В. ОПЛАКАНСКАЯ

ПЛЕННЫЕ 5-Й ПОЛЬСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В МИНУСИНСКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

канд. ист. наук,
Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
e-mail: roplakanska@mail.ru

В статье дается характеристика группы пленных 5-й Польской стрелковой дивизии, проживавших в начале 1920-х гг. в Минусинском уезде. Группу польских пленных отличала социально-культурная и политическая неоднородность, обусловленная их принадлежностью до Первой мировой войны к трем странам – Австро-Венгрии, Германии и Российской империи. Анализируются образовательный уровень, социально-профессиональный статус представителей группы, использование их труда в хозяйстве региона.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, Белое движение, иностранная интервенция, 5-я Польская стрелковая дивизия.

5-я Польская стрелковая дивизия была самым крупным после Чехословацкого корпуса иностранным военным формированием в Сибири, принявшим участие в Гражданской войне на стороне Белого движения. Ее организация происходила в условиях стремительно разраставшегося конфликта внутри России – Гражданской войны. Восстановление независимости польского государства ускорило этот процесс. В течение 1918 г. под руководством «Польского военного комитета в России» создавались военные отряды, которые вошли в состав Чехословацкого корпуса, а в январе 1919 г. началось объединение отрядов в 5-ю Польскую стрелковую дивизию, завершившееся в мае того же года. Сформированная дивизия подчинялась командующему союзными войсками в Сибири генералу М. Жанену [1, с. 327–347]. В начале 1919 г.

численность дивизии составляла 6766 солдат и офицеров [2, с. 258], в апреле 1919 г. – 10 722 [3, с. 68], а в конце 1919 г. – 12 700 [4, с. 89].

Состав этого соединения отличался политической и социально-культурной неоднородностью, которая являлась следствием разделов Польши и развития польского этноса в составе трех государств – Российской империи, Австро-Венгрии и Германии [5, с. 277–284]. Неоднородный состав стал причиной различий в мотивации и целях участников этого военного формирования, в итоге предопределивших крушение его планов. Дивизия комплектовалась из нескольких групп поляков: военнопленных австро-венгерской и германской армий, бывших подданных Российской империи – военнослужащих царской армии и представителей гражданского населения Сибири, перешедших в 1919 г. в

польское гражданство. По данным исследователей, большую часть 5-й дивизии составили военнопленные Первой мировой войны – до 90 % рядовых и 70 % офицеров [4, с. 89].

Военнопленные Первой мировой войны вступали в дивизию неохотно. Многим не нравился союз с Белым движением, поскольку среди военнослужащих 5-й дивизии были популярны социалистические идеи. После того как возрожденное польское государство получило международное признание, у части поляков пропало желание воевать на территории другой страны и защищать чужие интересы. Бывший военнослужащий 5-й Польской стрелковой дивизии Станислав Богданович так отзывался о сторонниках Белого движения: «Они боялись фронта и предпочитали ждать, когда же мы – поляки, чехи, сербы и другие народы, нередко враги России – пойдем брать города, а они будут там управлять за нашими спинами» [6, с. 32]. Падению боевого духа военнопленных «австрияков» и «германцев» способствовали и усталость от бесконечной войны, и тоска по мирной жизни. Многие военнопленные успели обзавестись в Сибири семьями. С. Богданович писал о них: «Вытаскивали их из теплых крестьянских хат... Они злились, говоря, что им там было хорошо. Почти каждый имел вторую жену, которая взяла его из лагеря военнопленных на полные работы. ...Никто из них дома не имел такого достатка, как после плена у сибирской бабы...». С. Богданович отмечал, что среди «австрияков» встречались и те, кто не хотел расставаться с монограммами императора Франца-Иосифа на форме и припрятывали их на всякий случай [6, с. 23].

С бывшими российскими подданными ситуация выглядела иначе. Многие поляки вступали в дивизию, желая таким образом защищать интересы возрожденной Польши либо по причине негативного отношения к большевистскому режиму. С. Богданович вступил в дивизию, потому что «...войско польское имело целью организовать поляков, находящихся в Сибири, и пробиться к Польше с оружием в руках. Войско должно было сражаться с большевиками, а затем с немцами» [6]. Встречались и те, кто сочувствовал советской власти, а в дивизии скрывался от преследования колчаковцев. Неприязненное отношение легионеров к Белому движению использовали сторонники советской власти («засланные из Москвы коммунисты»), получившие возможность вступить в дивизию на основании получения польского гражданства и таким образом осуществлять большевистскую пропаганду. Представители колчаковской власти предупреждали генерала М. Жанена о наличии среди польских солдат приверженцев левой идеологии [1, с. 333].

Драматично сложилась судьба польских военнопленных. Во время сложной эвакуации на восток большинство офицеров и солдат 5-й Польской стрелковой дивизии попали в окружение большевиков и капитулировали у станции Клюквенная. Удалось избежать плена и добраться до Польши группе числен-

ностью около 1000 чел. (120 офицеров и 800 солдат), возглавляемой полковником К. Румшей [4, с. 91]. В Сибири из пленных польской дивизии была сформирована Енисейская рабочая бригада, которая привлекалась на работы в рамках всеобщей трудовой повинности [7, с. 56].

Последующая судьба пленных участников формирования нашла отражение в материалах региональных архивов. В частности, в фондах архива г. Минусинска хранятся именные списки пленных 5-й Польской стрелковой дивизии (всего 418 чел.), отбывавших трудовую повинность на предприятиях Минусинского уезда. Именные списки содержат сведения биографического характера: подданство до Первой мировой войны; социальное происхождение, образование и профессия; статус в дивизии; возраст, семейное положение, состояние здоровья; партийность; режим содержания¹.

Пленные 5-й Польской стрелковой дивизии рассматриваются нами как особая социальная группа. Поскольку эта группа не имела иных отличительных черт, кроме места пребывания в плену в Минусинском уезде, ее характеристика может быть гипотетически распространена на все военное формирование в целом.

В группу пленных, находившихся на территории Минусинского уезда, входили военнопленные австро-венгерской и германской армий и бывшие подданные России. Численно преобладали военнопленные: 64,6 % (270 чел.) «австрияков» и «германцев» и 35,4 % (148 чел.) «россиян»². 195 поляков (46,6%) происходили из австрийской Галиции. 125 человек (29,9 %) ранее проживали на территориях Российской империи, отошедших к Польше в 1921 г. (Варшавская, Виленская, Гродненская, Люблинская, Ломжинская, Петроковская, Калишская губернии). Среди них наибольшую группу составили жители Варшавской губернии – 46 чел. (11 %). Только трое указали, что проживали прежде на территориях собственно России: А.Л. Багинский – г. Томск; В.М. Миллер – Акмолинскую область; В.Ф. Верхович – г. Петроград³. Указанные пленными сведения могли быть недостоверными. С. Богданович вспоминал, что, находясь в плену, скрывал факт рождения в Сибири, сведения о семье (у родителей было имение) и образовании (до вступления в дивизию учился в гимназии): «Соврал, чтобы большевики не преследовали родителей, которые проживали около Челябинска... Боялся, что могут меня, как постоянно

¹ Архив г. Минусинска. Ф. Р-25 (Минусинский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполком). Оп. 1. Д. 3 (Регистрационные карточки бывших политссыльных и беженцев); Оп. 1. Д. 9 (Регистрационные карточки и списки бывших военнопленных поляков); Оп. 1. Д. 545 (Список военнопленных поляков, принимавших участие в гражданской войне на стороне белых армий).

² Здесь и далее подсчитано по двум именованным спискам пленных поляков: Архив г. Минусинска. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. 15 л.; Оп. 1. Д. 9. 137 л.

³ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 89–91; Оп. 1. Д. 545. Л. 3–4 об.

проживающего в Сибири, мобилизовать в большевистскую армию» [6, с. 50]. Возможно, что таким образом поступили и другие пленные.

В списке пленных 5-й дивизии в Минусинском уезде числились члены РКП(б) и ППС (Польская социалистическая партия). Доля их была незначительна – всего 2,4 % (10 чел.). Из них трое являлись выходцами из Галиции, а семеро – из России⁴.

Сравнительный анализ данных о социальном происхождении, уровне образования и профессиональной деятельности до Первой мировой войны пленных 5-й польской дивизии в Минусинском уезде подтверждает социально-культурную и политическую неоднородность группы по признаку подданства. Почти половина пленных в графе «бывшее сословие» указали о себе – «гражданин» (195 чел., или 46,6 %). Ими назвались военнопленные австро-венгерской и германской армий. Такая социальная идентификация может свидетельствовать об идеологических ориентирах пленных и их готовности к восприятию большевистской пропаганды. После «граждан» наибольшую группу среди пленных 5-й польской дивизии составили бывшие мещане (97 чел., или 23,2 %) и крестьяне (58 чел., или 13,9 %). В действительности лиц, относившихся до войны к сословию крестьян, было больше. По данным именных списков до Первой мировой войны в сфере сельского хозяйства было занято свыше 30 % (84 чел.) бывших подданных Австро-Венгрии и Германии.

Доля дворян среди пленных 5-й польской дивизии – 10,3 % (43 чел.). Из них только двое были «австрияками» – граф А. Дунин-Ожаровский и Т. Домбровский из Галиции⁵. Остальные пленные дворянского происхождения родились в Российской империи. Таким образом, среди группы «россиян» доля дворян составила 27,7 %, а среди «австрияков» и «германцев» – 0,7 %.

Среди бывших подданных Австро-Венгрии и Германии преобладали лица с начальным образованием (186 чел., или 68,9 %). В основном это были крестьяне и мещане, обучавшиеся в сельских и народных училищах. В группе «россиян» доля лиц с высшим образованием была больше в 2,5 раза (18 чел., или 12,2 %, среди «австрияков» и «германцев» – 13 чел., или 4,8 %); со средним и средним специальным образованием – в 4,3 раза («россиян» – 68 чел., или 45,9 %, «австрияков» и «германцев» – 29 чел., или 10,7 %). В 1,4 раза реже среди «россиян» встречались малограмотные и неграмотные (14 чел., или 9,46 %, в группе «австрияков» и «германцев» – 36 чел., 13,3 %).

⁴ П.П. Ней – Бржезинский уезд, член ППС; Л.Ф. Пиотровский – г. Варшава, член ППС; Я.С. Кульмачевский – Гродненская губ., член РКП(б); В.И. Блachesвич – Виленская губ., член РКП(б); Я.В. Кулита – Херсонская губ., член РКП(б); А.И. Матусевич – г. Суwalkи, член РКП(б); С.И. Окуневич – г. Вильно, член РКП(б); В.В. Садловский – Галиция, член РКП(б); А.Н. Иванишин – Галиция, член РКП(б); Ф.А. Соловский – Галиция, член РКП(б) // Архив г. Минусинска. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 4 об.-5, 6 об.-7, 8 об.-9, 9 об.-10, 11 об.-12, 14 об.-15.

⁵ Там же. Л. 1, 3 об.-4.

Среди выходцев из Австро-Венгрии и Германии преобладающее большинство имели рабочие специальности – их было больше в 2 раза (124 чел., или 45,9 %), чем «россиян» (33 чел., или 22,3 %); лиц, занятых прежде в сельском хозяйстве («хлебопашцев»), – в 5 раз больше (84 чел., или 31,1 %), чем «россиян» (9 чел., или 6,1 %). В группе российских поляков оказалось больше представителей интеллектуальных профессий: инженерно-технических работников – в 25 раз (14 чел., или 9,46 %, у «австрияков» и «германцев» – 1 чел., или 0,37 %); чиновников – в 3,6 раз (2 чел., или 1,35 %, среди «австрияков» и «германцев» – 1 чел.); специалистов в сфере медицины и ветеринарии – в 5,5 раз (3 чел., или 2,03 %, среди «австрияков» и «германцев» – 1 чел.); агрономии и полеводства – в 11 раз (6 чел., или 4,05 %, военнопленных – 1 чел.); в области финансов – в 9 раз (5 чел., или 3,4 %, военнопленных – 1 чел.). Среди «россиян» был даже театральный антрепренер – С.Ш. Карась⁶. Все 8 профессиональных военных из списка пленных 5-й польской дивизии тоже были «россиянами». В группе бывших подданных Австро-Венгрии и Германии интеллектуальные профессии представлены учителями (5 чел.) и одним ученым из Кракова (С.Э. Тройнарский)⁷. Среди «россиян» оказался только один учитель (Г.Н. Богуславский)⁸, а научных работников не было. Доля людей, занятых до Первой мировой войны в сфере услуг (портные, повара, сапожники и пр.), была одинаковой – чуть более 7 % (11 «россиян» и 21 военнопленный).

Наибольшие по численности возрастные группы составили мужчины от 21 до 30 лет (151 чел., или 36,1 %) и от 31 до 40 лет (166 чел., или 39,7 %), в целом 317 чел., или 75,8 %. Средний возраст – 34,15 лет. Среди пленных были мужчины непризывного возраста. 63-летний дворянин из Варшавы М.Ю. Миллер вступил в дивизию вместе с сыном. В его регистрационной карточке отмечено – «отец польского офицера». В дивизии М.Ю. Миллер находился на нестроевой службе («завхоз отряда») ⁹. Можно отметить и совершенно уникальный случай. В списке пленных числился дворянин Радомской губернии А. Райчакевич, который был сослан в Сибирь за участие в восстании 1863 г. В возрасте 80 лет он вступил в дивизию рядовым и являлся эмиссаром Польского военного комитета по Минусинскому уезду¹⁰.

По заключению медицинской комиссии, 347 пленных (83 %) по состоянию на 1920 г. были признаны здоровыми, 18 чел. (4,3 %) – инвалидами.

Сведения о возрасте и состоянии здоровья пленных говорят о том, что эта группа как нельзя лучше подходила для работы на значимых для Минусинского

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ М.Я. Лодзинский, Я.П. Лясота, Я.Ю. Ржман, В.Я. Струзик, Т.Ф. Швейцер // Архив г. Минусинска. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 7 об.-8, 9 об.-10, 10 об.-11, 13 об.-14.

⁸ Там же. Л. 11 об.-12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 51–53.

уезда предприятиях. Проходившие в течение предыдущих нескольких лет мобилизации в армию актуализировали проблему восстановления трудовых ресурсов уезда. Пленные польской дивизии Минусинского уезда вошли в 4-ю Сибирскую военно-трудовую бригаду¹¹. Подавляющая часть польских пленных была занята на горнодобывающих предприятиях – руднике «Юлия» и Черногорских угольных копях (30 и 203 чел. соответственно, или 55,74% в целом), а также на Абаканском заводе (54 чел., или 12,9 %). 70 пленных (16,75 %) были трудоустроены с учетом их образования и профессиональной деятельности до войны: в уземотделе – 11 чел.; в уздравотделе – 6; на преподавательской работе – 5; в коммунальном хозяйстве – 3, в сфере общепита – 2 и т.п. Не были заняты в экономике только 5 чел. (1,2 %) – 3 по неизвестным причинам, а 2 находились под арестом за антисоветскую деятельность (И. Яницкий и А. Рихтер)¹².

Социальные характеристики группы пленных 5-й Польской стрелковой дивизии в Минусинском уезде позволяют сделать ряд выводов. Группа пленных поляков была неоднородной с учетом таких критериев, как подданство до Первой мировой войны, социальное происхождение, образование, профессиональные навыки. Российских поляков отличали более значимые социальные характеристики. В этой группе была выше доля представителей дворянства и интеллигенции, что в целом оказалось характерно для 5-й Польской стрелковой дивизии [4, с. 89], лиц с высшим и средним образованием, а также рабочих с высокой профессиональной квалификацией. Бывших подданных Австро-Венгрии и Германии в основной массе представляли лица, до войны занятые в сфере сельского хозяйства («хлебопашцы»), а также рабочие, преимущественно неквалифицированные. Уровень образования «австрияков» и «германцев» был ниже, чем у «россиян», что не могло не отразиться на их политическом мировоззрении. Можно утверждать, что группа российских поляков обладала более зрелым политическим сознанием, в то время как большинство бывших подданных Австро-Венгрии и Германии

отличалось индифферентным отношением к происходящим событиям.

Потенциал группы пленных польской дивизии использовался в соответствии с нуждами хозяйства Минусинского уезда.

Остается открытым ряд вопросов. Например, каким в целом было соотношение в 5-й Польской стрелковой дивизии бывших подданных России, с одной стороны, Австро-Венгрии и Германии – с другой. В исследуемой группе соотношение составило 1 к 3 (35 и 65 % соответственно), в то время как в работах, посвященных 5-й Польской стрелковой дивизии, указывается, что военнопленные австрийской и германской армий доминировали (до 90 %). Остается невыясненным вопрос о дальнейшей судьбе польских пленных: смогли ли они воспользоваться правом отъезда на историческую родину после завершения советско-польской войны 1920 г., каким был механизм репатриации и что ожидало тех, кто остался на постоянное жительство в Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
2. *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
3. *Wisniewski J.* Poslowie do: S.Bogdanowicz Ochotnik // Karta. Kwartalnik historyczny. 2005. № 44.
4. *Островский Л.К.* Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 316. С. 88–92.
5. *Neja J.* Charakterystyka Środowiska V diwizji strzelców polskich na Syberii // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego. Wrocław, 1998.
6. *Bogdanowicz S.* Ochotnik // Karta. Kwartalnik historyczny. 2005. № 44.
7. *Нам И.В.* Польские войска в Сибири // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010.

Статья поступила
в редакцию 15.03.2013

¹¹ Там же. Д. 545. Л. 4 об.–14.

¹² Там же. Л. 14 об.–15.

УДК 947(571)

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКО-ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

канд. ист. наук,
Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (СИУ РАНХ и ГС), г. Новосибирск
tatned@mail.ru

Статья посвящена характеристике современного этапа сибирско-польского академического взаимодействия в исторической науке. Новые методологические модели в контексте ментальной истории позволяют расширить границы гуманитарного знания. В работе принят анализ советского научного наследия, выявлены тенденции к переходу на новые методологические позиции, определены актуальные научные направления.

Ключевые слова: история ментальностей, интеллектуальная история, трансформация мировоззренческих стереотипов, сибирская полонистика, польская сибирика.

Обращение современной российской исторической науки к «польской проблематике» в контексте интеллектуальной истории сегодня имеет сразу несколько объяснительных мотивов. Рубеж XX–XXI столетий обозначил новые приоритеты в гуманитарном знании; расширение границ Европы оказалось весьма неоднозначным событием; активизация академической мобильности способствует установлению научных контактов. Естественный интерес к историческому прошлому и современным событиям в соседних славянских государствах обусловил стремление детерминировать конкретно-исторические события, побудил исследователей обратиться к анализу ценностных установок представителей двух славянских народов. Таким образом, методологический поворот, связанный с применением совокупности методов и приемов интеллектуальной истории, предопределил обращение к иным, не изученным ранее сферам исторического знания. Персональная история и мировоззренческие коннотации, интеллектуальная история и социокультурные дискурсы определяют на современном этапе содержание русско-польских и польско-российских академических контактов.

Для академического сообщества сибирских историков «польская тематика» не является новшеством. Скорее, это актуальный предмет исследования. Столетие январского восстания 1863 г. инициировало в 1960–1970-е гг. серию крупных академических мероприятий, результатом которых стали сборники научных статей, посвященные не только самому факту восстания, но и более широкому спектру русско-польских проблем. Обусловленные контекстом исторической эпохи, представленные в научных сборниках Новосибирска и Иркутска [1–4] результаты исследований

сибирских историков были посвящены революционному движению. В поле зрения авторов научных статей преимущественно входили следующие проблемы: статистика численности ссыльных и география мест их размещения, хронология событий, коннотация архивных материалов. Благодаря содержанию этого исследовательского пласта мы располагаем достаточно репрезентативной событийной основой истории ссылки в Сибирь и истории экономических миграций, имеем возможность оценить участие поляков в национально-освободительном движении (1863 г.), в революционных событиях (1917 г.) и в Гражданской войне (1918–1922/1923 гг.). Примечательно, что уже в ряду перечисленных сборников научных трудов Института истории СО РАН прослеживается динамика перехода от коннотации нарратива к изучению мотивов поведения через анализ исторических источников [4, с. 130–137, 162–170].

Поворотным моментом, как нам представляется, нужно считать 1997 г. На страницах «Славянского альманаха» В.К. Волковым и Л.Е. Горизонтовым впервые была обозначена проблема интерпретации соответствия исторических явлений и процессов интересам своего народа, часто в угоду политическим событиям [5, с. 5–11]. Площадкой для открытой дискуссии и генератором новых идей выступил Институт славяноведения и балканистики РАН, где в том же году была защищена диссертация Б.С. Шостаковича «Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.)»¹, а в 1999 г. – диссертация Л.Е. Горизонто-

¹ Шостакович Б.С. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.): дис. (в форме науч. докл.) ... д-ра ист. наук. М., 1997.

ва «Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 – начало XX в.: ключевые проблемы»². Окончательная постановка вопроса амбивалентности исторических представлений в славянском мире обоснована в монографии Л.Е. Горизонтова с «говорящим» названием: «Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.)» [6].

Казавшиеся смелыми и новаторскими подходы спустя десятилетие нашли свою реализацию в исследованиях на широком материале польско-сибирских и сибирско-польских исторических процессов XIX – начала XX в. Сегодня роль методологических ориентиров выполняют магистральные направления ментальной истории. Примечательно, что вопросами «сибирской Полонии» на протяжении последних пятнадцати лет активно занимается, наряду с Институтом славяноведения и Институтом культурологии РАН, Центр восточных исследований во Вроцлавском университете, а также Институт истории Академии наук Польши.

На современном этапе активно разрабатывается тема имагологии. Образ Сибири как конструкт обладает не только эмоциональной притягательностью для польских исследователей, но и неисчерпаемым источниковедческим потенциалом для сибирских историков. Мировоззренческие штудии в контексте национальных дискурсов нашли свое воплощение в совместных академических мероприятиях Института культурологии РАН, Института истории СО РАН, Томского государственного педагогического университета, Омского аграрного университета, Иркутского государственного университета, с одной стороны, и университетов Варшавы и Вроцлава, Кракова и Торуня – с другой.

Важной особенностью нового этапа академических контактов явился полинациональный состав участников. Начиная с конференции 1997 г. в Казани [7], польские участники выступали с докладами на российских форумах, а русские – в Польше. Уже через два года в работе научно-практической конференции в Томске принимали участие корифеи польской исторической науки, основатели двух научных школ из Польши – Антони Кучиньский (Вроцлав) и Викторья Сливовска (Варшава).

Движение от темы повстанчества к проблемам этнической идентичности и мемориализации культурного ядра происходило планомерно. Основное содержание докладов на Международной научной конференции в Томске было посвящено вкладу поляков в преобразование социокультурного пространства Сибири, в связи с чем показательными являются темы докладов Г.В. Скворцова «Участие поляков-гомичей в формировании архитектурного образа Томска» [8, с. 63–67] и Е.А. Дегальцевой «Культурная миссия ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX в.» [8, с. 72–

74]. Элементы рефлексии содержались в докладах В.М. Крюкова «Польша и поляки в восприятии сибирского “семидесятника”» [8, с. 146–148] и М. Мачуги «Католическая церковь в Сибири и мировоззрение поляков» [8, с. 95–97].

Конференция 2000 г. в Иркутске продемонстрировала новые подходы к пониманию привычных смысловых конструктов. В ходе Иркутского форума впервые были обозначены проблемы исторических представлений: «Время как территория удержания российско-польского диалога» [9, с. 157–159] и «Представление Сибири в польской картографии последнего пятидесятилетия» [9, с. 103–106].

Логическим продолжением диалога, начатого в Томске, стала очередная вроцлавская конференция 2002 г. [10]. В русле реконструкции этнической идентичности были подняты вопросы этнокультурного взаимодействия с коренными народами Сибири: «Polscy zesłańcy wobec ludów autochtonicznych Zabajkala» [10, s. 9–18] – доклад Яна Трынковского; подвергнут анализу процесс трансформации этнического самосознания беженцев Первой мировой войны – доклад Мариуша Корженевского «Polskie organizacje ratownicze w Rosji a świadomość narodowa uchodźcy z Krylestwa Polskiego w latach 1915-1918» [10, s. 19–31]. Ломке бесспорного когда-то стереотипа: «Поляк – значит, католик», – было посвящено размышление Ивоны Кабжиньской «Czy zmierzch stereotypu Polak – katolik?» [10, s. 191–204]. Описательная история окончательно уступила приоритетные позиции истории ментальной.

Следующее пятилетие было отмечено увеличением количества научных событий, ростом академической мобильности, но неким затуханием интереса к теоретико-мировоззренческой тематике. Формулировки названий научных мероприятий четко очерчивали границы исследовательских полей: «Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.» (Красноярск, 2006) [11], «Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej» (Вроцлав, 2007) [12], «Польские исследователи Сибири» (Иркутск, 2008 г.) [13]. В их рамках был накоплен конкретно-исторический материал, составивший базис для изучения специалистами по истории персоналий. В.А. Скубневским было предпринято широкое исследование темы «Поляки на Алтае (XIX начало XX века)» [13, с. 69–74].

В 2009 г. вновь произошло оживление интереса к теоретическим проблемам ментальной истории. Российский институт культурологии совместно с Постоянным представительством Польской академии наук в Москве провели Международную научную конференцию «Россия и Польша: долг памяти и право забвения» [14]. В рамках научного форума были подняты проблемы культурной памяти в национальных и глобальных контекстах. Феномен экспансии памяти на традиционную территорию исторического знания был подвергнут критическому анализу в исследовании К. Заморского «Историчность, история и память: о необходимости восприятия истории вне

² Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 – начало XX в.: ключевые проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

памяти» [14, с. 26]. В сообщении М. Бентковского «Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения» [14, с. 8–9] прозвучало предложение рассмотреть причины разногласий и непонимания с точки зрения социального конструирования реальности посредством нарратива. Как утверждает М. Бентковский, «социально сконструированные нарративы создают идентичность» [14, с. 8–9].

Практическим воплощением решения обозначенных теоретических проблем видятся научные события последующего хронологического ряда: конференции в Омске в 2009 и 2012 гг. [15; 16]. В «Истории польского переселения и ссылки в семейных преданиях: проблемы и перспективы изучения» С.Л. Мокринская постаралась объединить теоретический и практический аспекты проблемы мемориализации национальной памяти [15, с. 147–150]. Красноречивой иллюстрацией трансформации мировоззренческих стереотипов прозвучал доклад М.Л. Бережновой и А.А. Крих «Гриневицы: польское кладбище “русской” деревни» [15, с. 103–106]. Перекрестный анализ сибирско-польских и польско-сибирских стереотипов оказался плодотворным, благодаря исследованиям Е.Н. Туманик «Хозяйство забайкальских казаков середины XIX века в оценках Г.С. Бильдзюкевича» [16, с. 421–424], С.А. Мулиной «Сельская администрация глазами политических ссыльных» [16, с. 363–367], В. Цабан, Л. Михальской-Браха «Сибирь в воспоминаниях крестьянина Игнация Дрыгаса, сосланного после восстания 1863 года» [16, с. 356–362], М. Волоса «Против стереотипов. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич: польский и российский исследователь Сибири» [16, с. 411–415].

Годовщина восстания 1863 г. в Царстве Польском (150 лет в 2013 г.) вновь выступила побудительной причиной обращения к «польской тематике». Как и пятьдесят лет назад, научная конференция в Иркутске в 2008 г. [17] открыла череду научных мероприятий. Половина столетия – достаточно серьезный срок для осмысления произошедших в исторической науке методологических «переворотов». Во вступительном слове «Вместо предисловия. История ссылки польских январских повстанцев в восточные регионы России: ракурсы ее современного изучения» [17, с. 5–10] ответственный редактор сборника материалов конференции Б.С. Шостакович отметил: «Ныне становится совершенно очевидной необходимость нового осмысления темы и следования в ее дальнейшей исследовательской разработке концептуальному комплексному подходу на современном научном уровне» [17, с. 5]. Наряду с классическими темами хронологии событий, статистики и состава участников январских событий, в новых методологических традициях прозвучали доклады: «Мифологема сибирской ссылки поляков в общественном сознании Польши и России» Д.В. Карнаухова [17, с. 14–23], «Польские ссыльные в воспоминаниях жителей Тункинской долины» З. Шмыта [12, с. 176–185], «Художественный

язык сибирских картин Александра Сохачевского. Эволюция восприятия заложенного в них содержания» А. Милевской и Р. Млыника [12, с. 47–67].

Недавнее научное событие – Международная конференция в Новосибирске³ «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» – уже в своем названии содержало интенции к образам и категориям интеллектуальной истории. Пленарные доклады В. Ольшевского «Сообщения Мечислава Лепецкого из Сибири как источник культурной антропологии» и К. Карольчика «Сибирь в воспоминаниях ссыльных» (Университет Н. Коперника, Торунь) и Н.П. Матхановой (Институт истории СО РАН, Новосибирск) «Поляки на государственной службе в Сибири: проблемы интеграции до и после Январского восстания» осветили многоаспектность проблематики, акцентировав внимание на взаимодействии внутренних убеждений человека и окружающего его социума. Соотнесение образов реального и идеального получило освещение в докладах «Польский устав» и реалии окружающего мира» Н.С. Гурьяновой (Институт истории СО РАН, Новосибирск), «Январское восстание и менталитет польского народа в прошлом и настоящем» П. Глушковского (Центр польско-русского диалога и согласия, Варшава), «Взаимоотношения России и Польши в XX веке на страницах современных российских и польских школьных учебников истории» Е.Ф. Бехтеновой (Новосибирский государственный педагогический университет). В докладе Л.Е. Горизонтова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) «Познавательный потенциал изучения российско-польской истории XIX–XX вв.» прозвучали пожелания концептуализации новых исследовательских форматов, расширения исследовательских полей.

Новации в методологии рожают новые предметы исследований, исследовательские парадигмы. И вектор развития истории ментальностей в русской полонистике и польской сибирике направлен в сторону поиска взаимопонимания, общих аксиологических установок и механизмов их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–XX в.): сб. стат. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975.
2. Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.): сб. стат. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978.
3. Ссыльные революционеры в Сибири (XIX век – февраль 1917 года): сб. стат. Иркутск, 1985. Вып. 9.
4. Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в.: историография и источники: сб. стат. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987.
5. Волков В.К., Горизонтов Л.Е. Исторические судьбы восточного славянства и «национальность» науки // Славянский альманах 1997. М.: Индик, 1998. С. 5–11.

³ См.: Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: программа междунар. науч. конф. Новосибирск, 2013.

6. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индик, 1999.
7. Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры: материалы Междунар. рос.-пол. науч. конф. Казань, 1998.
8. Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 1999.
9. Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов Междунар. науч. конф. [Шостакович и др.] Иркутск, 2001.
10. *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie: tradycja i współczesność. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej (Wrocław-Krzyżdłina Mała, 10-12 października 2002 r.).* Wrocław, 2004.
11. Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.: сб. материалов межрегион. тематич. чтений «История и культура поляков Сибири» 2006–2007 гг. Красноярск, 2007.
12. *Polacy w nauce i kulturze Tomsku oraz Syberii Zachodniej. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej.* Wrocław, 2008.
13. Польские исследователи Сибири: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2011.
14. Россия и Польша: долг памяти и право забвения: Междунар. науч. конф.: тез. докл. М., 2009.
15. Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2012.
16. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. В 3 ч. Омск, 2012. Ч. I.
17. Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2008.

*Статья поступила
в редакцию 01.04.2013*

АРХЕОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 821.16.1

Л.И. ЖУРОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИТАТ И ЗАГОЛОВКОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.*

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск,
e-mail: zhurova@ngs.ru

В статье определяется степень функциональности цитат и заголовков общественно-политических сочинений русских публицистов XVI в. с целью выявления особенностей авторского стиля писателей.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Максим Грек, публицистика XVI в., цитата, заголовок.

Повышенный интерес к проблеме цитации в современной медиэвистике связан с разработкой методов интерпретационного анализа и герменевтического истолкования древнерусского источника [1, с. 129–134; 2, с. 26–34]. Методологической основой современных изысканий в области цитации следует признать концепцию М.М. Бахтина о функциях «чужой речи» [3, с. 445–452]. Сегодня накопилось достаточно много научных работ, в которых изучается проблема цитирования в отдельных древнерусских памятниках. Опыт цитации в средневековой литературной практике обобщен в статье М. Гардзанини [4, с. 28–40]. Вопросы разграничения цитат, заимствований и топосов поставлены современными исследователями [5, с. 325–350; 6, с. 21–32].

В средневековой публицистике роль цитации, безусловно, повышена в силу самой природы текста ораторской прозы. Патристическая литература служила школой для древнерусских проповедников. В творениях отцов Церкви (Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова) слова Священного Писания не подавляли авторский текст: небольшие фразовые единицы, взятые из сакрального текста, были украшающими вкраплениями в торжественной проповеди святителей. Безусловно, в сочинениях полемического характера в сравнении с беседами на нравственные темы доля прецедентного текста возрастала. Например, «Слово первое против иудеев» Иоанн Златоуст на-

чал с подборки библейских цитат. «Риторическая речь, в отличие от художественной, уже по своей целевой направленности не столь свободна в обращении с чужим словом. Риторика требует отчетливого ощущения границ чужой речи. Ей присуще обостренное чувство собственности на слово, шепетильность в вопросах аутентичности», – писал М.М. Бахтин [3, с. 452]. Степень «шепетильности» у Иосифа Волоцкого, Даниила и Максима Грека была различной.

В становлении полемического дискурса Древней Руси XVI в. библейская и святоотеческая цитаты сыграли текстообразующую роль, а цитация «была не просто приемом, а конструирующим принципом средневекового текста» [7, с. 75]. Совершенно очевидно, что цитаты из библейских книг и святоотеческих сочинений были наиболее востребованными.

Иосиф Волоцкий в заголовке каждого Слова «Просветителя», который представлял двучастную конструкцию – тезис «Слово на ересь...» и антитезис «Сказание от Божественных Писаний...», преподносил свою речь как «свѣдѣтельство от Божественных Писаний», раскрывая таким образом замысел своего труда – обличить еретиков, заручившись поддержкой священного слова, например: «Слово 1. На новоявившуюся ересь новгородьцких еретиков... Зде же имать сказание от Божественных Писаний, яко Богъ Отець Вседержитель имать Сына и Святаго Духа, единосущни и съпричастни Себѣ, и яко Святаа и Животворящая и Всемогущая Троица еще вначалѣ от патриархъ и от пророкъ и от всѣхъ божественныхъ Писаний свѣдѣтельство

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

имать» [8, с. 55]. Схематика заглавий всех Слов Иосифа одинакова. Авторская интенция адресована читателю в названии, и заголовок знакомит читателя с предметом повествования, готовит его восприятие. Уже в заглавиях писатели Средневековья определяли тему своих сочинений, которая развивалась в лейтмотив, «управляющий семантической системой произведения» [9, с. 437]. Итак, установка на Божественное Писание – исходная позиция в речи проповедника.

Первые четыре Слова сборника Иосифа начинаются с библейских цитат. Так, первая фраза Слова 1: «Блаженный и великий апостоль, уста Господня, Павел глаголетъ...» (1 Кор 8: 5–6); целый ряд цитат открывают Слово 2 (Мф 2:1, Гал 4:4, 1 Тит 3:16; 4:1–2) и Слово 3 (Деян 15:5–7, Евр 7:18–19; Евр 10:1); самый большой набор апостольских изречений вводит тему в Слово 4: «Павель божественны, учитель вселенныя, о таинствѣ Христова смотра глаголетъ сице» (Рим 11: 33–34; Евр 1:2–3; Филип 2:6–7; 1 Тим 3:16; Еф 5:32; Еф 3:8–9; Колас 1:26–27; Еф 3:3–4). Квантитативный анализ цитатного ряда позволяет говорить о намеренном усилении позиции начала Слов и активном функционировании «тематических ключей», по Р. Пиккио [9, с. 437], в сочинениях Иосифа Волоцкого. Лейтмотив подобранных микротекстов (цитат) способствовал завязыванию, порождению собственной речи автора и был ее камертоном. В остальных Словах «Просветителя» (5–16) повествование начинается не с цитаты, а с отсылки к Писанию и церковным преданиям (кроме Слов 9 и 12). Элиминирование функции прецедентного текста обусловлено укреплением собственной позиции Иосифа Волоцкого и осознанием им права на свободное «плавание». Предлог «от» в словосочетании «сказание от...» указывал на отправную точку. О повышенной роли текста Священного Писания в составлении своих Слов писатель заявил еще в «Сказании о новоявившейся ереси», служившем введением к книге.

Слова «Сборника» Даниила построены по модели, отличной от сочинений Иосифа Волоцкого. Но заголовки к своим сочинениям митрополит составил по конструкции, напоминающей вторую часть пространного названия сборника Иосифа. Сочетания: «Сказание от Священного Писания» или «От свидетельства Божественного Писания» – обязательный элемент вступления, дававшего автору право активно использовать цитирование, например, Слово 1 Даниила: «От свидетѣльства божественныхъ Писаний, яко внимати подобаетъ от ложныхъ пророкъ и от ложныхъ учителей... И яко послѣдующаа божественнымъ и законнымъ Писаниемъ не достоитъ испытывати глаголющихъ или пишущихъ. Аще кто благословнѣ богодухновеннаа Писания сказуетъ, и ничто же тому можетъ възбранити, зане слово Божие не вяжется»¹. Неоднократные указания Даниила на необходимость знания «божественныхъ» сочинений находим почти в каждом его Слове. Так, цитату из послания Иоанна Златоуста Римлянам –

«От невѣдения Священного Писания ражаются бесчисленная злая» – он приводит полностью, но предвзвешивает ее собственным текстом: «Многая же злая бывають чловѣкомъ от невнимания Божественныхъ Писаний» (Слово 7, л. 216 об.). Позиция – сначала собственная речь, затем «чужая речь» – реализует один из организационных принципов творчества Даниила, который, следуя за Иосифом Волоцким, большое значение придавал «свидетельствам», т.е. прецедентным текстам, а прямые указания на Священное Писание служили организующим моментом его авторской речи.

Текстовое оформление названий Слов Даниила многообразнее и динамичнее, нежели у Иосифа. Заголовки Слова 1 – самый полный во всем «Сборнике». В названиях остальных Слов первая фраза «От свидетѣльства божественныхъ Писаний...» опущена, но она, безусловно, подразумевалась, и заголовки, начинавшиеся с союза «Яко», были привязаны к исходной позиции, например, в Слово 2: «Яко не лѣпо есть враждовати друг на друга, но и инѣхъ враждующихъ смиревати, и яко не всюду есть миръ, добро. “Блаженни бо, рече, изгнани правды ради”, и якоже за правду страдааи блаженъ есть, за самое же зло страдааи безаконенъ есть, невозможно же благыхъ дѣлъ прилежащому от всѣхъ слышати добро. Также и о истинѣ стоащому не многы имѣти врагы, но аще о сихъ и съблажняются нѣщии, не устращатися подобает, но твердо быти и непоколеблему» (л. 41–41 об.). По сути, это претекст, а не заголовок в собственном смысле этого термина. Надписание к Слово 1 слишком обширно, оно составлено из нескольких синтаксических единиц, осложнено включением библейской цитаты (Мф 5:10). Его семантическая функция – ввести тему повествования и аннотировать сочинение, в надписание заложен смысловый потенциал текста. Но в морфологии листа такие претексты занимают место названия сочинения: расположены посередине листа и выписаны кинноварью, т.е. автор преподносит их как заголовки. Объяснение практике пространных названий следует искать в традиции «Просветителя», и Даниил как бы продолжил опыт Иосифа Волоцкого. Но редуцирование полемического пафоса в сочинениях Даниила требовало и сокращения их презентаций. Видимо, этим обстоятельством можно объяснить динамику претекстов-названий в «Сборнике»: от многосложной схематики первых глав Даниил постепенно перешел к названиям кратким. Например, в Слово 8: «Яко подобаетъ къ властемъ послушание имѣти и честь въздаати, и еже на врагы Божиа», а в последнем Слово 16: «О второмъ брацѣ совокупления». Налицо тенденция от раскрытия темы сочинения к ее называнию, в таком случае заголовок выполнял номинативную функцию с позиции автора и организующую функцию с позиции читателя. Заглавие и текст в публицистическом тексте коиндексальны, т.е. они полностью соответствовали друг другу.

Слова Даниила, как известно, составлены из трех частей: исторической, богословской, учительной (последняя названа автором «Наказание»). Вторая представляла собой набор «свидетельств», т.е. цитат (биб-

¹ Цит. по рукописи: РГБ, собр. МДА/Л, № 197. Л. 5 об. Далее листы указаны в тексте в круглых скобках.

лейских, святоотеческих) и выписок из сочинений, как правило, толкований учителей Церкви. В первой и третьей частях цитация традиционно служила аргументации писателя в его полемических рассуждениях. Здесь цитат, как правило, немного, и Даниил вводил их с помощью авторизации сакрального слова: «Сие бо и Павел являя глаголаше...», «Сего ради и верховный апостол Петр... рече» и т.д. Как правило, Даниил использовал прямое цитирование, поэтому реминисценций и аллюзий в его сочинениях немного.

Один из технических приемов работы Даниила с прецедентным текстом таков: в первой, исторической части он приводит фрагмент цитаты, например, в Слове 1: «Не поверзите бо, рече Господь, бисеры ваша пред свиниами» (Мф 7:6) (л. 7 об.). А богословскую часть, «свидетельства», он открывает полной цитатой: «Еуаггелие от Матфеа: «Не дадите святаа псомъ, ниже поверзите бисеры ваши пред свиниами, да не поперут ихъ ногама своима и, вращься, расторгнут вы» (Мф 7:6). И самое важное – далее он приводит выписку из толкования на эту цитату одного из учителей Церкви: «Толкование Златоустово. Аще и проходя, рече, повелѣ: “Еже слышаште въ ухо, проповѣдите на кровѣхъ” (Мф 10:27)², но ниже сие съпротивно есть первому, ниже бо тамо всѣмъ просто повелѣ рѣщи, но имже подобает рещи, съ дерзновением рещи: Псовъ же здѣ иже в нечестии живущих неисцѣлном и преложения еже на лучшее не имѣющих надежу назнамена, и свинеи иже в невъздѣржном житии пребывающих выну — их же всѣхъ недостойных, рече, быти такового слышания» (л. 10). Слова Златоуста Даниил не комментирует.

Слово 7 «О премудрости смотрения Господня въчеловѣчения, яко премудростию прехитри злога хитреца диавола, да вся въбрующая в Онъ спасе и спасаетъ» начинается с реминисценции Беседы XVI Иоанна Златоуста на книгу Бытия. Мотив искушения дьяволом и спасения Христова – в этом сочинении ведущий. Если в первой части Даниил рассуждает на тему «Христос... улови диавола» (л. 216), то в «свидетельствах» он приводит цитату из Евангелия (Мф 4:1–2), подтверждающую высказывание автора: «Тогда Исус възведенъ бысть духомъ въ пустыню и искуситися отъ диавола...» (л. 217).

В. Жмакин отметил такую особенность сочинений митрополита: «Даниил ловко скрывает свои собственные взгляды за рядом авторитетов древних отцов и учителей церкви и как бы заставляет их говорить вместо себя. Здесь у него нет ничего самостоятельного, он не произносит от себя ни одного слова: все зиждется здесь на одних чужих мнениях, и вся авторская деятельность его обнаружилась здесь только в подборе и известной группировке таких данных древней письменности, которые вполне отвечали его понятиям и взглядам на рассматриваемый предмет» [10, с. 417]. Это заключение исследователя XIX в. объясняет его публикацию, в которой помещены первая и третья час-

ти некоторых Слов «Соборника» и опущена часть вторая. И все-таки изучение «свидетельств» необходимо, потому что оно позволит представить Даниила как читателя, а проблема читателя в современной медиевистике актуализирована [11, с. 194–197].

Частотность цитирования у Даниила зависела от темы сочинения. Так, в Слове 3 «О соблюдении церковныхъ преданий» цитат нет вообще, но «свидетельства» чрезвычайно обширны, они занимают объем, почти в 5 раз превышающий первую и третью части вместе взятые. В «Наказании», которое очень кратко, митрополит объяснил: «До здѣ яже събрахъ свѣдѣтельства божественныхъ Писании в симъ словѣхъ въ пользу себѣ же и искренимъ...» (л. 92). «Собрание свидетельств» необходимо было Даниилу для порождения собственного высказывания, это был тот заряд, который должен был произвести выстрел, и заряд получился мощным, а выстрел довольно умеренным. Составление выписок – один из приемов черновой работы древнерусских публицистов [12, с. 6], но Даниил включил их в свой авторский текст, рассчитывая, видимо, на распространение знания прецедентного текста, им самим отобранного. Известно, что он ввел ограничение на келейное чтение в Волоколамском монастыре [13, с. 86–87], и, скорее всего, своими трудами пытался руководить читательской практикой. Митрополит рассчитывал на то, что представленные им материалы выполняют просветительскую функцию в православном обществе, а он таким способом сыграет свою пастырскую роль.

В первой части Слова 10, посвященного обсуждению нравственной проблематики: «Аще нѣкаа злаа сътворимъ братиамъ нашимъ, или укоримъ, или оклеветаемъ, в таяжде впадемъ», доля «чужой речи» мала (ссылка на Василия Великого и одна евангельская цитата), но третья часть, представляющая собой ученую проповедь, пронизана призывным пафосом к покаянию. Цитаты из посланий апостола Павла и Иоанна Богослова структурировали здесь речь Даниила. Раздел «Наказание», как правило, более насыщен цитатами, нежели первая часть Слов Даниила. Так, в упоминавшемся Слове 7 третья часть составлена на центонно-парафразовом принципе.

Функция священного слова в посланиях Даниила мало чем отличалась от роли цитат в Словах «Соборника». Так, в знаменитом Послании Дионисию Звенигородскому он приводит большой ряд высказываний святых отцов, представляя их таким образом: «Воспомынемъ древнихъ мужей». Он называет имена апостола Павла, святого Марка, Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Никиту Стифата, Исихия Иерусалимского, Симеона Богослова и снова Иоанна Златоуста и апостола Павла. Частотность цитат святого Иоанна в сочинениях Даниила очень высока, а дух учения Павла, который был для него апостольским идеалом, пронизывал сочинения русского митрополита. Основные функции цитаты в сочинениях Даниила, по классификации С. Моравски [14, с. 670–705], – авторитативная и эрудитивная.

² «И еже въ уши слышите, проповѣдите въ кровѣхъ и не убояетесь от убивающихъ тѣло» (Мф 10:27).

Итак, особенностями писательского стиля Даниила можно считать жанровое единообразие сочинений, пространные надписания текстов, линейную направленность рассуждений, прямое цитирование прецедентного текста.

В отличие от Даниила, Максим Грек сам выступал толкователем библейского текста (в древнерусской церковной практике книжники не позволяли себе интерпретировать священное слово, они, как правило, использовали толкования апостолов и святых отцов). Ученый монах часто начинал свои сочинения с цитаты, которая служила «тематическим ключом» к его высказыванию. Но он не стремился только украсить свою речь авторитетным словом, а старался раскрыть глубину его смысла, который должен был упрочить и собственные рассуждения публициста.

Примечательной чертой мастерства писателя была гибкость в использовании сакрального слова. Святогорец повторял отдельные слова и словосочетания из приведенной цитаты, искусно встраивал их в свой текст, двигаясь как бы по спирали, а не линейно. В одних случаях, например в заключении «Слова на звездочетцев», он собирал цитаты в «пучок», но это не всегда центонный способ строения, потому что между цитатами проложены авторские связки: «И чесо ради, о пророче? Зане, рече...», «и паку», «и инде», которые сигнализировали о ведущей роли автора-повествователя. В других случаях (в «Слове на хулителей Богородицы») он разрывал цитату (Пс 44:10–14) своими комментариями и выдержками из других цитат (Пс 109:3, Пс 88:37).

Сопоставляя ранние послания Максима Грека (до 1525 г.) с главами прижизненных собраний (40–50 гг. XVI в.), приходим к выводу о такой тенденции в развитии стиля писателя, как элиминирование прямой цитации. Так, в антилатинских полемических посланиях (до 1525 г.) ученый монах очень активно использует прецедентный текст. Он вводит в свою речь обширные выписки из Слов «богоносных мужей», маркируя их авторство: «Свѣдѣтель достовѣренъ есть блаженный Иван Златаустъ, сие глаголя в 15 Словѣ...»; «но да приидеть в посредѣ зѣлныи въ божественных Григории...»; «иже во святых отецъ нашъ Василие Великий...»; «к сим да отвѣщаетъ ему пресвятѣишыи Фотии, патриархъ Константинограда...». Их вид и расположение в авторском тексте отличаются от цитат из Священного Писания. Библейские слова подбираются, как правило, в виде групп микротекстов и звучат как бы аккордом.

В целом обилие цитат и выписок в авторском тексте Максима Грека может служить приметой первоначального варианта в его истории. Если взять тематический цикл, составленный из сочинений, написанных в разные периоды творчества ученого монаха, то можно видеть, как писатель от опыта введения выписок прецедентных текстов в ранние послания перешел к практике ссылки на евангельские святоотеческие слова в главах прижизненных собраний, составленных в начале 50-х гг. XVI в. Примером служат два «Слова на

латинов», написанных в 1522–1523 гг. в виде посланий Федору Карпову, и 68-я глава Хлудовского собрания «Слово против льстивого списания Николая Немчина» [15, с. 410–414].

Максим Грек использовал цитату не только как семантическую единицу, но и как образец строения поэтической речи. Например, в «Послании неким инокиням» он начинает вторую часть текста с цитаты: «Услышимъ прочее: «Силно, рече³, будетъ сѣмя ихъ на земли» (Пс 111: 2) – и строит свою фразу по принципу подобия: «силно же не златомъ и сребромъ... но силно въ вѣрѣ, и правдѣ, и любви...». Слово «силно» в модели авторского высказывания поставлено публицистом в позицию анафоры, и этот прием ритмизировал текстовый период. Цитата в сочинениях Максима Грека – инкрустация в ткани повествования, наряду с эрудитивной она выполняла орнаментально-организационную функцию. Можно привести примеры других типов цитирования в многочисленных сочинениях ученого грека, жанровый состав которых разнообразен.

Традиция заглавий в сочинениях Максима Грека иная. Ни в одном из них нет указания на «свидетельство от Священного Писания». Названия его сочинений, которые явно авторские (сохранились надписания автора к текстам), конкретны, предметны, номинативны, выражены одной синтаксической единицей и не содержат прямых отсылок к Священному Писанию. Пространные названия имеют всего несколько сочинений. Трактат, открывающий его кодексы, представляет программное сочинение ученого монаха: «Исповѣдание православныи вѣры Максима инока изъ Святыя Горы, имже извѣщаетъ о Христѣ Исусѣ всякаго православнаго, священника же и князя, что по всему истиннѣиши есть православенъ иннокъ, всю православную вѣру съблюдаа цѣлу и непремѣнну и непорочну»⁴. В нем изложена позиция Максима Грека, неправомерно осужденного на русских соборах. Это позиция истинного христианина, подчеркивает Святогорец. «Исповеданием» он начинает свою защитную речь, сложив ее из глав прижизненных собраний.

Заглавия сочинений Максима Грека, в отличие от трудов Даниила, очень разнообразны. Как правило, в них определен жанр: «Песнь благодарственна...», «Сказание о...», «Слово поучительно», «Слово благодарственно», «Слово отвещательно», «Слово обличительно», «Слово о покаянии», «Словеса душеполезна», «Главы поучительны», «Послание к...» и др.

Обозначив предмет повествования, автор далее указывал тему: об исправлении книг, о лести звездочетцев, об иноческом жителстве, о полемике с иноверцами и т.д. Таким образом Максим Грек устанавливал между текстом и названием эксплицитные связи, обеспечив восприятие своего высказывания. Примечательно, что принципиальной разницы между структурой заголовков его ранних посланий (до 1525 г.) и

³ Слово вписано над строкой почерком Максима Грека: РГБ, собр. МДА/1, № 42, л. 339 об. 12 св.

⁴ Цит. по рукописи: РГБ, собр. МДА/1, № 42. Л. 1.

глав собраний (30–40 гг. XVI в.) нет⁵, тогда как строение текстов, созданных в разные периоды творчества, претерпело существенные изменения, и важную роль в этом сыграло цитирование.

При всех различиях творческого потенциала публицистов XVI в. очевидно, что их объединяло стремление совместить духовный и исторический материал в общем историко-культурном контексте. На том пути, когда «писатели должны выступать как носители истины, а не как создатели собственных мыслей и образов» [9, с. 451], Даниил и Максим Грек находились в разных точках маршрута. Искусство публицистического слова Максима Грека, безусловно, приближало культуру Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каравашкин А.В.* Единственная реальность. О методологических спорах нашего времени // Россия XXI. 2000. № 6.
2. *Филиюшкин А.И.* Экзегетика древнерусских нарративных памятников и проблема герменевтической интерпретации текстов (на примере Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4.
3. *Бахтин М.М.* (Волошинов В.Н.) Марксизм и философия языка. М., 2000.

4. *Гардзанини М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб, 2008. Т. 58.
5. *Юрганов А.Л.* Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры: альманах. М., 2007. Вып. 1.
6. *Ранчин А.М.* О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. 2012. № 3 (49).
7. *Станчев К.* Поэтика на старобългарската литература. София, 1982.
8. *Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих.* Творение преподобного отца нашего Иосифа. Казань, 1904.
9. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003.
10. *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
11. *Журова Л.И.* Автор и читатель в русской публицистике XVI в. (постановка вопроса) // Вестн. НГУ. Серия: история, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология.
12. *Буланин Д.М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37.
13. *Грицевская И.М.* Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. СПб, 2012.
14. *Morawski S.* The Basic Functions of Quotation // Sign. Language. Culture. P., 1970.
15. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.

Статья поступила
в редакцию 04.03.2013

УДК 271.22–36(571.1/.5)

Н.К. ЧЕРНЫШОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АГИОГРАФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЙ СВ. ИННОКЕНТИЯ ИРКУТСКОГО)

д-р ист. наук,
ГПНТБ СО РАН, Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье раскрываются факторы создания и бытования житийных памятников Нового времени: особенности практики канонизации святых в Новое время; влияние Духовного регламента Петра I как документа, определяющего наполнение житий содержанием; роль исторической науки в трансформации житий; особенности изучения житийных памятников Нового времени.

Ключевые слова: агиография, житие, историческое сочинение, «Духовный регламент», Св. Иннокентий Иркутский, Св. Димитрий Ростовский, текстологический анализ, рукопись, биография, редакция, список.

Агиография св. Иннокентия, первого епископа Иркутского (в миру И.И. Кульчицкого) (1680–1731), возникла и развивалась на протяжении XIX – начала XX в. Данный этап развития жанра в настоящее время только

⁵ Например, «Слово противу тщашихся звѣздозрѣнием предрицати о будущих и о самовластии челоѵческом, сложи же ся слово на уповающих звѣздному нарождению и всячески по зодѣям ходити тщатся»; «Слово на латиновѣ, яко не лет есть ни единому приложити что или убавити въ божественном исповѣдании непорочныа христьяньскыа вѣры». Вероятно, заголовки ранних посланий появились в истории текста на более позднем этапе ее развития.

начинает изучаться. Статья посвящена рассмотрению некоторых социокультурных факторов, обусловленных реалиями наступившей исторической эпохи, которые оказали принципиальное влияние на развитие жанра.

Одной из особенностей церковной жизни в синодальную эпоху было то обстоятельство, что канонизации святых были сравнительно редки. При этом среди прославляемых оказалось значительное число архиереев, что дало основание исследователям называть XVIII в. веком «архиерейской святости» [1, с. 302]. Первым из архиереев XVIII в. был канонизирован митрополит Рос-

товский Димитрий (Тупгало) (1757 г.). Св. Иннокентий (Кульчицкий) в этом ряду стал вторым (1804 г.).

Другим важным фактором явилось принятие Духовного регламента Петра I в качестве документа, определяющего внутреннюю жизнь церкви, нормы духовной жизни, взаимоотношения церкви с государством и верующими. Документ не содержал каких-либо указаний для составителей агиографических текстов, однако при написании биографической части житий составитель мог или даже должен был руководствоваться, наряду с «этикетным принуждением» древнерусского книжника, пунктами Духовного регламента¹. Влияние документа на развитие жанра агиографии относится к числу малоизученных проблем агиографии Нового времени [2, с. 313–318; 3, с. 189–190]. С большой тщательностью в регламенте прописан статус епископа. Возможно, подчеркнутое внимание составителя документа к задачам и обязанностям этого звена церковной иерархии со своей стороны как-то повлияло на формирование такого явления, как «особый архиерейский период русской святости» в XVIII в.

Первым из агиобиографов св. Иннокентия обратился к Духовному регламенту иркутский протоиерей П.В. Громов [3, с. 190; 4, с. 172–173, 180, 221–223, 225–231]. Писатель ссылается на пункты Духовного регламента при описании таких сторон деятельности первого иркутского епископа, как административная, просветительская, иногда цитирует соответствующие пункты регламента. Отсылки к документу содержатся и в агиографическом сочинении архимандрита Модеста, однако в последнем названные отсылки перенесены из труда о. Прокопия [5, с. 36–38]. В агиографических текстах, возникших в более позднее время, самостоятельных обращений составителей житий к Духовному регламенту также не наблюдается.

Нашульывая особенности жанра в Новое время, протоиерей А.М. Державин впервые заговорил о роли «Четиих Миней» святителя Димитрия Ростовского в его развитии. «В истории агиографии они [«Четиих Миней». – Н. Ч.] завершили то, к чему стремилась эта отрасль древнеславянской письменности, старавшаяся в трудах Московского митрополита Макария и его последователей собрать все памятники русской и общехристианской агиографии и составить по ним книгу, доступную и удобную для народного пользования. Отсутствия попыток составить новые четии миней после святителя Димитрия ясно показывает, как великолепно понял и прекрасно выполнил он то, что составляло тогда задачу русской агиографии и нужду нашей Православной церкви. Но завершив труды своих предшественников, святитель Димитрий положил начало и сделал первый шаг в деле научного изучения агиографии

и критического исследования житий» [6, т. 16, с. 128]. Таким образом, характеризуя святителя Димитрия как завершителя древнерусской традиции в развитии жанра агиографии, исследователь поставил его и у истоков следующего этапа и указал две черты, проявившиеся в дальнейшем развитии жанра: 1) роль сочинения св. Димитрия как образца для духовных писателей, 2) связь с развитием научного изучения житий.

В работах современной исследовательницы М.А. Федотовой [7; 8; 9] ставится вопрос о значении жития самого автора «Четиих-Миней» св. Димитрия для становления агиографии на новом этапе ее развития. Обратившись к истории первых текстов жития святителя, М.А. Федотова касается, в частности, и вопроса об их источниках. Она называет использованные митрополитом Арсением Мацеевичем краткое житие, устные свидетельства, «Духовную» митрополита Димитрия, надгробную речь Стефана Яворского, предисловие к «Четиих Миней», т.е. традиционные для древнерусской агиографии тексты. Автор синодальной редакции жития Я.А. Татищев расширил круг привлеченных источников и, кроме указанных Арсением Мацеевичем и составленного им жития, использовал также «Дневные записки», «Епистоляр» (в издании 1774 г.) митрополита Димитрия, тексты его проповедей, издание «Розыска о раскольнической брынской вере» (М., 1745), а также «Исторический словарь о российских писателях» (СПб, 1772) Н.И. Новикова [8, с. 158–160]. Составитель жития имел целью, подчеркивает исследовательница, создать сочинение, «насыщенное биографическими данными», на решение этой задачи и был направлен поиск источников [9, с. 199]. Значение синодальной редакции жития св. Димитрия для развития жанра М.А. Федотова формулирует следующим образом: «... перед нами уже не столько средневековое житие, сколько агиографический памятник Нового времени, близкий к новому жанру – жанру биографии» [8, с. 165].

Появление первых житий св. Димитрия и св. Иннокентия разделяет приблизительно шестьдесят лет (создание первой краткой редакции жития Ростовского митрополита относится к 1756 г., а синодальной – к 1784 г., а самая ранняя зафиксированная дата, касающаяся жития св. Иннокентия, – 1814 г.). Составитель первого жития сибирского святого отметил «скудость» источников о его жизни, и это не было просто использование агиографического приема «общего места», но вполне соответствовало действительности. Еще не были собраны устные предания и воспоминания современников о св. Иннокентии, проповеди святого, переписка, дневниковые записки и другие свидетельства о его жизни и деятельности. Составитель, вероятно, располагал биографией святого, напечатанной в «Московском курьере на 1805 год» [10], содержавшей краткие сведения анкетного характера, описаниями чудес, текстом указа о канонизации и, возможно, некоторыми преданиями, запечатлевшими в сознании иркутян отдельные эпизоды деяний епископа и общее отношение к архипастырю. Обнаруживается также некоторая близость к опубликованному тексту жития св. Димитрия

¹ В Духовный регламент включены разделы, содержащие предписания о необходимости соблюдения осторожности в отношении чудес и явлений, что могло повлиять на процесс канонизации и, соответственно, на процесс агиографического творчества. Этот вопрос, как и другие, связанные с влиянием документа на развитие жанра агиографии, также практически не исследован.

[3, с. 51–53]. В целом указанные источники соответствуют древнерусской агиографической традиции.

При создании первых житийных текстов о св. Иннокентии одним из наиболее значимых источников биографической части явилась работа известного церковного историка митрополита Евгения (Болховитинова) «Краткое описание Китайского Пекинского монастыря», включенная в состав 2-й части «Истории Российской иерархии» Амвросия (Орнатского) (М., 1810) [3, с. 35–46]. В дальнейшем агиография св. Иннокентия развивалась в направлении еще более активного привлечения достижений церковно-исторической и светской историографии (П.В. Громов, архиепископ Филарет (Гумилевский), архимандрит Модест (Стрельбицкий) и др.). Архиепископ Филарет привлекал сочинения известных церковных историков – А.В. Аскоченского, С.К. Смирнова, главным образом, для извлечения фактов биографии первого Иркутского епископа. Для агиографа иногда имело значение то обстоятельство, что извлеченный им факт работал на его историческую концепцию. Красноречивым примером этого служит эпизод жития св. Иннокентия, указывающий на небескорыстие чрезвычайного посланника Саввы Владиславича Рагузинского. Агиограф в подтверждение данной оценки личности посланника ссылается на публикацию украинского историка М.О. Судьенко, из которой следует, что граф Владиславич был «грабителем Малороссии» [11, с. 436].

Архимандрит Модест опирался в своем агиографическом сочинении на труды церковных историков, в том числе сибирских, С.Г. Рункевича, А.И. Сулоцкого, архимандрита Мелетия (Якимова), выбирая из них «по крохам» факты биографии св. Иннокентия и воссоздавая сибирский контекст его деятельности. Агиографическое сочинение архимандрита Модеста демонстрирует еще один способ использования достижений исторической науки. Обращение к трудам сибирских областников С.С. Шашкова и А.П. Щапова – историков революционно-демократического направления – хотя и не прибавило каких-либо новых фактов к биографии первого иркутского епископа, но позволило агиографу остроумно и убедительно подчеркнуть святительский подвиг святого.

Жития св. Иннокентия свидетельствуют о том, что расширение источниковой базы агиографии произошло также за счет опубликованных в XIX – начале XX в. документальных материалов по истории церкви и гражданской истории и привлечения документов церковного делопроизводства. Впервые это явление применительно к агиографии XVII в. было отмечено в работах Е.К. Ромодановской. Она характеризовала использование в качестве источника житийных текстов судебно-следственных дел, а именно «расспросных речей» по поводу «явлений» и «чудес». Они, как отмечала Е.К. Ромодановская, почти не содержали сведений о биографии святого [12, с. 66–67]. Роль происшедшего в начале XVIII в. коренного изменения в характере делопроизводства, повлекшего за собой, в частности, изменение видовой структуры источников и увеличе-

ние количества делопроизводственных документов, в развитии агиографии Нового времени остается малоизученной. Документы церковного делопроизводства, относящиеся ко времени епископа Иннокентия, были выявлены в иркутских архивах П.В. Громовым и включены им в состав «Начала христианства в Иркутске...» при описании деятельности епископа, его кончины и погребения, а также истории почитания святого в Иркутске. Возможно, этот факт следует рассматривать не как частный случай, а как знаковое явление в развитии агиографического жанра в Новое время. Материалы, введенные в оборот о. Прокопием, послужили базой для агиографов более позднего времени при освещении сибирских страниц жизни св. Иннокентия, его подвигов и «скорбей». Важно подчеркнуть, что после трудов П.В. Громова и архимандрита Модеста новых фактов в жизнеописания Св. Иннокентия почти не вводилось.

Приведенные наблюдения над текстами житий св. Иннокентия совершенно не противоречат выводу М.А. Федотовой о развитии житийного жанра в сторону «биографизма», но вместе с тем – позволяют существенно уточнить его, а именно, отметить укрепление связей жанра с развитием исторической науки как в области расширения круга источников, так и взаимодействия с историографией Нового времени. Возможно, при создании житий св. Димитрия эта тенденция еще не проявилась в той мере, как это отразилось в агиографии св. Иннокентия.

В Новое время рукописная традиция все больше отходила на периферию, уступая место печатным текстам. Нами выявлено 66 текстов житий и жизнеописаний святителя Иннокентия, созданных и напечатанных в XIX – начале XX в. Рукописная традиция связана с распространением списков первого жития: текста, опубликованного в 1817 г. Н.В. Семивским, и издания, осуществленного после 1822 г. [13; 14]. Списков более поздних житийных текстов не выявлено.

Исследователями древнерусской книжности разработаны методы и инструментарий изучения рукописей, включая агиографические сочинения. Основу их составляет текстологический анализ [15; 16]. Изучение памятника начинается с выявления списков, затем следует исследование истории текста – установление редакций, картины взаимоотношений списков и редакций, источников, авторских замыслов, разыскание возможных авторов, переписчиков и т.д. Мы предприняли попытку изучения печатных житий Св. Иннокентия и их классификации с целью установления источников и взаимосвязей опубликованных текстов, для чего использовали методику, традиционно применяющуюся при исследовании рукописных памятников древнерусской агиографии – текстологический анализ. Одной из особенностей применения его в данной ситуации было то, что при анализе практически упразднились «списки».

Однако при исследовании истории текста по отношению к печатным вариантам житий, созданных в XIX – начале XX в., оправданно и плодотворно использование понятия «редакция», в соответствии с тем опре-

делением термина, которое дал Д.С. Лихачев, говоря о древнерусских рукописных житийных памятниках: «Редакции текста, являясь результатом сознательной целенаправленной деятельности древних книжников, знаменуют собой этапы в развитии текста». Ученый выделяет редакции идеологические, редакции стилистические и редакции, «вызванные стремлением расширить фактическую сторону произведения» [16, с. 135–139]. Большинство рассмотренных нами опубликованных житийных текстов появились в результате именно целенаправленной работы составителей над выбранным источником или источниками в одном или нескольких упомянутых направлениях, т.е. являются редакциями.

При анализе житий св. Иннокентия мы воспользовались понятием «редакция», во-первых, для группы житий, созданных после канонизации святого. Одно из них – упомянутое житие св. Иннокентия, опубликованное в 1817 г. Н.В. Семивским. На протяжении первой половины XIX в. текст 1817 г. дополнялся новыми структурными частями: вариантами предисловия, описаниями чудес, историей открытия мощей, похвалой; биографическая часть расширялась за счет использования исторических сочинений, документов и подвергалась редактированию и стилистической правке. В итоге удалось выделить четыре редакции первого жития св. Иннокентия: упомянутые тексты 1817 г. и отдельного издания жития, осуществленного после 1822 г., а также редакции Д. Эристова – М. Яковлева и А.Н. Муравьева [13; 14; 17; 18].

Созданные в середине–второй половине XIX в. протоиереем П.В. Громым и архимандритом Модестом жизнеописания святого мы рассматриваем не как редакции, а как самостоятельные памятники, поскольку они возникли на основе использования широкого круга неизвестных ранее источников, раскрыли новые грани личности прославленного иерарха и проявления его святости. Текстуальная близость с текстом первого жития незначительна и, как правило, заимствованные из первого жития фрагменты сопровождаются соответствующими отсылками.

Текстологический анализ показал, что труд П.В. Громова послужил основой для сочинений позднейших агиографов, в первую очередь известнейшего и авторитетного духовного писателя XIX в. архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского), и, таким образом, текст жития св. Иннокентия в составе «Русских святых» можно считать редакцией соответствующего произведения П.В. Громова. В дальнейшем агиографы второй половины XIX в. в работе над житиями св. Иннокентия часто использовали в качестве основного источника текст «Русских святых...»: архимандрит Игнатий (Мальшев), А.Ф. Хойнацкий, М.В. Толстой, С. Дестунис, Дмитрий (Самбикин) и др. Созданные ими жития св. Иннокентия можно рассматривать как редакции сочинения архиепископа Филарета.

Несмотря на стремление придерживаться жанровых канонов – сохранение композиционной структуры агиографических сочинений, использование традици-

онного для агиографии компилятивного метода работы, «общих мест» и т.д., – в житиях св. Иннокентия проявились некоторые изменения в подходе к содержанию и приемах работы агиографов. Они состояли во все более тесном взаимодействии с развитием исторической науки, влиянии Духовного регламента Петра I как регламентирующего документа при наполнении жития реальным содержанием, что вполне сочеталось с элементами «этикетного принуждения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. М., 2002. 464 с.
2. Андроник (Трубачев). Житийная литература / Афиногенов Д.Е., Руди Т.Р., Иванова К. [и др.] // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 283–345.
3. Чернышова Н.К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск, 2009. 536 с.
4. Громов П.В. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление. Иркутск, 1868. 408 с.
5. Модест, еп. Жизнь Св. Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца. Пермь, 1878. 52 с.
6. Державин А., прот. Четии-Миней святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник // Богослов. тр. / Моск. Патриархия. 1976. Т. 15. С. 61–145; Т. 16. С. 46–141.
7. Федотова М.А. Житие, почитание и прижизненные чудеса святого Дмитрия Ростовского // Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский: исслед. и материалы. Ростов Великий, 2008. С. 273–310.
8. Федотова М.А. Житие святого Дмитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // ТОДРЛ. 2009. Т. 60. С. 150–182.
9. Федотова М.А. Источники жития Дмитрия Ростовского // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 180–222.
10. Моск. курьер на 1805 год. С. 81–82.
11. Филарет (Гумилевский), архиеп. Преставление Св. Иннокентия епископа Иркутского // Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. 2-е изд. Чернигов, 1865. С. 428–466.
12. Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1973. Вып. 3. С. 66–67.
13. Сказание о святом Иннокентии, иркутском чудотворце // Семивский Н.В. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое донныне не было всем известно. СПб., 1817. С. 73–78.
14. Житие и чудеса святителя Иннокентия первого епископа Иркутского и чудотворца. [Иркутск, после 1822 г.]. 30 с.
15. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. 465, III, 30 с.
16. Лихачев Д.С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. 640 с.
17. Иннокентий, святой, епископ Иркутский // Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых / сост. М.Л. Яковлев, Д.А. Эристов. СПб, 1836. С. 120–122.
18. Муравьев А.Н. Житие святителя Иннокентия Иркутского // Муравьев А.Н. Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских. СПб, 1856. Месяц ноябрь. С. 330–362.

УДК 821.161.1

Т.В. ПАНИЧ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ XV–XVII вв. В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ*

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

Статья посвящена проблеме функционирования жанра древнерусского духовного завещания в сочинениях агнографического характера. Анализируются особенности завещаний, определяется их значение и роль в агнографическом повествовании. В качестве материала исследования привлечены духовные завещания известных церковных иерархов XIV–XVII вв., присоединенные к их жизнеописаниям.

Ключевые слова: духовные завещания, церковные иерархи, агнографические тексты.

Жанр духовного завещания, одной из особенностей которого является разнообразие его типов, имел длительную традицию в древнерусской литературе. В рукописях встречаются разные самоназвания текстов, относящихся к данному жанру: «духовное завещание», «духовная грамота», «прощальная грамота», «духовная», «завет», «заветное писание». Духовное завещание часто совмещало в себе документальное и литературное содержание¹. Наряду с деловой частью (имущественными и хозяйственными распоряжениями) текст включал и литературную составляющую: это могли быть эмоционально окрашенные размышления философской направленности о жизни и смерти, бренности земного бытия; рассуждения завещателя на морально-нравственные темы; наказания и заветы близким духовного характера. При этом составители завещаний обращались к агнографической топике, библейским мотивам и образам, святоотеческим сочинениям. Отдельные тексты завещательного жанра включали автобиографические сведения. Благодаря этим аспектам духовное завещание оказывало свое влияние на другие жанры древнерусской литературы, на развитие автобиографического повествования².

Среди всего разнообразия завещаний особый интерес представляют духовные завещания (духовные грамоты) церковных деятелей. Согласно классификации Ф. Лиленфельда, они составляют группу «духовных грамот митрополитов» [5, с. 80–98] или, по определению, предложенному Н.В. Поньрко (на наш взгляд, более точному), – «духовных завещаний цер-

ковных иерархов» [4, с. 380]. Н.В. Поньрко включила в этот ряд духовные завещания русских патриархов и старообрядческих духовных наставников [4, с. 380]³. Кроме того, она выделила в структуре таких завещаний традиционные элементы: «исповедание веры» и «просьбу о прощении собственных согрешений с одновременным разрешением и прощением грехов своей паствы» [4, с. 381].

Духовные завещания церковных иерархов отличаются публицистическим характером, являются общественно значимыми по своему содержанию и целевой направленности, так как обращены к широкой аудитории. Эти тексты содержат заветы, касающиеся актуальных проблем церковной и общественной жизни, нравственные сентенции и призывы к хранению православной веры, исполнению евангельских заповедей и норм христианской этики. В них традиционно находит отражение исповедальная тема, звучат мотивы прощания, покаяния и прощения, смерти и посмертной участи человека⁴ – мотивы и темы, определяемые нравственной обязанностью церковного пастыря перед кончиной позаботиться о своих духовных чадах. Таким образом, в завещаниях церковных иерархов особо выражен дидактический аспект, что роднит их с жанром поучений.

Известны случаи, когда духовные завещания подобного типа включались в жизнеописания их авторов, становясь неотъемлемой частью композиционной

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

¹ О взаимоотношении литературы и документа в жанре духовного завещания см.: [1, с. 3–31; 2].

² Наиболее заметным это влияние становится в XVII в. [3, с. 23–24; 4, с. 379–387].

³ Как показало исследование Н.С. Гурьяновой, данный тип древнерусского духовного завещания использовался и получил развитие в Выговской пустыни в XVIII–XIX вв. [6, с. 181–195].

⁴ Следует отметить, что религиозно-нравственная тематика присуща жанру монашеского завещания в широком значении, включая завещания монастырских игуменов и иноков. Таковы, например, духовные завещания игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия Туркова [7, с. 342–356] и иеромонаха Чудова монастыря Евфимия [8, с. 171–179].

структуры агиографического текста и выполняя в нем определенную функцию.

Рассмотрим несколько таких духовных завещаний иерархов Русской церкви, которые были написаны в XV–XVII вв. и присоединены позднее к их житиям или к жанрово близким им текстам агиографического характера, посвященным данным церковным деятелям. Это завещания митрополитов Киприана (ок. 1330–1406 гг.), Фотия (ум. 1431 г.), Макария (1481–1563 гг.) и патриарха Иоакима (1621–1690 гг.).

Самое раннее из них по времени написания – Духовное завещание («Прощальная грамота») митрополита Киприана. Оно было присоединено к «Сказанию вкратце о премудромъ Киприанѣ, митрополите Киевскомъ и всея Руси»⁵, которое представляет собой краткое жизнеописание святителя. Автор «Сказания» пишет о том, что митрополит Киприан «за четыре же дни преже преставления своего написа грамоту нѣкакую чудно прашальную» и повелел прочесть ее «въслухъ людемъ» над его гробом [9, с. 108–109]. Здесь же лаконично передано и ее содержание. После сообщения о смерти митрополита и о чтении при погребении его «Прощальной грамоты» автор вводит в повествование и сам ее текст с помощью связки: «Бяше же таковая грамота писана сице» [9, с. 109].

Следует отметить, что сочинение невелико по объему и лаконично по своему содержанию, в нем также слабо выражено литературное начало, стиль отличается простотой, редко встречаются образные выражения, отражающие эмоциональное состояние завещателя или его оценочные характеристики. Например: «болѣзнем на мя умножившимся нынѣ, яко же иногда, никогда же ничто же ми возвещающе ино, разве смерть»; «боголюбивым епископам»; «благородному и христолюбивому о святем Дусе возлюбленному сыну моему князю» [9, с. 109–110]. В конце грамоты содержится замечание о том, что она осталась без подписи митрополита из-за его тяжелого состояния («а не подписахъ немощи ради своея» [9, с. 111]).

После «Прощальной грамоты» имеется еще одна текстовая скрепа: «По концы же таковыя грамоты приписано философски» [9, с. 111]. Фраза предваряет небольшой ритмизованный текст⁶, который содержит элегические размышления о смерти, быстротечности и призрачности земного бытия, как бы развивая заданную, но не развернутую Завещанием митрополита Киприана тему. В самом конце агиографического комплекса сделана приписка, логически завершающая все повествование. В ней говорится о том, что со времени митрополита Киприана по образцу его «Прощальной грамоты» создавались духовные завещания последующих предстоятелей Русской Церкви, и установилась традиция их чтения при погребении: «По отшествии же сего митрополита и прочии митро-

политы русти и донынѣ преписавоуще сию грамоту, повелевають въ преставлении своемъ во гробъ вкладоуещеся, тако же прочитати въ услышание всѣмъ» [9, с. 112].

Таким образом, составитель данного агиографического комплекса с помощью небольших текстов-скреп вписал в контекст жизнеописания митрополита Киприана его «Прощальную грамоту» – документ, в котором зафиксировано прощальное слово святителя, выражена его последняя воля. В итоге получилось цельное, логически выстроенное повествование. Здесь, как и в других подобных случаях, использован традиционный принцип «ансамблевого» строения текста, когда первоначальный текст дополняется новыми сочинениями близкой тематики, которые могли быть написаны в разное время и разными авторами [11, с. 51–52].

Эту традицию продолжает «Сказание о Фотии, митрополите Киевскомъ и всея Руси», включающее его Духовное завещание⁷. Между «Сказанием», повествующим о жизни и кончине Фотия, и его Завещанием сделана вставка, связывающая оба текста. В ней сообщается о написании Завещания: «И во дни тья преже преставления своего написа слово воспоминательно о житии своемъ, и прощая всѣхъ и благословляя, и сам прося прощения отъ всѣхъ, и завѣща съблюдати, яже написа в чину завѣста, сице глаголя» [9, с. 163]. Как видим, Завещание представлено здесь как воспоминание о жизни, т.е. в нем предполагается наличие автобиографических сведений. Действительно, вступительная часть текста представляет собой краткое описание завещателем собственной жизни. Эту часть сочинения отличает особый, литературно украшенный стиль: повествование насыщено традиционными мотивами и образами. Здесь широко используются экспрессивные обороты речи, риторические восклицания и образные сравнения. Размышления Фотия о встреченных им на жизненном пути «скорбях», «печалях» и «лютых напастях» пронизаны скорбными нотами, постоянно звучит тема слез («рыдая и плача и сетуя», «в колика рыдания и слезы впадохъ», «исчезоша очи мои отъ слезъ» и т.д.).

Надо отметить, что по своему содержанию «Сказание» и Завещание (главным образом, его вступительная часть) перекликаются между собой: в «Сказании» описаны некоторые эпизоды и факты из жизни митрополита Фотия, упомянутые им самим в Завещании. Например: о духовном влиянии на него старца Акакия, с которым Фотий провел долгое время; о рукоположении его константинопольским патриархом Матфеем на Киевскую митрополию «и на всю Русь»; об увиденном им запустении, «гладе» и «море» в русских землях из-за междоусобных браней и нашествия «агарян». Наряду с указанной выше вставкой, соединяющей «Сказание» и Духовное завещание в единый комплекс, подобные фактические и тематические переклички между ними

⁵ Нами используется текст, включенный в Степенную книгу [9, с. 108–112].

⁶ Исследование данного поэтического сочинения см.: [10, с. 123–150].

⁷ Нами используется текст, входящий в Степенную книгу [9, с. 163–169].

обеспечивают последовательность и целостность агиографического повествования.

Если завещания митрополитов Киприана и Фотия присоединены к их кратким жизнеописаниям, то Духовное завещание Митрополита Макария – к сочинению о его смерти – «Сказанию о последних днях митрополита Макария»⁸ («О немощи и о преставлении и погребении Макария, митрополита всеа Руси»⁹). По своему содержанию и стилистике «Сказание» представляют собой повествование агиографического типа, относится к тем сочинениям, которые предшествуют житию святого, являются первичным материалом для него [13, с. 221]. В «Сказании» подробно излагается хроника болезни и смерти митрополита Макария. Ориентируясь на агиографическую модель, используя житийные мотивы и образы (чудесное откровение о скорой кончине, предсмертные видения и др.), автор описывает уход митрополита как благочестивую кончину святого – один из традиционных элементов стандартной житийной композиционной структуры. В конце «Сказания» сообщается о том, что государь при погребении митрополита Макария «повеле прощение его чести зело чудно вслух всем протодиакону велегласно»¹⁰.

Затем приводится сам текст Духовного завещания. В нем по традиции излагается исповедание веры, митрополит просит у всех прощения и сам прощает и благословляет своих духовных чад, начиная от царя Ивана Васильевича и до простых мирян. Завещание содержит и биографические сведения, касающиеся церковной карьеры Макария. Он сам говорит о постигшей его «скорби от великого пожару» (имеется в виду Московский пожар 1547 г.), о своем желании отречься от архиерейского сана и уйти в монастырь «на молчальное житие» (тема отражена и в «Сказании»: здесь говорится о том, что митрополит Макарий неоднократно просил царя Ивана Васильевича отпустить его на «молчальное житие» в Пафнутьев монастырь).

После Завещания следует небольшой текст, который содержит сведения о дате смерти и месте погребения Макария и завершает повествование, связывая отдельные его части в единую композиционную структуру.

Традиция использования духовного завещания в агиографическом повествовании сохраняется и в XVII в. Это можно видеть на примере Духовного завещания (Духовной грамоты) патриарха Иоакима¹¹, которое было написано в марте 1690 г. за несколько дней до

его кончины и позднее включено в состав его Жития¹². Завещание идейно и тематически тесно сопряжено с другими текстами Жития. Оно логически продолжает вторую его часть – Послание архимандрита Новоспасского монастыря Игнатия (Римского-Корсакова) на имя Афанасия Холмогорского. Игнатий был свидетелем последних дней жизни патриарха и описал в Послании его кончину с помощью традиционных изобразительных средств из арсенала агиографической топики [19, с. 121–127]. Он также рассказал об обстоятельствах создания Завещания, кратко представил его содержание и отметил важные, с его точки зрения, идеи сочинения. Таким образом, автор предварил включение Завещания в агиографический комплекс, упомянув о нем в том месте Послания, где говорится о приготовлении патриарха к смерти, что обеспечило последовательность изложения и логическую связь между текстами.

По своей структуре и содержанию Духовное завещание патриарха Иоакима являет собой пример поздних сочинений завещательного жанра и имеет свои особенности по сравнению с рассмотренными выше завещаниями церковных иерархов. Его проблематика отличается большей широтой, более подробно разрабатываются традиционные для завещаний такого рода темы. Сочинение представляет собой развернутую идеологическую программу общественной и церковной жизни православного государства, базирующуюся на религиозно-нравственных постулатах христианства. Патриарх проявляет заботу не только о судьбе Церкви, но и о «целости» и «лепоте» Русского государства, устройстве войска и др. Немалое место в Завещании отведено и теме борьбы с иноконфессиональным влиянием, а также обозначена позиция патриарха по отношению к новациям в области иконографии. Однако в целом Духовное завещание патриарха Иоакима продолжает традиции духовных завещаний церковных иерархов, созданных в XV–XVI вв.

Итак, даже беглый анализ привлеченных нами духовных завещаний позволяет увидеть, что все они заметно отличаются друг от друга по объему, каждое из них имеет свою специфику, выделяется своеобразием стиля и содержания, в разной степени в них выражено литературное начало (особенно ярко оно проявилось в Завещании митрополита Фотия). Однако эти тексты включают традиционные для композиционной структуры духовного завещания церковных иерархов компоненты: исповедание веры, прощение и благословение оставляемой паствы. Их объединяет также и наличие этикетных мотивов и тем: покаяния, бренности земного бытия, смерти и Страшного суда; использование образов, цитат и парафраз из Священного Писания. Тексты содержат экспрессивные обороты речи, восклицания, риторические вопросы и другие стилистические средства, призванные оказать эмоциональное воздействие на читателей и слушателей. В каждом из завещаний также содержатся элементы автобиографии, прослежи-

⁸ Об этом памятнике см.: [12, с. 385–386].

⁹ Цит. по рукописи конца XVIII – начала XIX в.: РГБ, собрание МДА, ф. 173.1, № 377, л. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=377&pagefile=377-0004> (дата обращения: 26.02.2010).

¹⁰ РГБ, собр. МДА, ф. 173.1, № 377, л. 20.

¹¹ Оригинал Завещания сохранился в рукописи: ГИМ, Синодальное собрание, № 422, л. 18–30. Текст издан по этой рукописи, см.: [14, с. 11–139]; новое издание см.: [15, с. 207–227].

¹² О Житии патриарха Иоакима см.: [16, с. 351–355; 17, с. 41–94; 18, с. 50–53].

ваются мотивы житийной топики. Например, митрополит Фотий говорит о себе: «отрекохся прелестнаго и суетнаго жития мирскаго», «желах умрътвиться миру и разлучитися жития сего прелестнаго» [9, с. 163–164] (отрицание мирского образа жизни, бегство от мира, крайний аскетизм – этикетные черты, характеризующие поведение агиографического героя). В Завещании патриарха Иоакима также встречаются клише житийного канона («благочестивые родители», «благочестивое воспитание»). Подобные детали добавляют новые штрихи к агиографическому образу завещателей, полнее раскрывают систему их воззрений и ценностных установок. Благодаря наличию элементов автобиографии, агиографических мотивов и образов, которые сближали завещание с житийным текстом, оно органично встраивалось в структуру агиографического сочинения в качестве одной из составных частей, усложняя композицию и содержание произведения.

Такое композиционное размещение завещания и сама возможность его включения в контекст агиографического повествования были обусловлены и спецификой самого житийного текста, который часто выстраивался по типу «ансамбля» за счет присоединения новых сочинений, связанных с именем святого. К тому же нельзя не заметить, что духовное завещание по своему смысловому наполнению соответствовало традиционному элементу агиографической схемы – предсмертному прощанию и завещанию святого. Имеется в виду описание этикетной ситуации, когда житийный герой обращается с последним словом к своему окружению. В рассмотренных (и подобных им) жизнеописаниях церковных иерархов функцию этого топоса выполняет составленное перед кончиной духовное завещание, которое органично встраивается в агиографическое повествование, представляя собой документальное свидетельство последней воли житийного героя. При этом усложняется композиционная структура текста, расширяются границы его смыслового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морковина О.В. К вопросу о взаимоотношении древнерусской литературы и деловой письменности. Жанр завещания // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 3–31.
2. Морковина О.В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005.
3. Демкова Н.С. Жанр «духовных грамот» и развитие автобиографического повествования в литературе «переходного периода» (вторая половина XVII – начало XVIII вв.) // Проблемы литературных жанров: материалы Четвертой межвуз. науч. конф. Томск, 1983. С. 23–24.
4. Понырко Н.В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379–387.
5. Лилиенфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80–98.
6. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996.
7. Демкова Н.С. Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 342–356.
8. Исаченко Т.А. «Духовное завещание» и другие малоизвестные документы Евфимия Чудовского // Книга. Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 69. С. 171–179.
9. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: в 3 т. / изд. под руководством акад. Н.Н. Покровского. М., 2008. Т. 2.
10. Прохоров Г.М. Поэтическое приложение к Духовной грамоте митрополита Киприана // Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
11. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили. Л., 1973.
12. Салмина М.А. Сказание о последних днях митрополита Макария // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 385–386.
13. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
14. Древняя российская вивлиофика. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111–139.
15. Панич Т.В. Духовное завещание патриарха Иоакима // Русский мир в мировом контексте: сб. стат. и материалов Всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 2012. С. 207–227.
16. Каган М.Д. Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. С. 351–355.
17. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.
18. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима: особенности композиции (к вопросу о специфике агиографического жанра в XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 50–53.
19. Панич Т.В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестке мировых религий: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 121–127.

Статья поступила
в редакцию 28.02.2013

УДК 930(571.16)

В.А. ЕСИПОВА

ТЕКСТ ИСААКА СИРИНА В ВОСПРИЯТИИ ХУДОЖНИКА-СТАРООБРЯДЦА КОНЦА XIX в.

д-р ист. наук,
Научная библиотека Томского гос. ун-та
esipova_val@mail.ru

Статья посвящена исследованию рукописи «Слов постнических» Исаака Сирина, проиллюстрированной урало-сибирским художником-старообрядцем в конце XIX в. Описан характер иллюстраций, показана их связь с текстами, которые художник снабдил сюжетными миниатюрами. Сделан вывод, что в рисунках нашли отражение взаимоотношения в системе монах – окружающий мир и главные монашеские практики (чистая молитва, уход в безмолвие и др.).

Ключевые слова: палеография, старообрядчество, Исаак Сирин, миниатюры, монашеские практики.

Проблема восприятия миниатюристом иллюстрируемого текста поднималась исследователями неоднократно [1–5; и др.]. Представление о миниатюристе как о первом читателе также сформулировано довольно давно. Однако обозначенная проблема мало изучена на материале поздней старообрядческой книги.

В ОРКП НБ ТГУ хранится рукопись, содержащая список «Слов постнических» Исаака Сирина с некоторыми дополнительными статьями¹. В тексте рукописи прослеживается пять почерков; почерком № 1 написана большая ее часть (л. 3–558 об). Этой же рукой выполнена писцовая запись на л. 558–558 об: «Начата бысть писатися сия богодухновенная книга святаго и преподобнаго отца нашего Исаака Сириянина, постника и отшельника, недостойным рабом Божиим Петром, учеником многогрешнаго Кирила. От сотворения мира 7401 (1894. – В.Е.) года месяца октября в 23 день, на память святаго и всехвальнаго апостола Иакова, брата Господня по плоти. Скончася же писатися 7403 (1895. – В.Е.) года месяца апреля в 13 день, в память иже во святых отца нашего Мартина исповедника, папы римскаго, и святых мученик Антония, и Иоанна, и Евстафия».

Рукопись включает 12 миниатюр и 3 сюжетные концовки, а также более 70 орнаментальных заставок и более 60 концовок, около 100 красочных инициалов и украшения колонтитулов практически на каждом листе. Вероятнее всего, украшения были выполнены писцом – обладателем почерка № 1. Художник превосходно владел графическими приемами, но не был искусен в раскраске: многоцветные заставки выглядят несколько аляповато, в отличие от черно-белых. В НБ ТГУ рукопись попала из Томской духовной се-

минарии [6, с. 171–172; 7, с. 17–25], где она хранилась с 1896 г.²

Рукопись открывается предисловием, похвалой Исааку Сирину и росписью содержания. Следующие 588 листов занимает текст «Слов постнических». Исследование произведений Исаака Сирина имеет внушительную историографическую традицию как на русской почве, так и за рубежом [8; 9; 10; и др.]. Однако, по мнению ученых, славянский перевод произведений Исаака Сирина до сих пор изучен недостаточно [11, с. 498–511]. Тем более мало внимания обращалось на поздние списки, если только они не включали неизвестные ранее тексты.

Согласно классификации Е.Э. Гранстрем и Н.Б. Тихомирова, в исследуемой рукописи воспроизведена вторая – наиболее распространенная – редакция текста [12, с. 134–197]. Единственным серьезным разночтением является замена слова 31 на текст, не представленный в обеих редакциях³. Кроме того, слова 32–34 переписаны без номеров, а в словах 38, 42, 43 фрагменты, обычно не выделяемые в текстах второй редакции и являющиеся отдельными главами в первой редакции, в данном списке выделены орнаментальными строками, но не отдельными заголовками. Последнее дает некоторые основания полагать, что в распоряжении переписчика мог быть текст, являющийся какой-то комбинацией первой и второй редакций, с преобладанием второй. Завершается текст похвалой книге, несколько отличающейся от стандартного окончания второй редакции⁴. После «Слов постнических» в рукописи представлен ряд незначи-

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 222 об.–223 об. «Яко хранение языка не токмо возбуждает ум к Богу, но и воздержанию помогает. Слово». Колонтитул: «Слово 33». Нач.: «Бе некий от отец, и бяше ядый дваши в седмице, и рече нам, яко во дне, в он же глаголя кому...».

⁴ Там же. Л. 557–557 об. Ср.: [12, с. 156].

¹ Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского гос. ун-та (ОРКП НБ ТГУ). В-5548, конец XIX в., 4^о, 686 л.

Рис. 1

тельных по объему выписок из слов Иоанна Златоуста, Скитского патерика, Афанасия Великого и др.

Наибольшее внимание в рукописи привлекают сюжетные заставки и концовки, в совокупности составляющие цикл, который можно условно назвать «Скитским». Попытаемся охарактеризовать связь этих миниатюр с текстом, чтобы прояснить восприятие художником, жившим в конце XIX в., «Слов постнических» Исаака Сирина. В заставках перед словами 3-м⁵ (рис. 1), 9-м⁶, 10-м⁷ и 16-м⁸ представлено изображение церкви и монастыря. Содержание этих слов имеет ключевое значение для понимания аскетике Исаака Сирина. Уже в названии слова 3-го дана краткая аннотация содержания: «Того же, яко безтрудно восходит душа к смотрению премудрости Божия и тварей его, аще умолкнет от мира и печалей житейских, тогда бо может разумети естество свое, и их же имат внутри уд сокровенных сокровищ». В слове 9-м излагаются основные правила, которыми должен руководствоваться инок: не празднословить, есть мало и аккуратно, не быть торопливым, не перебивать говорящего, не спорить, удаляться от женщин и т.д.

Слово 16 посвящено одному из важнейших аспектов аскетике Исаака Сирина – учению о молитве. Автор понимал под чистой молитвой тот предел, который положен всем видам молитвы («после чистой молитвы нет иной молитвы»); тот момент, когда молящийся переходит в состояние созерцания, которое Исаак Сирин считал таинством и подвигом. Рисунок

заставки стилистически близок рисунку на л. 57 об. Отметим, что заставки перед словами 3 и 16 довольно реалистичны; изображения же, предвещающие слова 9 и 10, выглядят фантастическими за счет овалных контуров зданий. Как видно, художник проиллюстрировал тексты, имеющие ключевое значение для понимания аскетике Исаака Сирина.

Крайне интересен цикл заставок, представляющих собой изображение скита. Практически все они выполнены предельно графично, с использованием пера, редко – простого карандаша. Первая заставка из этого цикла появляется перед началом слова 63-го, озаглавленного: «В чесом сохраняется доброта иноческаго жительства и кии образ божественнаго славословия»⁹ (рис. 2). Текст представляет собой описание добродетелей, необходимых каждому иноку (нестяжание, безмолвие, малоядение, небрежение о плоти и т.д.). На рисунке изображены две кельи на берегу реки. Концовка к этой же главе содержит аналогичное изображение кельи, но сделанное уже пером.

Слово 65-е также предвращается рисунком с изображением «пустыни». В его заглавии уже дана краткая аннотация содержания: «О безмолствующих, когда начинают разумети, где достигоша в делех своих в непроходимем мори, сиреч в пребывании безмолвия, и когда могут уповати мало, яко начаша давати тем труды их плоды»¹⁰. У художника безмолвие ассоциируется с образом пустыни. Это не случайно, поскольку связано и с фактами личной биографии Исаака Сирина, который, как известно, пробыл епископом всего несколько месяцев, после чего удалился в пустынь, где «жил в тишине вместе с отшельниками».

Следующая заставка представляет собой уже не пейзаж, а сюжетную сцену. Она предпослана слову 68-му: «О отречении от мира и осквернении еже

⁵ Там же. Л. 57 об.–60. Нач.: «Егда не внидут извну печали житейския на душу, но пребывает на естестве своем...».

⁶ Там же. Л. 90–94 об. «Того же. О чину новоначальных и о уставе и неприкладных тем. Слово 9». Нач.: «Сей есть чин целомудренный, и Божови любезен, еже не обзирати очима семо и тамо, но всегда...».

⁷ Там же. Л. 95–97. «Того же. Повесть святых мужей и словеса преподобная, яже от них слыша, и о дивном тех пребывании. Слово 10». Нач.: «Во един от дней идох в келию некоего брата свята, и восклонихся сам себе в место некое...».

⁸ Там же. Л. 111–121. «О чистой молитве. Слово 16». Нач.: «Якоже убо всяка сила закон и заповедь, данных человеком от Бога, даже до чистоты сердечныя...».

⁹ Там же. Л. 460 об.–462. Нач.: «Подобает быти иноку во всех своих образех, образ ползы зрящим его, яко да от многих его добродетелей...».

¹⁰ Там же. Л. 463 об.–465. Нач.: «Глаголю тебе вещь, и да не пребрежешу сию, яко худу, ниже прочим словесем...».

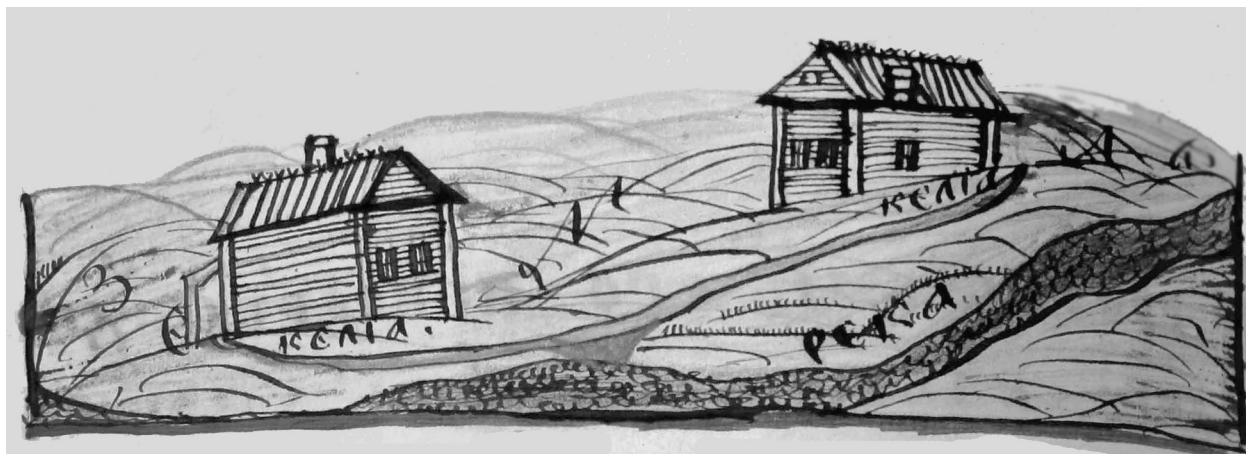

Рис. 2

Рис. 3

к человеком дерзновения» (л. 472)¹¹ (рис. 3). В этом тексте говорится о том, что инок должен возлюбить бегство от мира, но блудный демон будет склонять его к смехотворству и «парению мысли», а это делает инок «сообщником мира, и живущих в мире, и тех, которые в мире преданы пьянству и непотребству». Находящиеся «в миру» помещены на иллюстрации в замкнутое пространство, при всей окружающей их роскоши им некуда двигаться, некуда идти, они заперты в орнаментальной рамке, замкнуты в ней. Направление движения «бегущих от мира» задается наклоном фигур, а также открытым пространством – полем рукописи справа, словно открывающим для них безграничный простор. Отметим количественное соотношение персонажей: «в миру» гораздо больше людей (как пирующих, так и прислуживающих им), бегущих же от мира всего трое. Эта заставка примечательна концептуальностью своего сюжета: скупыми графическими средствами художнику удается передать весьма многогранный замысел. Завершает слово

¹¹ Там же. Л. 472–475. Нач.: «Егда возлюбим бежати от мира и странни мирских быти, ничто же сице отлучает нас от мира...».

68-е концовка с изображением кельи, находящейся в густом хвойном лесу; карандашом над рисунком добавлено изображение инок.

Следующая заставка предваряет слово 69-е, озаглавленное: «Яко полезно безмолвником праздность попечении, и вреден вход и исход»¹². В нем повествуется о том, что человек «многопопечительный» не может быть кроток и безмолвен: его постоянно отвлекают повседневные дела. Если инок решил на безмолвие, то лучше не прерывать его суетными делами; наиболее вредны именно ситуации постоянного «входа» в безмолвие и «выхода» из него. Заставка представляет собой триптих: «Исход», «Безмолвие», «Вход». Различно положение солнца на всех трех рисунках: на первых двух оно находится в верхнем левом углу (очевидно, восходит), на последнем рисунке – в верхнем правом углу. Таким образом, уединившись в безмолвии, инок вернулся к повседневным делам еще до того, как солнце успело совершить

¹² Там же. Л. 475 об.–477 об. Нач.: «Человек многопечаловник кроток и безмолвен быти не может, зане ж нужныя вины вещей...».

Рис. 4

полный круг по небу. Это пример «отрицательной» иллюстрации: художник показывает, как не нужно делать. Завершает слово 69-е концовка (л. 477 об.), иллюстрирующая, в противовес заставке, как именно нужно уходить в безмолвие: судя по рисунку, иноки довольно далеко удалились от кельи, а из облаков на них снисходит божественный свет.

Заставка, предваряющая слово 70-е¹³, находится на л. 478. В этом слове повествуется о том, что инок, совершающий ночное бдение, не должен отвлекаться и днем на мирские дела, иначе все его подвиги окажутся напрасны; рекомендуется соблюдение безмолвия, чтение и «умеренное вкушение снедей». Заставка снова представляет собой триптих, в крайней левой части которого показан молящийся инок с соответствующей подписью; солнце находится прямо над ним, т.е. в зените. В средней и правой частях триптиха тот же инок изображен за трапезой с подписями: «питается», «тож питается». Разница между последними двумя частями заключается лишь в расположении солнца: в средней части оно находится в левом верхнем углу, в правой – по центру.

Завершающая заставка «скитского» цикла располагается перед началом слова 85-го (л. 523 об.)¹⁴ (рис. 4). Текст включает в себя ряд советов, нередко в аллегорической форме, в которых описываются правила праведной жизни инока. Одна часть рисунка демонстрирует сходство жизни монаха с плаванием корабля по бурному морю; для Исаака Сирина, родив-

шегося и выросшего в Бет-Катрае, на берегу Персидского залива, образ моря был близок, он постоянно встречается в его произведениях. Другая часть рисунка иллюстрирует сравнение монаха с птицей, стремящейся в свое гнездо, чтобы вывести птенцов, как и монах спешит сотворить в себе плод жизни. Змея, «егда сокрушится все тело ея, главу свою соблюдет», так и инок должен прежде всего сохранять свою веру. Как видно, художник практически буквально трактует аллегории Исаака Сирина.

Следующая заставка уже не является частью «Скитского» цикла; она предваряет слово 89-е (л. 539)¹⁵ и помещена в орнаментальную рамку, красочную и многоцветную (рис. 5). Текст представляет собой наставления о праведной жизни, одно из которых гласит: «Лучше беседуй со свиньей, нежели с чревоугодником, потому что свиноекорыто лучше прожорливых уст».

Подводя итог, отметим, что ситуации «отшествия на безмолвие» в среде урало-сибирских старообрядцев был посвящен ряд работ, основанных, в числе прочих, на материалах Урало-Сибирского патерика [13, с. 74–84; 14, с. 426–446]. Так, известный наставник часовенных о. Нифонт (ум. 1890), возглавлявший с 1862 г. главный скит часовенных на Урале (близ д. Кедровки, на р. Сылве Кунгурского уезда), при «отшествии на безмолвие» ссылался именно на авторитет Исаака Сирина. Рассматриваемая рукопись дает убедительный материал, наглядно показывающий трактовку старообрядцами текстов этого автора. Художник отразил в сюжетных заставках основные взаимоотношения в системе монах – окружающий мир: здесь присутствуют церковь и пус-

¹³ Там же. Л. 478–482. «О путех, еже приблизитися Богови творящих, являемых человеку от сладких дел бдения nocturno, и яко иже в пребывании сем делающии медом питаются во вся дни живота их. Слово 70». Нач.: «Да не мниши, о человеце, яко во всем делании иноческом есть кое пребывание больше бдения...».

¹⁴ Там же. Л. 523 об.–533. «Совети, ползы исполненыи, иже в любви глагола, иже во смирении послушающим его. Слово 85». Нач.: «Несть мысль блага не сущи от благодати божественныя, впадающи в сердце, и несть помysel лукав...».

¹⁵ Там же. Л. 539–548. «Главы малы, в них суть разумения разумна, в них же учит вред ревности буая, иже якоже в лице божественном, страх же и помощь кротости со иными образы. Слово 89». Нач.: «Человек ревнитель не к тому доспевает смирение смысла, чюждый же смирения чюжд есть радости...».

Рис. 5

тынь как основные структурообразующие доминанты монашеской жизни, показаны основы взаимоотношений монаха с миром («бегство от мира»), проиллюстрированы главнейшие монашеские практики. Часть этих изображений подчеркнута аллегорична: так, рисунки с изображением церкви нарочито нереальны за счет использования нехарактерных цветов или форм; другие, напротив, воспроизводят образы, использованные автором, чересчур буквально. Возможно, миниатюры «скитского цикла» имели прообразом совершенно реальный скит, располагавшийся в урало-сибирском регионе, однако это уже сюжет, заслуживающий отдельного специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачева Л.Д. Миниатюристы – читатели новгородских литературных произведений // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 335–341.
2. Белоброва О.А. К изучению древнерусских иллюстрированных сборников // Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков: сб. стат. М.: Индрик, 2005. С. 143–150.
3. Юферева Н.Э. (Ивкова). Новгородский миниатюрист: читатель или интерпретатор? // От Средневековья к Новому времени: сб. стат. в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 386–390.
4. Гордиенко Э.А., Семячко С.А., Шibaев М.А. Миниатюра и текст: к истории Следованной псалтири из собрания РНБ F.I.738. СПб.: Пушкинский дом, 2011. 248 с.
5. Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 392 с.
6. Есипова В.А. «Раскольничья» библиотека Томской семинарии. Некоторые аспекты бытования старообрядческой книги // Материалы I Всерос. конф. «Культура как способ бытия человека в мире». Томск, 1996. С. 171–172.
7. Есипова В.А. «Раскольничья» библиотека Томской духовной семинарии // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 17–25.
8. Краткое сведение о жизни святого Исаака Сириянина и о Словах его // Исаак Сириянин, прп. Слова подвижническия. М., 1854. С. V–XX.
9. Маслов С.И. Новый список «Слов постнических» Исаака Сирина древнейшей славянской редакции. Киев, 1912. XLI, 28 с.
10. Флоровский Г.В., прот. Византийские Отцы V–VIII веков. Париж, 1933. 260 с.
11. Федотова М.С. К вопросу о славянском переводе постнических слов Исаака Сирина (по рукописям XIV – начала XVI в. петербургских собраний). ТОДРЛ. Т. 52. С. 498–511.
12. Гранстрем Е.Э., Тихомиров Н.Б. Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности // Вестн. церковной истории. 2007. № 1 (5). С. 134–197.
13. Журавель О.Д. К изучению топики старообрядческой литературы: ситуация «отшествование на безмолвие» // Культурное наследие средневековой Руси в традициях урало-сибирского старообрядчества: материалы Всерос. науч. конф. Новосибир. гос. консерватории им. М.И. Глинки. Новосибирск, 1999. С. 74–84.
14. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Спасение души: монастырь и мир // Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 426–446.

Статья поступила
в редакцию 25.02.2013

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

О ПРЕДИСЛОВИЯХ К СТАРООБРЯДЧЕСКИМ СБОРНИКАМ*

д-р. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена анализу предисловий к старообрядческим сборникам. Сделан вывод о том, что защитники старого обряда использовали их для придания цельности тексту и ориентации читателя по поводу нужного восприятия включаемых в сборник произведений или фрагментов из Священного Писания и святоотеческого предания.

Ключевые слова: церковная реформа, раскол, старообрядцы, рукописные сборники, предисловия, книжная культура.

Защитники старого обряда продолжили традицию древнерусских книжников по составлению сборников. Уже первое поколение противников церковной реформы, обратившись к авторитетным рукописям и старопечатным книгам, начало сбор свидетельств по поводу незаконности и неправомерности новшеств, введенных в обряд и богослужебную практику Русской церкви патриархом Никоном. С этой целью составлялись сборники, которые включали выписки из Священного Писания, канонических церковных правил, сочинений отцов Церкви и церковных писателей. Благодаря изучению О.С. Сапожниковой деятельности соловецкого книжника Сергия Шелонина мы можем с уверенностью говорить, что подобные сборники составлялись уже в 50-е гг. XVII в., т.е. сразу после начала церковной реформы [1].

Анализ одного такого сборника¹ [1, с. 360–372] позволил О.С. Сапожниковой сделать очень важное для нас замечание: «Рукопись, созданная под руководством Сергия, содержит те статьи, которые будут особенно популярны в старообрядческой среде с XVII по XX в.: Прение Арсения Суханова с греками, сочинения Максима Грека о сугубой аллилуйи, житие Евфросина Псковского, статьи о кресте и крестном знаменнии. Можно даже предположить, что она послужила источником для многих других старообрядческих сборников» [1, с. 370]. Не вызывает сомнения, что этот соловецкий книжник определил круг авторитетных текстов, которые будут активно использовать следующие поколения защитников старого обряда, отстаивая свое право оставаться в оппозиции к нововведениям.

Его современник – соловецкий уставщик и казначей Геронтий, явно опираясь на проделанную Сер-

гием работу (см. об этом: [1, с. 367–371]), сумел не только увеличить количество приводимых в качестве аргументов выписок из Священного Писания и святоотеческого предания, но и предложить иную форму подачи материала. Введенный в научный оборот О.В. Чумичевой [2] сборник² был составлен Геронтием в 60-е гг. XVII в. Рукопись состоит из двух частей: в первой представлены фрагменты текстов, на которые защитники старого обряда ссылались, доказывая незаконность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви, а во второй – автографы сочинений с изложением аргументов в пользу защищаемой точки зрения. Две части сборника дополняют друг друга и воспринимаются как цельный текст. Систематизированная подборка выписок, по замыслу составителя, должна была сделать более убедительной для читателя авторскую точку зрения, изложенную в сочинениях, которые помещены во второй части сборника (см. [3]).

Н.Ю. Бубновым ранее был введен в научный оборот так называемый Никаноровский сборник, в котором было осуществлено копирование второй части рукописи Е. 706. Как установлено исследователями, составителем сборника являлся архимандрит Никанор, а Геронтий Соловецкий – редактором³. Представляет собой очень значимым следующее обстоятельство. Составитель сборника дал название «Книга на новую веру». В данном случае он явно ориентировался на то, что в оригинале Геронтий именно таким образом обозначил жанр своего сборника. Свои замечания на полях, представляющие собой перекрестные отсылки к различным цитатам или двум частям рукописи, он начинал с четкого определения: «В сей книге...» или в «В кни-

*Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 33.4.1.

¹ Российская национальная библиотека (РНБ), Q.XVII.187, 4°, 272 л., после 1658 г. Описание сборника см.: [1, с. 526–531]

² РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 706 (далее – Е. 706). Описание сборника см.: [2, с. 61–63].

³ Библиотека Академии наук (БАН), 16.7.21. Описание сборника см.: [4, с. 18–23]. Об этом сборнике см.: [5, с. 67–77; 2, с. 60–66].

ге...». Архимандрит Никанор попытался дополнить это обозначение характеристикой содержания, подчеркнув полемический характер сборника и уточнив, что в него включены тексты, опровергающие «новую веру». Геронтий не согласился с таким вариантом и предложил свой – «Списание о благочестии»⁴.

Мы не случайно уделили внимание работе составителя и редактора над наименованием сборника. Уже здесь просматривается попытка сориентировать будущего читателя, каким образом он должен воспринимать текст составленной книги. Важно, что Геронтий не одобрил название, в котором подчеркивалась антииконовская направленность сборника. Разумеется, он осознавал полемичность текста, поскольку в Никаноровский сборник составитель включил только неполный вариант публицистического сочинения Геронтия «Собрание от Божественных Писаний, от апостольского предания и правил святых отец противу новых книг», автограф которого находится во второй части сборника Е. 706⁵.

Изменив название сборника на «Списание о благочестии», Геронтий обратил внимание на цель написания сочинения, считая самым важным для читателя при его прочтении возможность приобщения к истинной вере, которая, естественно, ассоциировалась с традиционным почитанием Бога, исполнением религиозных предписаний и церковных обрядов. Возможно, давая новое название, Геронтий ориентировался на популярные в среде противников церковной реформы разнообразные «Книги о вере», написанные православными писателями Киевской митрополии в конце XVI – начале XVII в., а также на «Книгу о вере» белорусского автора, изданную в 1648 г. в Москве. Их следует охарактеризовать как сочинения катехизического характера, в которых излагались особенности православного вероучения. Скорее всего, Геронтию важно было представить свое сочинение подобным образом, поэтому он, не согласившись с названием «Книга на новую веру», в Никаноровском сборнике исправил его на «Списание о благочестии»⁶, которое может быть соотнесено с наименованием «Книга о вере».

Давая новое заглавие сборнику, Геронтий подчеркнул, что для него важным является не полемическая составляющая текста, а изложенное в нем истинное вероучение. О справедливости данного предположения свидетельствует содержание предисловий к рукописи Е. 706, с которой Никанор копировал сочинение Геронтия. Защитники старого обряда сумели продолжить традицию составления предисловий не только к авторским сочинениям, но и к сборникам. Предисловия выполняли важную функцию в древнерусских рукописных и печатных текстах. Они стали необходимым элементом структуры произведения, рукописного кодекса и печатной книги (см. [8]). Об особо

уважительном отношении книжников к этим текстам свидетельствует тот факт, что они могли переписывать их отдельно как имеющие самостоятельное значение. Показателен факт, когда в одном тексте были объединены стихотворные предисловия к 8 печатным книгам и в таком виде, а некоторые в качестве самостоятельных произведений, продолжили свое бытование (см. [9, с. 94–189]).

На традицию составления предисловий оказала свое влияние и пришедшая из Киевской митрополии книжная культура⁷. Л.И. Сазонова, характеризуя предисловия к украинским старопечатным книгам, сделала очень точное замечание по поводу их предназначения: «Создавая предисловие, он (автор. – Н.Г.) стремился через него воздействовать на читателя. С помощью предисловия он формирует читательское восприятие и представление о книге» [11, с. 155]. На раннем этапе сопротивления церковной реформе защитники старого обряда, продолжая традицию, заложенную в правление патриарха Иосифа, ориентировались на творческое наследие Киевской митрополии (см. [12, с. 3–12]). Это следует отнести и к культуре составления предисловий, что особенно заметно в сборнике «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения» инока Авраамия.

Сборник был составлен в 1667–1669 гг. из сочинений, широко распространенных в древнерусской рукописной традиции, фрагментов из старопечатных книг, а также написанных защитниками старого обряда как до, так и после собора 1666–1667 гг. Инок Авраамий попытался таким образом подвести определенный итог внутрицерковной полемики 1650–1660-х гг. вокруг реформ патриарха Никона. В названии сборника составитель, как и соловецкий инок Геронтий, подчеркнул, что стремится предоставить читателю «щит веры», в котором он найдет описание религиозной традиции, способной помочь противостоять нововведениям патриарха Никона, соотносимым защитниками старого обряда с отступлением от истинной веры.

Разумеется, сборник «Христианоопасный щит веры...» по своему содержанию имел полемическую направленность. Благодаря подбору текстов, умелому редактированию и комментированию, иноку Авраамии удалось превратить сборник в цельное произведение (см. [13]). Немаловажную роль в этом процессе сыграли пять предисловий – три прозаических и два стихотворных⁸. Из них только первый текст принадлежит перу Авраамия, а остальные заимствованы им из «Книги о вере», «Кирилловой книги» и из предисловия к кодексу сочинений Максима Грека.

Традиция заимствований мотивов, образов и тем, а иногда и текстов в предисловиях, написанных к различным сочинениям и печатным книгам, отмечалась исследователями при их анализе (см., например: [11, с. 158; 15, с. 426–429]). Инок Авраамий сумел, исполь-

⁴ Подробно описание редакторских изменений см.: [5, с. 69].

⁵ О соотношении списков см.: [2, с. 63–66; 6, с. 23–41].

⁶ О значимости названий русских рукописных книг см.: [7].

⁷ О функции предисловий в украинских старопечатных изданиях см.: [10, с. 129–152].

⁸ Анализ стихотворных предисловий см.: [14, с. 82–102].

зу исходные тексты, составить компиляцию, способную выразить его собственные мысли по поводу сборника. В этих предисловиях и первой, тоже предисловной по своему характеру, главе он постарался сориентировать читателя воспринимать сборник как цельный текст, «хранилище духовное», предназначение которого – дать отпор «никонианской ереси» и укрепить «верных» [13, с. 18]. В предисловиях подчеркивался не только полемический характер содержания, но и то, что знакомство с текстом сборника способно укрепить в истинной вере. Действительно, подробное описание религиозной традиции, представленной в качестве истинной веры, от которой Русская церковь отступила в результате реформ, начатых патриархом Никоном, занимает основную часть текста сборника [13, с. 16].

Для первого поколения противников церковной реформе, особенно после собора 1666–1667 гг., важно было не только доказать незаконность и неправомерность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви, но и описать отстаиваемую религиозную традицию и представить ее в качестве истинной веры. Не случайно Геронтий Соловецкий изменил название Никаноровского сборника на «Списание о благочестии». Полемизируя с официальной Церковью, противники реформы видели себя защитниками русского православия, которое, как они утверждали, было высоко оценено вселенскими патриархами в период учреждения патриархии на Руси⁹.

В сборнике Е. 706, который послужил исходным текстом для Никанора, еще заметнее проступает стремление Геронтия дать читателям понятие о вере. Это видно уже при обращении к предисловиям, которые выполняли важную функцию, объединяя все включенные тексты в единую книгу и указывая читателю на цель ее составления. Анализ их содержания позволяет прояснить не только причину переименования Геронтием Никаноровского сборника, но и уточнить намерения составителя.

Первая часть сборника Е. 706 начинается с текста, в названии которого дана аннотация содержания: «Изложение о православней истинней христианстей вере»¹⁰. Действительно, в нем кратко освещены основные вопросы вероучения, а в конце помещено рассуждение о том, что следует Бога почитать, как «предано... от святых апостол и святых отец», т.е. через святоотеческое предание постигать Божественное Писание, под которым понимается текст Ветхого и Нового Завета¹¹. В конце приведена цитата из Евангелия «Всяк книжник, рече, научився Царству Небесному, подобен есть купцу, иже износит от сокровища своего ветхая

ж и новая»¹². Пояснение к ней дано в нужном ключе: слова «ветхая» и «новая» истолкованы как то, что якобы в данном случае речь идет о Ветхом и Новом Заветах (ср.: [18, с. 254]: «Сиречь от Божественаго Писания Ветхаго и Новаго».

Затем с л. 13 об. по 205 об. помещены тематические выписки из Священного Писания, святоотеческого предания, сочинений отцов Церкви, старопечатных книг, древнерусских произведений. Благодаря предисловию они отрекомендованы составителем в качестве изложения «истинной православной веры». Геронтий сумел не только отобрать фрагменты, нужные для изложения точки зрения противников реформы, но и дополнить их заглавиями, в которых представил аннотацию содержания. Кроме того, он поместил на полях комментарии, ориентирующие читателя в нужном русле, а давая точные отсылки к исходным текстам, подчеркивал их авторитетность. Составитель явно стремился придать цельность компилятивному тексту.

Вторую часть сборника составили автографы сочинений Геронтия «Ответ вкратце Соловецкого монастыря к востязующим нас, чесо ради не оставляем истинныя своея благочестивыя веры»¹³ и «Собрание от Божественных писаний от апостольскаго предания и правил святых отец противу новых книг»¹⁴. Тема, поднятая в предисловии к первой части сборника, была продолжена в «Сказании о исповедании истинныя нашея православныя веры», которое Геронтий включил в «Ответ вкратце...»¹⁵. В нем не только подчеркивалось, что необходимо сохранять неизменными предания святых отцов и церковные правила, но и освещались основные вопросы вероучения.

«Собрание от Божественных Писаний... противу новых книг» в сборнике Е. 706 начинается с текста, в заглавии которого дана краткая аннотация содержания: «Предисловие о почитании святых книг и яко со испытанием и истинным разумом подобает Божественная Писания комуждо проходить, а не от своего смысла сказовати и разсуждати»¹⁶. Действительно, в этом предисловии автор пытается убедить читателя в необходимости читать не только Божественное Писание, но и его истолкования, чтобы верно понимать смысл сказанного. В конце он четко указал и на цель составления этого сочинения: «Сего бо ради и святии богоноснии отцы реша, яко не просто, но и зело люботрудне Божественная Писания прочитати... От них же и сия предлежащая Собрания ко утвержению своему и всем, яже о Христе верным, написахом, яко да оных святых и Божественных книг, воображенными тамо свидетелствы, получим истинный разум благодатию Христовою»¹⁷.

⁹Защитники старого обряда цитировали фрагменты текстов с восторженными отзывами вселенских патриархов о русском православии, которые были опубликованы по инициативе Никона в предисловной части к Кормчей, в «Сказании о патриарше поставлении» [16, л. 10 об.–37 об.]. Описание издания см.: [17, с. 77, № 248].

¹⁰ Е. 706, л. 5–12 об.

¹¹ Там же, л. 12.

¹² Там же, л. 12 об. Ср.: Матф. 13; 52.

¹³ Е. 706, л. 206–220 [6, с. 100–114].

¹⁴ Там же, л. 221–397 [6, с. 114–294].

¹⁵ Там же, л. 214–220 [6, с. 108–114].

¹⁶ Там же, л. 226 [6, с. 120].

¹⁷ Там же, л. 232 об. [6, с. 126].

В предисловиях, включенных в первую и во вторую части сборника, Геронтий явно попытался убедить читателя в том, что сборник составлен им из текстов «от Божественных Писаний», собранных «ко утверждению своему и всем» в истинной вере. Возможно, соловецкие книжники оказали влияние на последующие поколения защитников старого обряда и характерная для древнерусского книжника мысль о том, что Священное Писание следует читать «со испытанием» и при этом, чтобы уяснить смысл прочитанного, не рассуждать «от своего разума», а ориентироваться на истолкования отцами Церкви, стала для них особенно ценной.

В предисловиях к сборникам, составленным в XVIII в., эта тема обязательно затрагивалась и делалась попытка представить читателю рукописный текст в качестве фрагментов из Священного Писания и святоотеческого предания, в котором запечатлено истинное вероучение. Подобным образом поступили составители сборников подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам», внося определенные коррективы в развитие темы¹⁸. Один из списков начинается с предисловия, в котором довольно обстоятельно обсуждается вопрос о необходимости христианину постоянно обращаться к тексту Священного Писания для того, чтобы «разделить истинну от прелести», т.е. остаться верным истинному учению Христа, под которым, естественно, подразумевалось отстаиваемое ими¹⁹.

В начале XVIII в. защитники старого обряда уже четко сформулировали мысль об отступничестве патриаршей Церкви, которая в предисловии определяется как еретическая, а читатель предупреждается об опасности верить предлагаемому ею учению. Составителям важно было подчеркнуть, что в отобранных ими цитатах из Священного Писания и святоотеческого предания представлено истинное вероучение. Разумеется, в данном случае не находим детального описания религиозной традиции, как это было сделано иноком Авраамием, в сборнике «Христианоопасный щит веры...».

По-видимому, в начале XVIII в. защитники старого обряда, готовясь к предстоящим дискуссиям с представителями официальной Церкви, опирались на проделанную предшественниками работу, но сосредоточили внимание только на дискуссионных вопросах. В предисловиях же по-прежнему уверяли читателей, что в отобранных ими фрагментах из Священного Писания и святоотеческого предания, количество которых они значительно увеличили, излагается истинное вероучение. В сборнике подготовительных материалов к Дьяконовым ответам составители завершили предисловие цитатой из Маргарита, в которой, как они полагали, была выражена суть их рассуждений: «Ты

же блюди, да не ослабеши, ни подвигниши от ума, но к Божественному Писанию прибегай. И егда видиши несмысляща многи, то не чудися, чреда бо есть быти сицевым»²⁰.

В данном случае приведен фрагмент из популярного в среде старообрядцев 13-го Слова, в заглавии которого обозначены обсуждаемые вопросы: «...о лжепророках и ложных учителях, и о безбожных скверных еретиках, и о знаменних скончания века сего». Для защитников старого обряда стала особенно актуальной тема «ложных учителей», с которыми ассоциировались представители официальной Церкви, объявленной ими к этому времени «еретической». Для составителей сборника важна была ссылка на авторитет Иоанна Златоуста, в своих произведениях призывавшего христиан не поддаваться влиянию «лжепророков и ложных учителей», оставаться верными истинному учению. Поместив в конце предисловия соответствующую цитату, его авторы подводили своеобразный итог рассуждениям о пользе чтения Священного Писания «со испытанием» и утверждали читателя в мысли, что составляющие сборник тексты позволят читателю утвердиться в истинной вере и избежать воздействия «ложных учений».

Обратив внимание на содержание предисловий к сборникам, составленным в XVII – начале XVIII в., мы сознательно акцентировали внимание только на попытке авторов представить сборник в качестве текста, способного прояснить для читателей истинное вероучение. Эта тема станет традиционной для старообрядцев, пишущих предисловие к авторскому сочинению или сборнику. Приводимые аргументы зависели от содержания включаемых в сборник произведений или фрагментов текстов Священного Писания и святоотеческого предания. В качестве яркого примера можно привести сборник полемико-догматических сочинений, составленный на рубеже 1760–1770-х гг. Андреем Борисовым²¹. В комментариях к публикации предисловия к этому сборнику Е.М. Юхименко совершенно справедливо заметила: «Анализ рукописи указывает на то, что данный сборник представляет собой не случайную подборку выговских сочинений, а является результатом воплощения осознанной авторской составительской концепции, подробно изложенной в специально написанном предисловии» [21, с. 500].

Действительно, уже в начале «Предисловия общественного» А. Борисов следующим образом обозначил проблему, из-за которой он составил сборник и написал к нему предисловие: «Не мни, благоразумный читателю, яко безсловесно суть наше состояние и по порицанию нынешних новых учителей пребываем мы в крайнем невежестве и неразумии о истинней право-

¹⁸ Перечень рукописей сборника см.: [19, с. 218].

¹⁹ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1703, л. 3–12. Основные фрагменты этого текста, хотя и не в форме предисловия, обязательно присутствуют во всех сборниках.

²⁰ РГБ, собр. Егорова, № 1703, л. 11 об.–12. См.: Иоанн Златоуст. Маргарит. М., 1641. Л. 691. (Описание издания см.: [17, с. 55–56, № 157].

²¹ Государственный исторический музей (ГИМ), собр. Хлудова, № 272. Описание рукописи см.: [20, с. 526–528].

славней вере. Не тако, не тако суть, яко они пишут и глаголють и нарицають нас неправо противниками святей апостольстей церкви, раздорниками и расколниками» [21, с. 79]. В центре внимания – по-прежнему вопрос «о истинней православней вере», но автор несколько иначе его формулирует, ориентируя читателя на то, что речь пойдет не об обращении к текстам Священного Писания, а об изложении защитниками старого обряда учения, которое, по его мнению, не противоречит «святей апостольстей Церкви».

Отрицая обвинение представителями официальной Церкви старообрядцев в «безсловесном состоянии», «крайнем невежестве» и «неразумии о истинней православней вере», А. Борисов утверждает, что они суть «сущия чада» православной веры и «укреплены» в ней «от премудрых учителей». Далее он подчеркивает, что речь идет не о «простых» учителях, а об «освященных», и называет несколько имен первого поколения противников церковной реформы: Павел, епископ Коломенский, Афоний, митрополит Новгородский, Никанор, архимандрит Соловецкий, Герасим Фирсов. Завершает этот ряд упоминание о множестве «протопопов и честных иереов, диаконов и благоговейных иноков», которые «не точно наше древнее святое содержание словами и единым писанием утвердиша, но и кровью своими страдалчески оное запечатлеша» [21, с. 79].

Идея о том, что мученическая смерть противников церковной реформы является подтверждением справедливости отстаиваемой ими точки зрения на нововведения в обряд и богослужебную практику, впервые была сформулирована и обстоятельно аргументирована иноком Авраамием в «Христианоопасном щите веры...» [13, с. 22]. А. Борисов сумел отослать читателя к ней, подчеркнув, что первое поколение защитников старого обряда не только «словами и писанием» утвердили истинное вероучение, но «и кровью своими страдалчески оное запечатлеша». Высоко оценив заслуги «премудрых учителей», сумевших остаться верными православию и «утвердить» в истинности отстаиваемого ими учения следующие поколения старообрядцев, автор предисловия подчеркивает, что выговцы внесли не менее существенный вклад в этот процесс. Он показывает их непосредственными преемниками: «После же сих не неразумни быша и премудрии древняго благочестия наши учителя преславнии самобратия Андрей и Симеон Дионисиевичи... и способствующии им единогласныя ови их ученици, ови с ними бывшие единоместные жители, такожде неоскудни быша, яко во внешнем, тако и в духовном наказании» [21, с. 79].

Затем А. Борисов не только называет имена авторитетных выговцев, но и дает каждому характеристику, подчеркивая, что речь идет об авторах произведений, из которых составлен сборник. Разумеется, сделано это в духе выговской литературной школы. Например, Андрея Денисова он начинает представлять так: «Андрей Дионисиевич яко от природы зело естественно был остроумен, тако и от учебного художества еще наипаче остроумия силу учинил просве-

щеннейшую и дарование великое имел в нравоучении и пронзительной догадке...» [21, с. 81].

Для каждого автор предисловия Борисов сумел найти индивидуальные черты, которые описал в восторженных выражениях, поэтому для читателя весьма убедительно прозвучало следующее его рассуждение: «И елико сия пречестнейшия мужи, паки о авторах сея книги глаголю, тщательно великия обыскания во учении имеяху, толико оныя и словесно повсегда со обыскательным благом любопрением светлейше изъясняху, а инныя любопрудры свои диспутации и писменно произвождаху, ис коих в незабытную их память и собрана сия любопремудрая (нареченная догматическая) книга» [21, с. 82]²². Авторы включенных в сборник произведений названы «пречестнейшими мужами», которым, как считает А. Борисов, образование позволило достойно отстаивать точку зрения защитников старого обряда в дискуссиях и излагать ее «писменно». Для сохранения этих сочинений «собрана сия любопремудрая (нареченная догматическая) книга».

После этого автор предисловия обратился к читателю, пытаясь убедить его непременно внимательно прочитать сборник: «Еще, аще с люботщательным любопрудрием потщитися кто из любителей древняго святаго благочестия тонкочастне испытати и неленостно оную прочитати, той, надеюсь, попремногу возблагодарит всевышняго Бога, яко в последнее такое горкоплачевное время не оставил нас презренных быти премудрыми учителями, кои не невежеством утверждали древнее святое благочестие, но истинным ведением святаго яко Ветхаго, тако и Новаго закона писанием, о чесом неложно видети можно из нижеследующаго творения их премудраго – сего богодухновеннаго собрания» [21, с. 82].

В предисловии А. Борисов постарался охарактеризовать содержание сборника как изложение истинного вероучения, утверждающее «древнее святое благочестие»²³. Разумеется, автор совсем иначе, не так, как это делали инок Авраамий, Геронтий Соловецкий, а также составители сборников подготовительных материалов к Дьяконовым ответам, подводил читателя к такому выводу. В данном случае не апелляция к фрагментам текстов из Священного Писания и святоотеческого предания, а произведения, в которых было оформлено учение поморского согласия, были представлены в качестве «богодухновеннаго собрания». Соответственно была изменена аргументация, но осталось главным утверждение о том, что в сборнике нашло отражение изложение истинного вероучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010.

²² Эта характеристика содержания сборника дополнена его авторским названием – «Книга нарицаемая Неоцененный бриллиант» // ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 1.

²³ См. выше об изменении Геронтием названия Никоноровского сборника.

2. Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 59–69.

3. Гурьянова Н.С. «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 3–21.

4. Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1984. Т. 7, вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / сост. Н.Ю. Бубнов.

5. Бубнов Н.Ю. Работа древнерусских книжников в монастырской библиотеке (источники соловецкого «Сказания о новых книгах» 1667 г.) // Бубнов Н.Ю. Книжная культура старообрядцев. СПб., 2007. С. 67–77.

6. Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне / автор-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2006.

7. Крутова М.С. Книга глаголемая: семантика, структура, вариативность названий русских рукописных книг XI–XIX вв. М., 2010.

8. Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.

9. Савельева Н.В. Стихотворная антология «Предисловия многообразна...» (вопросы атрибуции и истории текстов в связи с деятельностью московского Печатного двора 30-х – начала 50-х годов XVII века) // Книжная старина: сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 1. С. 94–189.

10. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (борьба за национальное единство) // Русская старопечатная литература (XVI–первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 129–152.

11. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.): тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 153–187.

12. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.

13. Демидова Л.Д. «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013.

14. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.

15. Rothe H. Zur Kieve Literatur in Moskau II // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistencongress in Kiev 1983. Köln, 1983. S. 417–434.

16. Кормчая. М., 1653.

17. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

18. Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета / изд. преемников А.П. Лопухина. Стокгольм, 1987. Т. 8: Евангелие от Матфея.

19. Беляева О.К. Полемические сборники и сочинения старообрядцев дьяконовского согласия (некоторые предварительные замечания) // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 211–226.

20. Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872.

21. Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: в 2 т. М., 2008. Т. I.

Статья поступила
в редакцию 03.04.2013

УДК 94(47).07+930.85

М.В. ПЕРШИНА

ТЮМЕНСКИЙ СТАРООБРЯДЕЦ И.Р. ЛЕГОСТАЕВ И РУССКИЙ ХРОНОГРАФ 1620 г.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: masha@perchine.com

В статье рассматриваются источники космогонических и исторических представлений тюменского старообрядца И.Р. Легостаева. Сделан вывод, что в основе его повествования о сотворении мира лежат тексты вводных статей к Русскому Хронографу 1620 г.

Ключевые слова: старообрядчество, традиционализм, христианская история, Хронограф 1620 г.

В литературе Древней Руси важное место занимали хронографы – компилятивные сборники, в состав которых входили сочинения по всемирной истории, сведения географического и естественнонаучного характера [1, с. 3]. В Новое время хронографы активно использовались старообрядцами, ориентированными на сохранение древнерусской культуры и книжности. Особенно ценными они оказались для авторов исторических сочинений, которые начинали повествование «от начала мира», вписывая события современной российской истории (и своей общины, в частности) в поток истории Священной, христианской [2]. На Выгу существовал целый культурный проект по созданию исторического сочинения от Сотворения мира «до осомнадесятого века» с ис-

*Статья подготовлена в рамках проекта программы Президиума РАН № 33.4.1.

пользованием различных «хронографов и летописцев» [3, с. 208]. К таким культурным проектам можно отнести и комплекс сочинений тюменского старообрядца Ивана Родионовича Легостаева, созданный им в 1840-е гг. и озаглавленный «Беседословие, избрано из разума Священнаго Писания и от Бытия, в начале от Гранографа Георгия Посиды о миробытии, посем иных истолкованных богословских умств о случаях последнего времени и обыскательное любомудрие о вере в пользу сыновом Сиона»¹. В «Беседословии» тюменский писатель последовательно описывает основные вехи христианской и русской истории, обращая особое внимание на проблему «последнего отступления», которое, с его точки зрения, произошло в России после церковной реформы патриарха Никона. В конце автор поместил рассказ о своей личной судьбе, описав свой путь страдания за веру и древнее благочестие [4].

Большой интерес представляет вопрос о том, какими источниками мог пользоваться старообрядец при написании первой части своего объемного труда, повествующей о шести днях божественного творения и начальных вехах библейской истории. Сам И.Р. Легостаев в заглавии сочинения указал, что наряду с библейской книгой Бытия одним из источников для него послужил «Гранограф Георгия Посиды». Шестоднев византийского писателя и гимнографа Георгия Писидийского мог быть известен тюменскому старообрядцу по Великим Четым-Минеям или по Русскому Хронографу «третьей» редакции (не ранее 1620 г.), куда он был включен в качестве одной из вводных статей [5, с. 169]. Несмотря на указание самого автора, прямых заимствований текста из Шестоднева Георгия Писиды обнаружить не удалось. Скорее всего, писатель-старообрядец в данном случае имел в виду Хронограф 1620 г., в который, кроме Шестоднева Георгия Писиды, было включено несколько древнерусских сочинений о божественном миротворении. Знакомство старообрядца с этими текстами отчетливо прослеживается в «Беседословии».

Начало сочинения И.Р. Легостаева почти дословно совпадает с первыми строками «Послания к князю Василию», открывающего список вводных статей к Хронографу 1620 г.:

«Беседословие» Легостаева	«Послание к князю Василию»
Начинаему словеси ищи от Бога начати и о Бозе кончати. Добро бо от Бога к божию слуге начати. О сотворении небеси и земли и вся твари. Бог есть надо всеми веки, и прежде бытия вся твари, иже есть сый неслиянный и нераздельный трети естества. Трое един и един трое ² .	Начинаему словеси ищи от Бога начати и о Бозе кончати. Добро бо от Бога к божию слуге начати. Бог есть надо всеми веки, и прежде бытия вся твари, прежде света разумнаго, присно в себе сый свой имьи ум, бе присно ум светел. А ино ничтоже не бе. Се единство триедино сущно ³ .

Поясняя читателям мысль о триединстве Бога, Легостаев обратился к древнерусскому сочинению XVII в. «О сотворении седми дней и всего мира»⁴, также входящему в состав вводных статей к Хронографу 1620 г. и помещенному вслед за «Посланием к князю Василию». Из подробного изложения догматического учения о Троице внимание старообрядческого автора привлек только фрагмент текста, в котором подчеркивалась определяющая роль Троицы-Творца в процессе мироздания: «Помысл делу был Отцу убо помыслившу, Сынови же свидетельствовавшу и Духове совершившу»⁵. Легостаев поместил эту цитату, изменив несколько слов: «Еже Отцу помыслившу и Сыну сотворившу, Духу Святому совершившу»⁶.

Из этого же сочинения старообрядец заимствовал образ «живой глубины» или «живого слияния», который позволил ему описать состояние, предшествовавшее божественному творению: «Егда мир не бысть, что тогда было? Живая глубина или живое слияние и Дух Божий ношашеся верху воды»⁷. В древнерусском сочинении образ «живой глубины» объяснялся так: «Где стояше Сам [Бог] прежде, неже мир бе сотворен? Тогда не бе ино кроме тмы, яже именуемо хаос, еже есть слияние. За не тогда беша четыре составы вместе слияны живы. Хаос убо протолкуется жива глубина слияма или слияние, или мрак, или слияние вещей, сиречь или в нем же вся быша слияна»⁸. Старообрядец не стал пояснять читателю смысл символа «живой глубины». Очень кратко охарактеризовав таким образом изначальное состояние мира, Легостаев перешел к описанию дней божественного творения.

При повествовании о втором дне он использовал древнерусский «Шестодневек вкратце о сотворении небеси и земли и вся твари», также входящий в состав вводных статей Хронографа 1620 г.

¹ Российская национальная библиотека (РНБ), О. I. 491. Л. 58–133 об.

² РНБ, О. I. 491. Л. 57–58 об.

³ Библиотека Академии наук (БАН), Арханг., Д. 425. Л. 2. Описание рукописи см.: [6, с. 218–202]. Выражаю благодарность Т.В. Панич за предоставление микрофильма этой рукописи. Подробно о сочинении «Послание к князю Василию» см.: [5, с. 153–154].

⁴ Об этом сочинении см.: [5, с. 154–169]. Как установила Н.В. Савельева, в основу этого текста был положен один из списков Слова о Троице [7, с. 571].

⁵ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 10 об.

⁶ РНБ, О. I. 491. Л. 58 об.

⁷ Там же. Л. 58 об.–59.

⁸ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 9 об.

«Беседословие» Легостаева

Во второй день сотвори Бог един мир на два мира, сего и будущего. Унижает ниже импирийского неба, и сего ниже унижает второе небо, сотвори и яко хрусталь камень. И остави выше небес воду и ниже небес воду. И повеле в водах быти земле. И бысть утро день второй⁹»

«Шестодневек вкратце...»

Во вторый день [в понедельник] восхоте Бог един дом на два мира строити, сего и будущего. И преполовляет высоту от земли и творит другое небо. От воды утверди да будет твердь, разделяющей воды. И абие згущишася ледовиднии состави яко хрусталь-камень, понеже бо от житких и слабких вод то утверди... И раздели воды, овы превыше тверди постави, овы же под твердию на земли¹⁰.

Особое внимание Легостаев обратил на сотворение небесных светил, поместив сведения о траектории их движения и размерах. При этом автор опирался на уже упомянутое нами сочинение «О сотворении седми дней и всего мира», поскольку там эта тема была разработана достаточно подробно:

«Беседословие» Легостаева

Круг Луне первое небо, круг Солнца второе небо, а звездам различно кругообращение имети повелено зиждителем в третьем импирийском небе.

Но Луна подобна величеством Земле. А почему так показывается мала? Умалает ю зельная высота. А Солнце вдвое более Луны. А почему так показывается подобно величеством Луне? Вторая зельная высота и умалает. А звезды подобны солнцу. А почему так малы? Третья зельная высота умалает их, и так малыми являет¹¹.

«О сотворении седми дней и всего мира»

А колико суть небес? Небеса суть трои: едино есть от Земли до Луны, второе есть от Луны даже до звезд, третье есть над твердию и бе имянуемо огненное небо, на том есть Бог сам со всеми святыми своими.

Солнце звезда вдвое Луны обличеством, только велика и широка и прочие все тако же. И како убо нам мнятся убо звезды толь малы быти. Сие бо творит зельная высота¹².

Обращает на себя внимание тот факт, что тюменский писатель в своем «Беседословии» подробно остановился на освещении христианских космогонических представлений. Возможно, внимание автора к этой теме связано с тем, что в Новое время в связи с широким распространением естественнонаучного рационалистического мировоззрения традиционную картину мира стали ставить под сомнение уже и в старообрядческой среде. Более явно эта проблема проявилась во второй половине XIX в., руководитель одной из тюменских старообрядческих общин написал даже отдельное сочинение, в котором критическому разбору с христианских позиций подверг книгу американского астронома О.М. Митчелла «Небесные светила, или Планетные и звездные миры» [8].

Легостаев в своем «Беседословии» не вступал в полемику с представителями нового мировоззрения, он стремился убедительно и доступно изложить читателю традиционные христианские представления о происхождении мира, чтобы укрепить их в вере. Для этого он не только использовал древнерусские тексты, но и смело вводил образы, основанные на личных бытовых наблюдениях. Например, объясняя, почему звезды видны людям только в ночное темное время, он исходил из следующих соображений:

А для чего днем не освещают, а нощию? Подобно тому, иже во время полуденного сияния аще будут в горнице многия горящии свещи, то не издадут озарения скрость стекол, ибо уничтожает дневный свет. Аще ли же в нощи будет горящая хотя одна свеща, так и издали видно в стекло издаемое озарение. Подобне и звезды в начаток нощи сквось два неба как скрость два стекла освещают и озаряют разною своею славою живущих на земли¹³.

Возможно, в данном случае на подобные сравнения автора вдохновил фрагмент из Толковой Палей:

Убо и где далече сильным пожаром горящим травам или тростию горящю, далече сущим им, дньню пламени их невидно видети; пришедше же нощи, тогда заря их яве бывает пред очима нашими [9, с. 57].

Творческий подход тюменского старообрядца к древнерусским космогоническим сочинениям ощущается даже в тех случаях, когда он помещал близкие к древнерусскому тексту цитаты. Ярким примером является описание образа яйца:

⁹ РНБ, О. I. 491. Л. 59 об.–60.

¹⁰ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 90–90 об.

¹¹ РНБ, О. I. 491. Л. 60 об.–61.

¹² БАН, Арханг., Д. 425. Л. 24–25 об.

¹³ РНБ, О. I. 491. Л. 61–61 об.

«Беседословие» Легостаева

Всесильного Бога творение применено к яйцу. Скорлупа – небо и нижнейшая земля, пелера – облацы, желток – земля, а сырость в желтке – в мире грех. Сего ради в день Воскресения Христова червленым яйцом христосуемся, глаголюще един ко единому: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» Сим исповедуем, яко творец мира Иисус Христос всю тварь обнови страданием и Воскресением своим¹⁴.

«О сотворении седми дней и всего мира»

По всему подобно небо и земли яйцо пременено ко всей твари. Скорлупа аки небо, плева аки облацы, белок аки вода, желток аки земля, а сырость посреди яйца аки в мире грех. Господь наш Иисус Христос воскрес из мертвых, вся тварь обнови честною своею кровию, яко же яйцо изгустит. Того ради на Воскресение Христова друг друга целуем с червленым яйцом. Един рече: «Христос Воскресе!» Отвещает другий: «Воистину Воскресе!»¹⁵.

В сочинении «О сотворении седми дней и всего мира» образ яйца использован при описании третьего дня Божественного творения для объяснения основ мироздания. Старообрядческий писатель поместил данный фрагмент, описывая тартар, в который был низвергнут падший ангел. В «Беседословии» вставка о яйце разрывает, на первый взгляд, связанное повествование, но в этом можно увидеть свою логику – автору было необходимо акцентировать внимание читателя на возможности спасения и обновления мира благодаря жертве Христа. Образ яйца стал для него не только символом мироздания, но и символом спасения и искупления, и именно эту мысль ему важно было донести до читателя.

Мотив жертвы Христа последовательно развивается в «Беседословии...» далее. В рассказ о сотворении первого человека включено описание пророческого сна Адама. Адам следующим образом пересказывает Богу содержание своего сна: «Видех тя, Господи, среди мира на кресте распята над моим лбом, и Матерь Твою, стоящу и плачущу, и ученики с ней. И видех апостола Петра и Павла, грядущих в Рим, а Богослова во Ефес»¹⁶. Старообрядцу важно было подчеркнуть предопределенность животворящей жертвы Христа и спасения в будущем для самого Адама.

Самое трагичное и напряженное место в изложении шестидневного миротворения — тема первого греха и изгнания из рая. Библейский текст автор сопроводил собственными эмоциональными комментариями:

И рече Бог ко Адаму: Адаме, Адаме, где бе и почто сокрыхся? И рече Адам: Я наг, Господи. Кто тебе сказал, что наг еси? И почто от неповеленнаго ял еси? Велие есть Божие человеколюбие! Вместо иже бы рекл: Проси, Адаме, прощения! Но завистник удачно прельстил не исполнить заповедь безсмертия, влагая Адаму отпираться от вопрошающего Бога, рече: Не сам, но жена мя прельстила, вместо иже бы рекл: Жену юже ми еси дал, та мя на се склонила. Оставляет Бог Адама, вопрошает Евву: Евва прочто от неповеленнаго яла еси? Вместо сказать, поне ты проси прощения, но и Евва рече: Змия мя прельсти¹⁷.

Мотива о возможной спасительной силе покаяния сразу после совершения греха нет ни в Библии, ни в тексте вводных статей к Хронографу 1620 г. Сердечная боль и острые душевные переживания автора чувствуются при упоминании о том, что вместо искреннего раскаяния и просьбы о прощении Адам стал перекладывать вину на Еву, а Ева на змию.

По логике последующих глав Хронографа 1620 г., после изложения концепции шестидневного миротворения И.Р. Легостаев переходит к изложению дальнейшей истории человечества. В Хронографе каждому из библейских событий была посвящена целая глава. Старообрядческий писатель явно опирался на эти тексты, но не стал копировать главы, выписывать из них цитаты или пересказывать отдельные фрагменты. Он ограничился перечислением основных вех библейской истории, представив их как результат противоборства божественных и дьявольских сил, света и тьмы, добра и зла. Он упомянул о грехопадении Адама и Евы, убийстве Авеля Каином, всемирном потопе, строительстве Вавилонской башни, египетском плене «народа Израилева», жизни и смерти Иисуса Христа, которая, согласно христианскому мировоззрению, была кульминационным моментом истории. Каждый новый сюжет писатель вводил, предварив его фразой: «Горе, тебе, диаволе». В качестве примера такого авторского приема приведем соответствующий фрагмент «Беседословия»:

Горе тебе, диаволе, иже льщением своим сосудом змия лишил еся рая жители.

Горе тебе, диаволе, иже послушна обрел себе Каина убийцу брата его Авеля.

Горе тебе, диаволе, иже от Каинова рода умножил еси послушных твоего льщения сынов противления Богу, и исказил Сифов род.

Горе тебе, диаволе, иже за твое льщение низпослался Божии с небеси гнев на беззаконноживущии на Адамов род и истопоша в водах зельных потопа...¹⁸

¹⁴ РНБ, О. I. 491. Л. 63 об.–64.

¹⁵ БАН, Арханг., Д. 425. Л. 14 об.

¹⁶ РНБ, О. I. 491. Л. 65 об.–66. Ср.: «И вложи Бог сон во Адама и успе. И рече ему Господь: Что еси видел? Адам же рече к Господу: Видех, Господи, Петра апостола в Рим идуща, а Павла апостола в Дамаск, а Иоанна во Ефес, а тебя, Господи, видех на кресте во Иерусалиме от жидов распинаема над моим лбом» («Шестодневек вкратце...»). – БАН, Арханг., Д. 425. Л. 96 об.).

¹⁷ РНБ, О. I. 491. Л. 70–70 об.

¹⁸ Там же. Л. 87–87 об.

Восклицание «Горе тебе, диаволе!» выступало смысловой доминантой, направляя внимание читателя, подерживая постоянное эмоциональное напряжение и придавая историческому повествованию форму духовного стиха. Вполне возможно, что эту устойчивую формулу старообрядческий писатель заимствовал из «Слова о святых иконах», написанного в первой половине IX в. в разгар борьбы с иконоборческой ересью в Византии. Этот топос встречается и в народной, апокрифической литературе. В качестве примера приведем новозаветный апокриф «Прение Господне с диаволом». Вложенная в уста Христа, противостоящего искушениям дьявола, эта фраза утверждала непоколебимую веру в конечную победу Божественного начала в вечном поединке добра и зла: «И говорит ему (дьяволу. – М.П.) Исус: “Горе тебе, диаволе, яко прелестник еси всем человекам – посрамить тебя имею”» [10, с. 282–288].

Но если в народном апокрифе восклицание «Горе тебе, диаволе» носит оттенок сожаления, то у тюменского писателя оно звучит как заклинание, сила которого возрастает с каждым новым повторением. Двадцатикратное повторение устойчивой формулы «Горе тебе, диаволе!» придавало особую значимость авторским рассуждениям, поскольку внимание читателя таким образом акцентировалось на борьбе добра и зла, изначально присущей земному миру. Повторив эту формулу в последний раз, он совершил переход от изложения событий всемирной истории к российской, сделав акцент на «последнем» времени, связанном с воцарением антихриста: «Горе тебе, диаволе, иже сам по попушению Божию бысть освобожден темниц адовы по 1000-щи лет. Увы, начало Рим со всеми западными странами. Горе, Москва, конец! Тобою, Титин, весь мир опровержен бысть»¹⁹.

Поразительной по воздействию на читателя авторской находкой является контраст победной интонации обращения «Горе тебе, диаволе!» и наполненного трагизмом и эсхатологическими ожиданиями причитания «Горе, Москва, конец!», завершающего данный тематический раздел и задающего тему и тональность дальнейшей проповеди И.Р. Легостаева. С помощью этой фразы автор отсылал читателя к средневековой концепции «Третий Рим» (в старообрядческом варианте), обратив внимание на ее эсхатологическую направленность.

Таким образом, в основе повествования И.Р. Легостаева о шестидневном творении мира и начальных веках библейской истории лежал Хронограф «третьей» редакции (1620 г.). Старообрядческий автор активно использовал тексты вводных статей к Хронографу – «Послание к князю Василию», сочинение «О сотворении седми дней и всего мира», «Шестодневце вкратце о сотворении небеси и земли и всея твари» и последующие главы Хронографа. Эти тексты определили логику его повествования, стали источником ярких образов и цитат, которые автор чаще всего приводил не дословно, а в собственном пересказе, творчески их переработав. Это наводит на мысль о том, что старообрядец был настолько хорошо знаком с Хронографом, что свободно цитировал по памяти. Он не ставил себе цели точно повторять тексты древнерусских сочинений, а пересказывал прочитанное, стремясь доступно изложить традиционные представления о мироустройстве и начальной христианской истории своему читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. М., 1975.
2. Гурьянова Н.С., Крамми Р. Историческая схема в сочинениях писателей Выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 1994. С. 120–138.
3. Гурьянова Н.С. О сборнике, составленном Мануилом Петровым // Рукописи XVI–XX вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013.
4. Перишина М.В. «Духовное завещание» Ивана Родионовича Легостаева // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 23–26.
5. Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып II.
6. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М., 1959. Т. 3, вып. 1.
7. Савельева Н.В. Космологическая компиляция «Слова и Святой Троице» и ее бытование в составе древнерусских сборников // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 557–585.
8. Мосин А.Г. «Анти-Митчелл» – памятник полемической мысли крестьян Зауралья конца XIX в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 300–306.
9. Палея Толковая. М., 2002.
10. Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. II.

Статья поступила
в редакцию 21.03.2013

¹⁹ Там же. Л. 95.

УДК 94(470+571)''1918''

В.И. ШИШКИН¹, Д.Л. ШЕРЕМЕТЬЕВА²**КРИЗИС ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СЕНТЯБРЕ 1918 г.:
АРЬЕРГАРДНАЯ СХВАТКА В КРАСНОЯРСКЕ**

¹д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru
²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: dalas83@yandex.ru

В научный оборот вводятся документы, которые содержат ключевую информацию о втором этапе политического кризиса Временного Сибирского правительства в сентябре 1918 г.

Ключевые слова: Временное Сибирское правительство, Совет министров, политический кризис, енисейский губернский комиссар, социалисты-революционеры, газеты.

В 20-х числах сентября 1918 г. начался второй этап кризиса Временного Сибирского правительства (ВСП). Коротко напомним, что он выразился в аресте по приказу начальника Омского гарнизона полковника В.И. Волкова, исполняющего обязанности председателя Совета министров ВСП и министра внутренних дел В.М. Крутовского, министра туземных дел М.Б. Шатилова, председателя Временной Сибирской областной думы И.А. Якушева и только что прибывшего с Дальнего Востока А.Е. Новоселова, еще 29 января 1918 г. избранного на первой сессии Временной Сибирской областной думы министром ВСП; в принуждении В.М. Крутовского и М.Б. Шатилова подать прошения об отставке с занимаемых должностей; в решении Административного совета ВСП принять эти прошения; в высылке В.М. Крутовского и М.Б. Шатилова из Омска и в убийстве А.Е. Новоселова.

Эти события хорошо известны по мемуарной и исследовательской литературе, но они получили разную интерпретацию современников и историков. Представляется, что

масштабы кризиса, его глубина и сущность будут иметь более полное и объективное освещение, если информацию о происходившем в эпицентре кризиса дополнить сведениями о том, как реагировала на омские пертурбации вся остальная Сибирь.

В настоящей публикации приведен небольшой комплекс документов, отражающих ситуацию только в Красноярске, являвшемся административным центром Енисейской губернии. Но эти документы не оставляют сомнения в том, что схватка в столичных правительственных верхах (несмотря на ее, казалось бы, сугубо межличностное проявление) носила несомненно политический характер. Ее главной целью была борьба за перераспределение властных полномочий на правительственном уровне, а основным результатом стало устранение из ВСП трех (из шести) министров, разделявших социалистические взгляды, и упрочение позиций более правых политических деятелей как в самом Совете министров, так и в Административном совете ВСП.

№ 1**Представление прокурора Красноярского окружного суда Д.Е. Лаппо¹
прокурору Иркутской судебной палаты**

г. Красноярск

28 сентября 1918 г.

Официальным органом енисейского губернского комиссара является газета «Воля Сибири». В ней существует неофициальный отдел, в коем производится определенно социально-политическая доктрина партии социалистов-революционеров и ведется систематическая борьба со всеми инакомыслящими политическими течениями.

¹ Лаппо Дмитрий Евдокимович (1862 г., г. Гомель Могилевской губ. – 7 февраля 1936 г., Красноярск) – в 1898 г. окончил юридический факультет Казанского университета. С 1896 г. постоянно жил в Красноярске, где служил секретарем городской управы, мировым судьей, членом и прокурором Красноярского окружного суда, избирался гласным местной городской думы, являлся членом общего присутствия Енисейского губернского правления. Много занимался общественной и научной деятельностью. В октябре 1905 г. был инициатором организации Красноярского филиала партии народной свободы, бессменным руководителем которого оставался почти полтора десятилетия. После Февральской революции являлся активным сторонником Всероссийского Временного правительства, а после свержения Советской власти – Временного Сибирского правительства и режима А.В. Колчака.

По отношению к Временному Сибирскому правительству «Воля Сибири» занимает особую позицию: для нее правительство не существует как целое, выражающее единую верховную волю. В правительстве она поддерживает отдельных излюбленных ею лиц, являясь поэтому выразительницей мнений и идей отдельных лиц в правительстве. Особенно ярко выразилось это проявление в прилагаемом № 76 [газеты] от 27 сентября в статье «К событиям в Омске 20 сентября».

Из разговора с начальником [Красноярского] гарнизона полковником [М.И.] Федоровичем я узнал, что ранее появления этой статьи у [енисейского губернского] комиссара Озерных² было совещание, на которое был приглашен представитель чехословаков [Г.А.] Лелек, чтобы выяснить отношение чехословаков к событиям в Омске. Затем и полковник Федорович, будто бы случайно, был приглашен к комиссару, где Федоровичу были заданы вопросы об отношении гарнизона и его самого к свершившимся событиям. Ему задавались вопросы, допустит ли он митинг, как отнесется к предлагаемой к выпуску прокламации.

Получив неудовлетворительные ответы, Озерных или его помощник [П.С.] Доценко, точно не помню, сказал, что все равно появится статья. Статья появилась, и в ней министр Михайлов³ и уполномоченный по охране государственной безопасности⁴ Волков⁵ названы тяжкими государственными преступниками.

Статья эта вызвала в городе большое возбуждение, породила самые нелепые слухи: и то, что Михайлов и Административный отдел⁶ арестованы, и то, что [Сибирская] областная дума в Томске на тайном совещании избрала комитет, являющийся единственным правительством. Предполагалось будто бы провести в Красноярске аресты, причем определенно называлась моя фамилия.

Такое положение, занятое «Волей Сибири», легко объясняется тем, что главными сотрудниками, ведущими неофициальный отдел, являются Всеволод Крутовский, брат бывшего министра внутренних дел Владимира Крутовского⁷, [А.М.] Гневушев, женатый на племяннице жены Владимира Крутовского, и [В.П.] Колосова, жена Евгения Колосова.

² Озерных Петр Захарович (1886 г., Ачинский у. Енисейской губ. – 21 апреля 1919 г., Красноярск) – имел среднее образование. Член партии социалистов-революционеров. Писатель и поэт, редактор и издатель, общественный деятель. Сотрудничал во многих сибирских газетах. Привлекался царскими властями к дознанию за принадлежность к партии эсеров. В феврале 1918 г. был избран председателем первого Енисейского губернского земского собрания. В дальнейшем состоял в подпольной антибольшевистской организации. После свержения Советской власти в Красноярске с 20 июня 1918 г. являлся членом Енисейского губернского комиссариата. Приказом министра внутренних дел Временного Сибирского правительства от 1 августа 1918 г. был назначен временно исполняющим обязанности енисейского губернского комиссара. Указом Временного Сибирского правительства от 8 августа назначен енисейским губернским комиссаром. Одновременно с 19 июля по 21 августа 1918 г. являлся редактором газеты «Воля Сибири». Уволен с должности указом Временного Сибирского правительства от 28 октября 1918 г. из-за допущенных «в деле управления губернией неправильностей». Умер после продолжительной болезни.

³ Михайлов Иван Андрианович (29 декабря 1891 г., Карийская каторжная тюрьма – 30 августа 1946 г., Москва) – в 1913 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Член партии социалистов-революционеров с 1908 г., из которой вышел, видимо, осенью 1917 г. С конца 1917 г. беспартийный областник. После окончания университета был оставлен для подготовки к званию профессора по кафедре политической экономии. Во время Первой мировой войны заведовал Петроградским отделением экономического отдела Всероссийского земского союза. После Февральской революции служил в министерствах земледелия, продовольствия и финансов Всероссийского Временного правительства, управляющим делами Экономического совета Временного правительства. С декабря 1917 г. являлся товарищем председателя Петроградского отделения Союза сибиряков-областников. В конце апреля 1918 г. был приглашен заведовать экономическим бюро при Союзе сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», которую занимал до 25 июня 1918 г. В ночь на 29 января 1918 г. на тайном заседании части членов Временной Сибирской областной думы в Томске заочно избран министром финансов Временного Сибирского правительства. С 30 июня 1918 г. занимал должность министра финансов Временного Сибирского правительства.

⁴ Ошибка; правильно: по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

⁵ Волков Вячеслав Иванович (22 июня 1877 г., г. Усть-Каменогорск Семипалатинской обл. – 11 февраля 1920 г., близ Иркутска) – в 1897 г. окончил Александровское военное училище и в 1913 г. – офицерскую кавалерийскую школу. Служил в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеевича полку в Семирежье. Участник Первой мировой войны. Был награжден орденом св. Георгия IV степени, Георгиевским оружием и французским орденом «Medaille militaire». Весной 1918 г. руководил антисоветской военной организацией в Петропавловске. С 31 мая 1918 г. являлся командующим войсками Петропавловского района и командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. С 10 июля 1918 г. командовал бригадой 1-й Сибирской казачьей дивизии. Приказом по Сибирской армии за отличия в боях 17 сентября 1918 г. был произведен в полковники. С 8 сентября – начальник гарнизона г. Омска и уполномоченный по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

⁶ Ошибка; правильно: совет.

⁷ Крутовский Владимир Михайлович (25 января 1856 г., золотые прииски Рязанова Енисейской тайги – 9 декабря 1938 г., Красноярск) – в 1881 г. окончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. По своим общественно-политическим взглядам был сначала народником, а потом беспартийным областником. Сочувствовал эсерам, но в партию не вступил. С 1881 г. служил на врачебных должностях, с 1905 г. занимался частной врачебной практикой. Много времени уделял общественной, литературной и педагогической деятельности. С 1882 г. находился под негласным надзором полиции, дважды подвергался административной высылке. С 1905 г. являлся председателем Красноярского отдела Сибирского областного союза. В марте – октябре 1917 г. был председателем Красноярского коалиционного комитета общественной безопасности и енисейским губернским комиссаром Всероссийского Временного правительства. В декабре 1917 г. подвергался аресту большевиками за оказание сопротивления установлению Советской власти в Красноярске. В ночь на 29 января 1918 г. на нелегальном заседании части членов Временной Сибирской областной думы в Томске был избран министром здравоохранения Временного Сибирского правительства. В годы Советской власти возглавлял подпольный комиссариат Енисейской губ. После освобождения Красноярска от большевиков являлся председателем Енисейского губернского комиссариата. С 30 июня 1918 г. занимал должность министра внутренних дел Временного Сибирского правительства.

В том же неофициальном отделе действия правительства и отдельных должностных лиц подвергаются систематической критике и порицанию с точки зрения кружков, проникнутых партийной доктриной эсеров, и с точки зрения отдельных лиц правительства. Точно также корреспонденции, помещаемые в газете, носят обличительный характер, что, несомненно, в условиях переживаемого момента создает волнение в населении, возбуждая одни группы населения против других.

Так как г[осподин] енисейский губернский комиссар издал обязательные постановления, воспрещающие всякие оскорбительные отзывы о правительстве и должностных лицах, то для «Воли Сибири» создается привилегия безнаказанно совершать то, что запрещено другим под угрозой административного взыскания.

Независимо от сего в «Воле Сибири» помещаются совершенно непроверенные известия и сообщения, влекущие тяжкие последствия. Для примера можно указать еще номер, где помещена заметка о проезде через Красноярск украинского посла и о речи бывшего мирового судьи Криштофовича, приписывающая последнему тяжкое преступление. Я назначил дознание и предложил немедленно арестовать Криштофовича. Заметка, однако, оказалась сплошным вымыслом в отношении Криштофовича. Изъятие из редакции рукописи и допрос автора информации установили всю фантастичность и лживость заметки, не известно на чем основанной. Арест Криштофовича не был осуществлен лишь потому, что, прочитав заметку, он лично обратился ко мне за советом, как ему поступить, и заявил решительный протест против ее содержания.

Считаю долгом доложить, что в Красноярске постоянно определенными группами распространяются, а в последнее время усиленно, различные волнующие население слухи о правительстве, о свершившемся в Омске монархическом перевороте и прочее. Эти слухи исходят от лиц, несомненно близких Владимиру Крутовскому, и статья в № 76 газеты «Воля Сибири», подписанная инициалами В.К., если написана не им самим, то с его слов, в чем легко убедиться как по содержанию статьи, так и по ее фразеологии. Изложенное имею честь представить на Ваше распоряжение, господин прокурор. № 20.

Прокурор [подпись отсутствует]

С подлинным верно: И. д. делопроизводителя

ГАРФ. Ф. Р-1700. Оп. 7. Д. 5. Л. 54–55. Машинописная копия.

№ 2

Постановление енисейского губернского комиссара П.З. Озерных

г. Красноярск

30 сентября 1918 г.

Усматривая в передовой статье от 29 сентября, помещенной в газете «Свободная Сибирь», издающейся в Красноярске, явное намерение редакции названной газеты дискредитировать Временное Сибирское правительство в лице местных органов власти, енисейский губернский комиссар на основании обязательного постановления своего о печати от 14 августа 1918 г. постановил:

- 1) Оштрафовать редактора газеты «Свободная Сибирь» Ф.Ф. Филимонова⁸ на 500 руб.
- 2) В случае неуплаты означенного штрафа в течение суток со времени объявления гр[ажданину] Филимонову настоящего постановления подвергнуть его заключению в тюрьму на две недели.

Губернский комиссар П. Озерных

Воля Сибири (Красноярск). 1918. 3 окт.

№ 3

Представление прокурора Красноярского окружного суда прокурору Иркутской судебной палаты

г. Красноярск

4 октября 1918 г.

В дополнение к № 20 от 28 сентября имею честь представить.

Статья в № 76 «Воли Сибири» написана Владимиром Крутовским, как сообщил по телефону губернский комиссар Озерных господину начальнику гарнизона Федоровичу. Эта статья вызвала в местной газете «Свобод-

⁸ Филимонов Федор Федорович (1862 г., г. Камышлов Пермской губ. – 1920 г., Красноярск) – окончил Московское коммерческое училище. Учился в Московском университете, но был исключен за участие в студенческих беспорядках и выслан из Москвы. Член конституционно-демократической партии. С 1887 г. с перерывами жил в Красноярске, находился под негласным надзором полиции, занимался частной адвокатской практикой. Писатель, поэт, журналист, общественный деятель. В 1906 г. был редактором-издателем сатирического журнала «Фонарь», в 1906–1907 гг. – газеты красноярских кадетов «Сибирь», в мае 1907 г. – «Эхо Сибири». В марте 1917 г. учредил в Красноярске партийную общественно-политическую газету «Свободная Сибирь», редактором которой оставался до ее закрытия в декабре 1919 г. После восстановления в Красноярске советской власти арестован Енисейской губчека, 28 марта 1920 г. по обвинению в антисоветской агитации приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

ная Сибирь» в № 111 от 29 сентября передовую, в которой указана неудобность для официальной газеты хотя бы и в неофициальном отделе помещать подобные статьи.

Статья «Свободной Сибири» повлекла за собой наложение взыскания на ее редактора Ф.Ф. Филимонова губернским комиссаром в виде штрафа в 500 рублей.

Не касаясь существа вопроса, не входя в оценку наложения штрафа по партийным соображениям и в силу привилегий правительственного органа, правильность наложения взыскания вызывает сомнения и с формальной стороны. Ибо военное положение в Красноярске вводилось органом военной власти, почему и издание обязательных постановлений и наложение взысканий по ним должно исходить от тех же властей.

28 сентября вечером я получил сведения, что в городской управе во время думского заседания распространяется воззвание «Ко всему населению» по поводу перерыва заседаний [Сибирской] областной думы. Я немедленно предложил начальнику милиции отобрать все экземпляры этого воззвания. Это распоряжение вызвало посещение меня 30-го сентября председателем губ[ернской] зем[ской] управы [И.В.] Казанцевым и заместителем гор[одского] головы [Л.С.] Органовым с целью протеста, о чем мною составлен протокол. Помимо этого, на мое распоряжение была прислана телеграфная жалоба. Из ее содержания видно, что воззвание «Ко всему населению» составлено с ведома Вл. Крутовского, уехавшего из Красноярска в Омск 29 сентября.

Г[осподин] начальник гарнизона Федорович получил распоряжение председателя Совета министров Вологодского не допускать в печати касаться событий в Омске и Томске, не допускать частных совещаний Сибирской областной думы и подвергнуть задержанию членов избранного ею комитета, не подвергая, однако, их насилию. В моем присутствии начальник гарнизона Федорович объявил эти распоряжения господам председателю губземуправы Казанцеву и заместителю горголовой Органову и редакторам местных газет, при этом обратил внимание на то, что представители государственного управления воззванием «Ко всему населению» вмешивают в политику профессиональные союзы, представители которых осознали свою ошибку. При этом присутствовал и губкомиссар Озерных, который ко мне также обратился с вопросом, на каком основании я арестовал воззвание. Я ответил, что являюсь представителем государственного обвинения, и поэтому вся область Уложения о наказаниях, действующего Уголовного уложения и Устава о наказаниях составляет предмет моего внимания.

Перерыв заседаний [Сибирской] областной думы и события в Омске волнуют здесь лишь эсеровские и эсдековские интеллигентские кружки. В городской управе лишь два человека из четырех высказались за воззвание; по словам начальника гарнизона Федоровича, представители профсоюзов сознались, что они не должны были давать своего согласия на воззвание. Съезд кооперативов также отказался реагировать на роспуск думы, не желая совершать акта политического.

А в общем отношении широких кругов можно определить по тому вниманию, которое оказывают распространению по рукам стихотворению «Сон».

Прокурор Д.Е. Лаппо

С копией верно: Помощник делопроизводителя [подпись неразборчива]

ГАРФ. Ф. Р-1700. Оп. 7. Д. 5. Л. 71–72. Машинописная копия.

№ 4

Жалоба редактора газеты «Свободная Сибирь» Ф.Ф. Филимонова Временному Сибирскому правительству

г. Красноярск

4 октября 1918 г.

По постановлению енисейского губернского комиссара от 30 сентября 1918 г. на меня как редактора газеты «Свободная Сибирь» наложен штраф в размере 500 рублей с заменой этого штрафа двухмесячным⁹ тюремным заключением.

Постановление это я нахожу неправильным по следующим соображениям.

Енисейский губернский комиссар в передовой статье, напечатанной в № 111 «Свободной Сибири», усмотрел «явное намерение дискредитировать Сибирское Временное правительство»¹⁰ в лице местного органа власти.

Статья эта была напечатана после того, как в № 76 газеты «Воля Сибири», официальном органе Енисейского губернского комиссариата, появилась статья за подписью «В.К.» под названием «К событиям в Омске 20 сентября». В статье о событиях этих в то время в Красноярске ничего известно не было, и потому каждый, прочитавший статью «В.К.», мог лишь догадываться и предполагать о какой-то борьбе внутри самого Временного [Сибирского] правительства.

Говорилось там, между прочим, о преступных действиях одного из министров.

⁹ Ошибка; правильно: двухнедельным. Возможно, ошибка допущена автором письма сознательно.

¹⁰ Цитата приведена неточно (см. документ № 2).

Подобного рода статьи, несомненно, дискредитируют власть и подрывают веру и уважение к правительству, о чем и было сказано в передовой статье «Свободной Сибири».

Таким образом, оштрафование за «явное намерение дискредитировать Временное [Сибирское] правительство» является неправильным, так как если кто и дискредитировал правительство, то во всяком случае не «Свободная Сибирь».

Г[осподин] енисейский губернский комиссар, налагая на меня штраф, указывает на свое обязательное постановление от 14 августа 1918 г.

В силу постановления Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 года права и обязанности по охранению государственного порядка и общественного спокойствия возлагаются на губернских комиссаров лишь в том случае, если местность объявлена на военном положении министром внутренних дел.

В Красноярске военное положение введено 22 июня 1918 года, и введено командующим войсками Енисейского района (приказ № 2), т. е. военной властью, а потому охранение порядка на губернского комиссара возложено быть не могло и, следовательно, издание им обязательного постановления от 14 августа является неправильным и незаконным, и потому налагать кары на печать права он не имеет.

Ввиду изложенного покорнейше прошу постановление г[осподина] енисейского губернского комиссара от 30-го сентября 1918 года со всеми последствиями отменить.

Прилагаю № 111 «Свободной Сибири», «Воли Сибири» №№ 46 и 76.

Редактор газеты «Свободная Сибирь» Ф. Филимонов

ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 32. Л. 16–17. Машинописный подлинник. Подпись – автограф.

№ 5

Отношение Министерства юстиции Временного Сибирского правительства министру внутренних дел

г. Омск

8 октября 1918 г.

Спешно.

Препровождая при этом копию с копии представления прокурора Красноярского окружного суда на имя прокурора Иркутской судебной палаты от 28 минувшего сентября за № 20 для соответствующих распоряжений в отношении состава редакции газеты «Воля Сибири» и направления, принятого указанным официальным органом, министерство юстиции уведомляет Вас, что одновременно с сим по телеграфу поручено прокурору Иркутской судебной палаты сделать распоряжение о возбуждении против редактора вышеназванной газеты за помещение в № 76 статьи «К событиям в Омске 20 сентября» уголовного преследования на основании пунктов три и четыре статьи 1034 Улож[ения] о наказ[аниях].

Временно управляющий министерством юстиции Морозов¹¹

И. об. начальника второго отделения министерства юстиции Урахчинский

Старший делопроизводитель [подпись неразборчива]

ГАРФ. Ф. Р-1700. Оп. 7. Д. 5. Л. 53–53 об. Машинописный подлинник на официальном бланке Министерства юстиции. Подписи – автографы.

№ 6

Отношение енисейского губернского комиссара П.З. Озерных министру юстиции Временного Сибирского правительства¹²

г. Красноярск

9 октября 1918 г.

¹¹ Морозов Александр Павлович (1864 г., Омск – 1933 г.) – окончил юридический факультет Императорского Московского университета. С 1905 до июля 1917 г. состоял членом конституционно-демократической партии. Судебный деятель с 1908 г.: следователь, член Омского окружного суда и Омской судебной палаты. Видный общественный деятель Омска. С 1 июля 1917 г. служил председателем Барнаульского окружного суда. Действительный статский советник. С 14 июня 1918 г. являлся заведующим отделом юстиции Западно-Сибирского комиссариата, с 1 июля – товарищем министра юстиции Временного Сибирского правительства. Постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства от 10 сентября 1918 г. назначен временно управляющим Министерством юстиции.

¹² На документе имеются две резолюции распорядительного характера.

Первая из них, датированная 18 октября, гласила: «Представить в Сов[ет] мин[истров] с заключ[ением] о необх[одимости] отмены постан[овления] енис[ейского] губ[ернского] комиссара». Ее автора идентифицировать не удалось, но, скорее всего, она являлась выражением позиции самого председателя Совета министров ВСП П.В. Вологодского, только что вернувшегося из поездки на Дальний Восток.

Вторая резолюция, датированная 19 октября, принадлежала исполняющему обязанности директора второго отделения Министерства юстиции В.М. Урахчинскому. В ней говорилось: «Прошу составить заключение юрисконсульта 2 отд[еления] Д.М. Обундина».

На основании 18 ст. постановления Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 года при сем представляю жалобу на действия мои г[осподина] Ф.Ф. Филимонова и мои объяснения по этой жалобе Временному Сибирскому правительству с приложениями. № 4859.

Енисейский губернский комиссар П. Озерных
Завед[ующий] отделом Н. Доброхотов
Делопроизводитель [подпись неразборчива]

ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 32. Л. 14. Машинописный подлинник на официальном бланке енисейского губернского комиссара. Подписи – автографы.

№ 7

Донесение енисейского губернского комиссара П.З. Озерных Временному Сибирскому правительству

г. Красноярск

9 октября 1918 г.

Представляю жалобу редактора газеты «Свободная Сибирь», издающейся в Красноярске, Ф.Ф. Филимонова на действия мои, выразившиеся в оштрафовании г[осподина] Филимонова на 500 руб. с заменой двухнедельным арестом на усмотрение Временного Сибирского правительства, честь имею доложить в объяснение своих действий нижеследующее.

Независимо от того, в результате каких обстоятельств появилась передовая статья в № 111 «Свободной Сибири», существо ее резко противоречит обязательному постановлению моему от 14 августа, опубликованному в № 46 газеты «Воля Сибири». Общий же тон статьи, язвительный и рассчитанный, несомненно, на подрыв доверия к губернскому комиссариату как органу правительства, не мог быть не учтен мною как крайне опасный для правительства, которому я служу и которое, якобы, защищает «Свободная Сибирь» в своей статье; тем более, что статья эта написана в острый момент правительственного кризиса.

Как на наиболее злостное место в статье, считаю долгом указать на совершенно огульное обвинение губернского комиссариата в неправильной трате народных денег. Дело в том, что газета «Воля Сибири», соединяя в себе две части – официальную и неофициальную – имеет самый большой в губернии тираж, служа таким образом лучшим проводником взглядов правительства, и в то же время не только не требует особых ассигнований на ее поддержание из казны, а наоборот – дает даже доход.

Что же касается ссылки г[осподина] Филимонова на статью в газете «Воля Сибири» за подписью В.К., посвященную событиям в г. Омске, по этому поводу я считаю себя обязанным дать следующие объяснения.

Утверждение г[осподина] Филимонова о том, что в момент появления этой статьи в Красноярске никто ничего не знал о событиях в Омске, совершенно неверно. Наоборот, в этот момент город как раз был полон самыми нелепыми слухами об этих событиях. Официальных же сведений от правительства не было абсолютно никаких. И редакция газеты «Воля Сибири», печатающая в неофициальном отделе статью В.К. с ведома приехавшего в это время в Красноярск из Омска министра внутренних дел В.М. Крутовского, имела полное основание смотреть на эту статью как на материал, идущий из официального источника.

В заключение о формальной стороне дела. Г[осподин] Филимонов в своей жалобе пишет, что и с формальной стороны я не имел права налагать на него штраф ввиду того, что военное положение в Красноярске объявлено военной властью, а не властью министра внутренних дел, и что, следовательно, мне не принадлежит право издавать обязательные постановления (пост[ановление] Вр[еменного] Сиб[ирского] пр[авительства] от 15 июля 1918 г.).

Военное положение в Красноярске объявлено до издания постановления Временного Сибирского правительства [от] 15 июля действительно военной властью (полк[овником] В.П. Гулидовым), но по постановлению существовавшего тогда губернского комиссариата.

С тех пор я неоднократно возбуждал перед правительством вопрос, прося указаний, относится ли Енисейская губерния, находящаяся в глубоком тылу, к местностям, расположенным вблизи театра военных действий, т.е. к таким, право издания обязательных постановлений в коих принадлежит военному начальству, или не относится, но ответа не получил. Лично же я считаю, на точном основании постановления [от] 15 июля, г. Красноярск и Енисейскую губернию местностями, в коих регулирование военного положения принадлежит власти министра внутренних дел и право издания обязательных постановлений по охране общественного порядка – губернскому комиссариату.

В частности, относительно обязательного постановления моего о печати я считаю долгом сказать, что в работе его принимал участие прокурор местного окружного суда г[осподин] Лаппо, очевидно, не считавший в то время, что, издавая это обязательное постановление, я делаю незаконное дело.

Принимая все изложенное выше во внимание, я прошу Временное Сибирское правительство оставить жалобу г[осподина] Филимонова без удовлетворения.

Енисейский губернский комиссар П. Озерных

ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 32. Л. 15, 15 об., 18. Машинописный подлинник. Подпись – автограф.

№ 8

Уведомление Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства енисейскому губернскому комиссару

г. Омск

24 октября 1918 г.

Наложённый согласно изданного Вами обязательного постановления о печати от 14 августа с.г. штраф в сумме 500 рублей на редактора газеты «Свободная Сибирь» Ф.Ф. Филимонова за помещение передовой статьи в № 111 от 29 сентября с.г. г[осподин] управляющий министерством внутренних дел признал возможным сложить.

Об этом канцелярия по поручению управляющего министерством внутренних дел сообщает для сведения и зависящих распоряжений. № 3467.

Управл[яющий] канцел[ярией] Н. Бевад

ГАРФ. Ф. Р-1700. Оп. 7. Д. 5. Л. 79–79 об. Рукописный отпуск.

№ 9

Письмо временно управляющего Министерством юстиции в Совет министров Временного Сибирского правительства

г. Омск

2 ноября 1918 г.

Срочно.

В номере 76-м от 27 сентября 1918 г. в газете «Воля Сибири», издаваемой Енисейским губернным комиссариатом, в неофициальной ее части напечатана статья под заглавием «К событиям в Омске 20 сентября», подписанная инициалами «В.К.». Сущность содержания этой статьи сводится к тому, что будто бы министр финансов Временного Сибирского правительства г[осподин] Михайлов разными ухищрениями создал одномысленный с ним и ему послушный Административный совет из управляющих министерствами и товарищей министров, затем провел две новеллы, коими этому Совету, при отсутствии кворума в Совете министров, пред[о]ставляется вся власть Совета министров с правом роспуска Сибирской областной думы, которая и была, будто бы, Административным советом впоследствии распущена, что все устраивалось и шло по прямому пути к диктатуре.

Далее говорится, что в это время в Омск приехали министры [Временного Сибирского правительства] Крутовский, [М.Б.] Шатилов, [А.Е.] Новоселов, а министр [Г.Б.] Патушинский взял свое прошение об отставке обратно и, таким образом, кворум Совета министров оказался налицо, власть должна была перейти к нему, а Михайлов и Административный совет должны были отойти на задний план.

Но в ночь на 21 сентября – говорится в статье далее – министров В. Крутовского, Шатилова и председателя [Сибирской областной] думы [И.А.] Якушева, к которым впоследствии присоединили и Новоселова, обманом заманили в частный дом, объявили их арестованными, а на следующий день В. Крутовскому и Шатилову, по распоряжению уполномоченного командующим войсками по особой охране государственной безопасности¹³ Волкова под угрозой расстрела предложили подписать прошения об отставке, что ими и было исполнено. Эти прошения министром Михайловым были представлены Административному совету, который передал их Михайлову же, как своему председателю, на распоряжение. Последний отстранил министров от должностей и через полковника Волкова предписал в 24 часа удалиться из Омска.

Этот же Волков обвинял удаленных министров в подготовке государственного переворота, а Административный совет косвенно поддержал это ни на чем не основанное обвинение, не возбудив даже вопроса о противозаконных действиях Волкова, арестовавшего министров в ночь на 21 сентября.

Статья заканчивается словами «[...] нет сомнения, что Михайлов и Волков совершили тяжкое государственное преступление».

29-го сентября в № 111 газеты «Свободная Сибирь», издающейся в Красноярске под редакцией Филимонова, появилась по поводу вышеизложенной статьи в «Воле Сибири» краткая заметка в виде передовой статьи, где указывалось, что напечатание в официальном правительственном органе – каковым, несомненно, является

¹³ Ошибка; правильно: по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

ся «Воля Сибири» – рассказа автора «В.К.» об омских событиях совершенно недопустимо, что печатать такие статьи – значит «вставлять палки в колеса» правительству и подрывать в населении доверие к нему и что не должно в правительственной газете, издающейся на народные деньги, сводить личные счеты и проводить узкие партийные лозунги.

В этой передовой статье «Свободной Сибири» енисейский губернский комиссар усмотрел резкое нарушение обязательного постановления его от 14 августа 1918 г., опубликованного в № 46 «Воли Сибири» от 18 августа 1918 г., и редактора оной Филимонова подверг в административном порядке оштрафованию в 500 рублей с заменой арестом на две недели, как он объясняет в своем донесении на имя Временного [Сибирского] правительства. На это распоряжение губернского комиссара Филимонов принес Сибирскому Временному правительству¹⁴ жалобу, в которой указывает, что во[-первых], инкриминируемая статья не дискредитирует правительства и, во[-вторых], что губернский комиссар не имел права издавать обязательных постановлений, ибо Красноярск объявлен на военном положении военной властью, а именно по распоряжению командующего войсками Енисейского района от 22 июня 1918 г. (приказ № 2).

Обращаясь к соображению содержания¹⁵ жалобы Филимонова с изложенными выше обстоятельствами дела, министерство юстиции полагает признать жалобу Филимонова заслуживающей уважения по следующим основаниям.

Обязательное постановление свое о печати от 14-го августа 1918 года енисейский губернский комиссар издал, как видно из распубликования его, на основании постановления Временного Сибирского правительства от 15-го июля 1918 года.

По сему последнему постановлению та или другая местность может быть объявлена на военном положении или министром внутренних дел с донесением о сем Временному Сибирскому правительству (ст. 2) или, согласно ст. 13 Положения о Полев[ом] управл[ении] войск, командующим армией и командирами отдельных корпусов (ст. 3 того же постановления). Право издания обязательных постановлений и установления за нарушения их взысканий в виде заключения в тюрьме или штрафа в административном порядке принадлежит в первом случае губернским (областным) комиссарам или особым лицам, по назначению министра внутренних дел, а во втором случае – командирам корпусов или особым начальникам (ст. ст. 8 и 9 постановления от 15-го июля 1918 г.) по назначению командующего.

Из обстоятельств дела усматривается, что в г. Красноярск военное положение было введено 22 июня 1918 года командующим войсками Енисейского района по приказу № 2, т.е. военной властью.

Ввиду сего, доколе это распоряжение, постановленное на основании 13 ст. Положения о полев[ом] управл[ении] войск, действовавшего и до и после постановления Временного [Сибирского] правительства от 15 июля 1918 года, не отменено в установленном сим постановлением порядке (ст. 4), право издания обязательных постановлений с указанными в случае их нарушения в п[ункте] «б» ст. 9 последствиями в Красноярске должно принадлежать исключительно военным властям (ст. 8 и 9 постановления Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 года).

Ввиду сего енисейский губернский комиссар не имел законного основания для издания своего обязательного постановления о печати от 14 августа 1918 г. в нарушение вышеозначенных ст. ст. 8-й и 9-й постановления Временного Сибирского правительства от 15 июля 1918 года, которое в это время (14 августа) уже было распубликовано и получило силу закона. Хотя в своем объяснении Временному [Сибирскому] правительству по сему делу губернский комиссар и указывает, что в Енисейской губернии, как находящейся в глубоком тылу, введение военного положения, по его мнению, принадлежит власти министра внутренних дел, но само собой понятно, что это мнение его для силы и действительности приказа № 2 командующего войсками Енисейского района – пока оно не отменено в установленном порядке – никакого значения иметь не может. Кроме сего, присвоение енисейским губернским комиссаром при этих обстоятельствах себе права на издание обязательных постановлений на основании постановления от 15 июля 1918 г. может повлечь за собою совершенно недопустимые столкновения и противоречия его постановлений с таковыми же военных властей.

Но и помимо сказанного, обращаясь к рассмотрению жалобы Филимонова по существу, должно, по мнению министерства [юстиции], признать, что в инкриминируемой ему статье «Свободной Сибири» не содержится признаков какого-либо нарушения обязательного постановления о печати от 14 августа, изданного енисейским губернским комиссаром, если и признать, что он имел законное право на издание сего постановления.

Сам губернский комиссар усматривает нарушение Филимоновым его постановления о печати в том месте статьи, где говорится о народных деньгах, на которые издается «Воля Сибири», придавая этому месту статьи тот смысл, что будто бы автор обвиняет Енисейский [губернский] комиссариат вообще в неправильной трате народных денег, чем и подрывает доверие к комиссариату как органу правительства. В опровержение сего губернский комиссар указывает на то, что «Воля Сибири» не только не требует казенной субсидии на свое издание, но даже приносит доход казне.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ Так в тексте.

Но такое истолкование смысла указанного места статьи «Свободной Сибири» совершенно произвольно и несогласно с духом всей статьи; автор ее лишь говорит, что не должно в газете, издаваемой на народные деньги, сводить личные счета, а с этой совершенно справедливой мыслью нельзя не согласиться, совершенно безотносительно к коммерческой стороне правительственной газеты, т.е. безотносительно к тому, приносит она прибыль или убыток, и губернский комиссар без всякого основания и без всякой пользы для разрешения настоящего дела делает вышеупомянутое указание на прибыль от «Воли Сибири», стараясь перенести тем самым свои объяснения по жалобе Филимонова в плоскость, совершенно чуждую смыслу инкриминируемой статьи и безразличную для дела.

При дальнейших объяснениях своих на ту же жалобу и имея в виду, очевидно, то место инкриминируемой статьи, где про рассказ о событиях в Омске говорится, что «остаётся совершенно неизвестным, что тут отвечает действительности, что представляет фантазию автора и что умышленно искажено», губернский комиссар указывает на то, что статья эта напечатана с ведома приехавшего тогда в Красноярск министра внутренних дел В.М. Крутовского и что посему редакция «Воли Сибири» имела основание смотреть на эту статью как на материал, идущий из официального источника. Однако эта ссылка губернского комиссара на должностное положение Крутовского как на гарантию официальной точности и правдивости изложенного в статье по обстоятельствам дела является лишённой всякого основания.

В самом деле, в статье об омских событиях рассказывается о якобы совершенном над министром Крутовским преступлении, закончившемся отстранением его от должности министра и высылкой из Омска. Но само собой очевидно, что при таком содержании статьи тот факт, что она напечатана с ведома Крутовского, – хотя бы даже с его слов – не мог в глазах редакции «Воли Сибири» сообщить рассказу характер официального беспристрастия и согласия с действительностью.

Напротив, именно к одобрению Крутовским рассказа о своем собственном отстранении с должности министра, рассказа, основанного всецело на обвинении других правительственных лиц, редакция должна была отнестись с особой осторожностью как к одобрению лица пристрастного, явно заинтересованного в выгодном для себя освещении событий 20–21 сентября, хотя бы ценой заведомого извращения фактов, как это и оказалось в действительности.

Но при наличии указанных обстоятельств напечатание статьи об омских событиях, явно враждебной по своему содержанию Временному Сибирскому правительству, на страницах правительственной газеты, хотя бы и в неофициальной ее части, совершенно недопустимо, как на это вполне правильно указывается в передовой статье «Свободной Сибири», помещенной в № 111 от 24 сентября. Если обязательное постановление енисейского губернского комиссара о печати от 14 августа признать правильно изданным, то, по мнению м[инистерства] ю[стиции], не Филимонов должен был подвергнуться взысканию за мнимое нарушение его, а редактор неофициальной части «Воли Сибири» за напечатание статьи об омских событиях.

На основании вышеизложенного министерство юстиции полагает постановление енисейского губернского комиссара от 30 сентября сего года о наложении на редактора газеты «Свободная Сибирь» Филимонова штрафа в сумме 500 рублей с заменой его двухнедельным арестом за нарушение в передовой статье в № 111 [от 24 сентября] 1918 г. обязательного постановления означенного комиссара о печати от 14-го августа сего года отменить со всеми последствиями.

К сему прилагаются жалоба Федора Федоровича Филимонова на действия енисейского губернского комиссара от 4 минувшего октября с указанными в ней приложениями и представление енисейского губернского комиссара от 9 того же октября за № 4859 вместе с его объяснением. № 693/5012.

Временно управляющий министерством юстиции Морозов
И. об. директора второго отдела министерства юстиции Урахчинский
Старший делопроизводитель [подпись неразборчива]

ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 32. Л. 11–13 об., 25. Машинописный подлинник на официальном бланке Министерства юстиции. Подписи – автографы.

*Статья поступила
в редакцию 01.04.2013*

УДК 821.161.1.09(571.1/5)

Е.Н. САВЕНКО

**САМИЗДАТ КАК ФОРМА ДУХОВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ
СОВЕТСКИМ РЕПРЕССИЯМ 1940-х – НАЧАЛА 1950-х гг.**канд.ист. наук,
ГПНТБ СО РАН, Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье анализируются мотивы выпуска и распространения нелегальной национальной и религиозной литературы в условиях депортации граждан СССР в 1940–1950-е гг. Характеризуются тематические направления и формы бытования неподцензурных произведений в сибирско-дальневосточном регионе.

Ключевые слова: самиздат, неподцензурная литература, рукописная книга, депортация, духовное сопротивление, Сибирь.

Постсоветское двадцатилетие стало периодом активного и всестороннего изучения политических репрессий в СССР. Круг проблем, рассматриваемых отечественными исследователями, весьма обширен: предпосылки, масштабы и этапы массовых репрессий, сущность и социально-демографические последствия репрессивных компаний, стратегии сопротивления террору. Однако ряд важных аспектов истории политических репрессий до настоящего времени не получил достаточного освещения. Одна из таких малоизученных страниц – духовное сопротивление репрессиям, в частности письменное творчество депортированных.

Принудительное переселение признанных официальной властью социально опасными граждан, групп или целых народов с территории их прежнего проживания было неотъемлемым элементом репрессивной политики советского государства. Одним из основных регионов расселения депортированных являлась Сибирь. Только в ходе этнических депортаций, всплеск которых пришелся на 1940-е гг., в регион было выселено более 800 тыс. чел.: калмыков, латышей, литовцев, немцев, поляков, эстонцев и др. [1, с. 95]. В 1940-х – начале 1950-х гг. контингент спецпереселенцев в регионе пополнялся и депортированными по религиозному признаку. В июле 1944 г. в Западную Сибирь из европейской части России насильственно переселили более 1,6 тыс. истинно-православных христиан [2, с. 250]. В ходе депортаций 1949 г. и 1951 г. в Сибири оказалось около 5 тыс. семей – адептов церкви Свидетелей Иеговы [3, с. 184]. Только в Томскую область весной 1951 г. прибыли 2,6 тыс. иеговистов из Молдавии [4, с. 481].

Насущной проблемой, стоявшей перед депортированными, было не просто физическое выживание, но и сохранение в экстремальных условиях духовно-нравственных основ личности, национальной идентичности, этнокультурных традиций. Отстаивать человеческое

достоинство в неимоверно тяжелых, порой нечеловеческих обстоятельствах фактически означало выражать протест против репрессивной практики. Духовное сопротивление депортированных приобретало различные формы: соблюдение религиозных норм и национально-культурных обычаев, использование национального языка. Значимой составляющей указанных процессов являлся самиздат: несанкционированные, неподцензурные тексты, самодельные книги и журналы.

Наиболее востребована была религиозная литература: рукописные молитвенники, сборники псалмов, стихи религиозного содержания. Превалирование самиздатовских текстов указанной тематики вполне закономерно, ведь религия является важнейшей сферой духовной жизни, одним из ключевых элементов этнического самосознания. Мемуарные источники свидетельствуют, что в условиях депортации именно религия играла основную компенсаторную роль, помогая оказавшимся на чужбине людям не пасть духом и адаптироваться в новой социокультурной среде. Не случайно в базе данных «Виртуальный музей Гулага» – электронном собрании материальных свидетельств террора советского периода из различных музейных коллекций – представлено немало экземпляров подпольной религиозной литературы, созданной в сибирской ссылке. Среди них и самодельный молитвенник литовца Стасиса Жиронаса, находившегося с апреля 1949 г. по июнь 1956 г. на спецпоселении в пос. Алзамай Иркутской области, и миниатюрный сборник молитв Регины Маюрате, отбывавшей в 1948–1955 гг. наказание на Колыме¹.

¹ Экспонаты / Молитвенник // Виртуальный музей Гулага. URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=1808798&language=1> (дата обращения: 20.11.2012); <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=24879806&language=1> (дата обращения: 20.11.2012).

Эти самодельные книги, сделанные из оказавшихся под рукой материалов (обрывков бумаги, отрезков ткани, бересты), являются не только уникальными памятниками материальной книжной культуры, но и свидетельствами духовной стойкости спецпереселенцев.

Ярчайший пример непоколебимости и твердости духа репрессированных – рукописный молитвенник, созданный в конце 1940-х гг. в одном из исправительно-трудовых лагерей Колымы четырьмя литовскими девушками. Эта миниатюрная брошюра (5x7 см), состоящая из 46 сшитых вместе, испещренных религиозными стихами страниц, ее переплет изготовлен из хлопчатобумажной ткани, украшен вышитым орнаментом. Содержание молитвенника – убедительное подтверждение того, что в заключении традиционная религия становилась для репрессированных характерным признаком национального самосознания, помогала им выстоять и противостоять насилию. В качестве подтверждения можно привести текст одной из молитв:

Мария, спаси нашу землю,
Залитую кровью и слезами,
С жертвенностью, стойкостью и любовью.
Мария, пробуди в нашей груди
Мощь великих гигантов.
Сохрани наш национальный дух,
Дошедший сквозь века от наших предков.
Мария, просвети тех,
Кто уклонился от праведного пути,
Спаси героев, которые пали.
Подними нашу святую Литву,
Чтобы светила и сияла
Как великолепная звезда,
Чтобы прославлять тебя
И безграничное милосердие[,]
и любовь твоего сына.

Аминь².

В конце 1950-х гг. молитвенник был тайно вывезен из Сибири, переправлен за границу и под названием «Мария, спаси нас» издан на многих языках: английском, немецком, голландском, итальянском, испанском, португальском, французском, польском и китайском. В Литве этот уникальный образец непоколебимости духа в неволе долгое время распространялся в самиздате и лишь в 1990 г. вышел в свет официально³.

Распространенным явлением было также хождение среди депортированных текстов отдельных молитв и религиозных песен, записанных по памяти. Сопоставление текстов самиздатовских работ, авторами которых являлись представители различных этнических

групп, показывает, что отношение к религии как ключевому элементу национальной идентичности было характерно для всех репрессированных народов. Так же как и в приведенной выше молитве литовских девушек, во многих обращениях к Богу звучала не просто просьба о личном спасении, но мольба о сохранении своего народа. Тесно перекликается с литовской молитвой «Мария, спаси нас», например, «Молитва из тайги», созданная в 1944 г. неизвестным польским автором, работавшим на лесном комбинате Норильскстроя. В подтверждение приводим отрывок из указанного стихотворения:

Боже, содей, дабы к славе Твоей
Распахнулись ворота этого ада!
Чтобы народ – полумертвый,
Больной и униженный,
Запуганный и измученный
Вновь могучую силу обрел!
Голос возносится над колючкою:
Смилуйся над нами, Господи!⁴

Не сломили гонения и депортированных по религиозному признаку.

Переселенные на восток представители Католической православной церкви в местах нового проживания активно сопротивлялись антирелигиозной политике и продолжали религиозную деятельность: проводили богослужения, распространяли «Святые письма», рукописные листовки с молитвами. Судебные органы Сибири регулярно рассматривали дела о так называемой антисоветской деятельности истинно-православных христиан (ИПХ).

Например, в 1948 г. были разоблачены и подвергнуты судебному наказанию группы ИПХ в Черепановском и Тоугчинском районах Новосибирской области⁵. В 1952 г. в Кемеровской области за «написание и распространение множества листовок антисоветского содержания» была осуждена депортированная из Украины активистка общины истинно-православных христиан М.И. Дюкова. Примечательно, что наказание не сломило верующую и, вернувшись из заключения, она вновь занялась активной религиозной пропагандой. Летом 1956 г. Мария Дюкова написала 5 стихотворений, которые члены общины ИПХ разучивали и пели на молитвенных собраниях. Кроме того, ею было написано и распространено в общественных местах г. Кемерово несколько религиозных листовок. Итогом систематической самиздатовской деятельности стала повторная судимость. В ноябре 1956 г. М.И. Дюкова была приговорена к 25 годам ИТЛ, однако летом 1957 г. срок наказания был снижен до 10 лет⁶.

Не дали ожидаемых результатов и репрессивные меры в отношении Свидетелей Иеговы. Доктор фило-

² Перевод с английского сделан автором публикации.

³ Mary Save Us. PRAYERS WRITTEN BY LITHUANIAN PRISONERS IN NORTHERN SIBERIA- URL: http://www.lkbkronika.lt/ebooks/save_us.pdf [дата обращения: 30.10.2012]; VASILIAUSKIENĖ A. Sibiro maldaknygės autorė – URL: http://www.xxiamzius.lt/archyvas/xxiamzius/20011010/atmi_01.html (дата обращения: 30.10.2012).

⁴ Цывьян Л.М. Песни польских сибиряков. URL: <http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/GULAG/poland.html> (дата обращения: 28.01.2013).

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 13. Л. 194, 252.

⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Д. 73115. Л. 1, 9, 43.

софских наук, религиовед Н.С. Гордиенко отмечает, что репрессии лишь закаляли иеговистов: «В новых местах поселения, где о данной конфессии слыхом не слыхивали, Свидетели Иеговы “заражали” своей верой и верностью ей местных жителей, которые не только жалели невинно пострадавших переселенцев, но и вступали в их организацию, чья нелегальность лишь добавляла ей привлекательности в глазах многих обиженных властью» [5, с. 26]. Это подтверждают и документальные источники, свидетельствующие, что после депортации членов этой протестантской секты в Сибири широкое распространение получил иеговистский самиздат. В ноябре 1949 г. в Тюменской области за религиозную пропаганду были осуждены 7 членов секты «Свидетели Иеговы» – спецпереселенцев из Молдавии [6, с. 203]. В июне 1953 г. в Томской области состоялся судебный процесс над 13 спецпоселенцами иеговистами, обвинявшимися по статье 58-10 УК РСФСР [6, с. 134]. Наряду с рукописным способом тиражирования религиозных текстов Свидетели Иеговы активно использовали кустарную полиграфическую технику. Во второй половине 1950-х гг. тайные типографии Свидетелей Иеговы активно действовали во многих уголках региона. Причем масштабы нелегальной издательской деятельности Свидетелей Иеговы были сопоставимы с объемами работы издающих организаций. Например, в подпольной типографии, оборудованной в 1955 г. депортированными иеговистами в одном из спецпоселений возле г. Тулуна, ежемесячно печаталось от 200 до 500 экз. журналов «Башня стражи»⁷. Аналогичная типография существовала в 1957–1959 гг. и в пос. Сосновка Иркутской области. Одним из организаторов этого подпольного полиграфического предприятия был член секты «Свидетели Иеговы» Василий Фуштейн, высланный из Западной Украины. Он же изготовил кустарный шрифт, с помощью которого печаталась литература иеговистов⁸. В марте 1959 г. подпольная типография была раскрыта в Асиновском районе Томской области у высланных из западных районов иеговистов. При обыске был обнаружен самодельный прибор для отливки шрифта, буквенные матрицы, типографский шрифт и большое количество отпечатанной с его помощью литературы⁹.

Неподцензурно бытовали в сибирско-дальневосточном регионе литературные произведения, созданные депортированными. Литературное творчество помогло изгнанникам защищать свой духовный мир, сохранять этническую идентичность, сберечь для потомков свидетельства о трагических событиях. Вследствие жестких запретов повседневная жизнь в условиях депортации отражалась преимущественно в устном творчестве. При возможности эти произведе-

ния не только передавались из уст в уста, но и тайно переписывались. Среди депортированных чеченцев, например, в начале 1950-х гг. распространялись две рукописные поэмы. Текст поэм сопровождался своеобразной «инструкцией» следующего содержания: «Тот, кому в руки попадет эта песня, обязан: переписать для себя, если неграмотный, то дать для переписки другому грамотному человеку, верующему в Бога. Читать ее нашим людям, где это доступно, желающим дать для размножения, а для людей, живущих вне вашей досягаемости – переслать по почте, указав фальшивый адрес отправителя. Это надо сделать, не упуская ни одной минуты. Тот, кто не сделает этого, будет ответственен за судьбу вымирающей нации – это истинная правда». Автора одной из поэм компетентные органы установили лишь в 1957 г. Им оказался отбывающий наказание в Магаданской области Магомед-Эми Мусаитов [7, с. 117]. Автора сопровождавшего текст комментария определить не удалось.

Необходимо отметить, что как несанкционированное литературное творчество, так и хранение неподцензурных произведений было сопряжено для депортированных с большим риском. Любые действия репрессированных, не вписывающиеся в установленные рамки, воспринимались карательными органами как сопротивление. В декабре 1945 г. в Ужурском районе Красноярского края был арестован и осужден по статье 58-10 УК РСФСР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей шестнадцатилетний спецпереселенец Борис Дундуев, у которого нашли текст песни «Котуш» о депортации калмыцкого народа. Вскоре был установлен, арестован и осужден по статье 58-10 ч. 2 на 10 лет заключения в колонии автор этого поэтического произведения Даган Такаев. В предъявленном ему обвинении говорилось: «В январе месяце 1944 года во время переселения калмыков с территории б/Калмыцкой АССР в Красноярский край в вагоне среди спецпереселенцев-калмыков... сочинил песню о переселении калмыков контрреволюционного националистического характера и читал ее среди калмыков, находящихся в вагоне, выражая в песне недовольство переселением»¹⁰.

Были и другие примеры литературного творчества, направленного на поддержание национального самосознания и сохранение исторической памяти калмыков. Наиболее яркий пример – судьба поэта Давида Кугультинова, который в 1944 г. разделил судьбу калмыцкого этноса: был отозван с фронта и отправлен в Сибирь. Находясь на спецпоселении в Алтайском крае, он искренне переживал за свой народ и посвятил его судьбе свое творчество. В 1945 г. за стихи на калмыцком языке, в которых звучал протест поэта против несправедливости по отношению к родному народу, он был осужден на 10 лет и сослан в Норильск. Но и там Д.Н. Кугультинов продолжал заниматься литератур-

⁷ Подпольные типографии в Сибири // Свидетели Иеговы в России. URL: http://www.jw-russia.org/history/yb08/article10_u.htm (дата обращения: 11.04.2012).

⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 94879. Л. 1–18.

⁹ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2943. Л. 55.

¹⁰ Бакаева К., Менкеева Г. Жизнь долго не сменяла гнев на милость... («Сокровенное сказание» калмыков) // Уроки истории. XX век. URL: <http://www.urokiistorii.ru/2421> (дата обращения: 25.02.2013).

ным творчеством. Примечательно, что хотя стихотворные произведения и обращение поэта в защиту родного народа существовали лишь в единичном экземпляре, они каким-то образом распространялись в списках и становились известными соплеменникам [8, с. 20–21].

Печальные последствия имела литературная деятельность и для представителей других этносов, высланных в Сибирь. В 1952 г. эстонские девушки, находившиеся на поселении в д. Чиняево Татарского района Новосибирской области, организовали тайное общество «Эстонская молодежь». Основой задачей членов этого объединения было изучение и сохранение национального фольклора. Участницы группы записывали и распространяли в своей среде тексты народных эстонских песен. Занимались они и литературным творчеством: писали на родном языке рассказы и стихотворения о нелегкой жизни депортированных в Сибирь эстонцев. Но и в данном случае независимая деятельность по сохранению своего национально-культурного потенциала была воспринята властными органами как подрыв государственных устоев и жестко пресечена. Группа была признана «антисоветской», а четверо наиболее активных членов организации (Аста Эверт, Айно Ранг, Марта Пихельпуу и Аста Саар) получили за распространение «клеветнических измышлений на существующий в СССР строй, бытовые тяжелые условия рабочих и колхозников» от 8 до 10 лет заключения в ИТЛ¹¹.

Литературный самиздат бытовал в сибирско-дальневосточном регионе не только в виде отдельных сочинений, созданных спецпереселенцами. Появлялись здесь и самодельные журналы, являвшиеся своеобразной формой поддержания этнической идентичности. Например, группа молодых литовских спецпереселенцев, проживавших в Троицком районе Алтайского края, выпускала в 1944–1945 гг. рукописный журнал «Tevynes ilgesys» («Тоска по Родине») на родном языке. Особая роль этого самодельного издания в сохранении национальной культуры ссыльных ранее уже отмечалась специалистами [9]. Журнал представлял собой тетрадь из сшитых вручную отдельных листов с обложкой, сделанной из куска обоев¹². Публикации (любительские стихи и рассказы) сопровождалась цветными иллюстрациями – карандашными рисунками. Содержание и эмоциональный настрой текстов свидетельствуют, что главным побудительным мотивом создания журнала стало обострившееся в условиях депортации стремление к сохранению национальной идентичности. Поскольку лейтмотивом помещавшихся на страницах этого издания произведений было пребывание спецпереселенцев в Сибири, такое

несанкционированное проявление этнокультурного самовыражения было признано органами государственной безопасности «антисоветской агитацией». Организатор журнала Александр Микутавичус и наиболее активные авторы Альгирдас Розманас и Альгирдас Вайсюнас были приговорены к 10 годам лишения свободы¹³.

1940-е – начало 1950-х гг. стали временем тяжелых испытаний для многих граждан СССР. В указанный период в стране было проведено 38 депортационных кампаний, в результате которых насильственному переселению подверглось огромное количество людей [10, с. 789–798]. Вырванные из традиционной среды обитания, они различными способами пытались физически и психологически адаптироваться к экстремальным условиям депортации. Стоически противостоять дискриминации, сохраняя родной язык, национальную культуру, религиозные убеждения репрессированные стремились посредством различных форм деятельности, одной из которых был самиздат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 95–117.
2. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 2005. 400 с.
3. Сосковец Л. Организация Свидетелей Иеговы в Сибири в 1940–1960-е гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. тр. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 184–187.
4. Красильников С.А., Сарнова В.В. Депортация // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. С. 183–185.
5. Гордиенко Н.С. Российские Свидетели Иеговы: история и современность. СПб., 2003. 233 с.
6. 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг.: аннотированный каталог. М., 1999. 944 с.
7. Ибрагимов М.М. Власть и религия в период депортации чеченского народа // Вестн. Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 1 (16). С. 112–120.
8. Давид Кузультинов. Автобиография, статьи, выступления. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 100 с.
9. Красильников С.А., Сарнова В.В. Сохранение национальной культуры и этничности спецпереселенцами в Сибири в 1930–1940-е годы // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX веке. Новосибирск, 2004. С. 211.
10. Сталинские депортации. 1928–1953. М.: МФД: Материк, 2005. 902 с.

Статья поступила
в редакцию 11.03.2013

¹¹ ГАНО. Ф.Р–20. Оп. 4. Д. 26. Л. 29–30.

¹² Микутавичус А. Моя жизнь // Бирюсинская долина. Краеведческий сайт ЦТРИГО «Радуга» г. Тайшета. URL : http://birusamemo.burtai.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=113:2012-07-25-07-49-45&catid=39:2011-09-23-11-49-23&Itemid=71 (дата обращения: 24.10.2012).

¹³ Отдел специальной документации Управления архивным делом Алтайского края (ОСД УАДАК). Ф. Р-2. Д. 19707. Л. 199.

УДК 19.51.61(470+571)

И.В. ЛИЗУНОВА, Е.В. БУЛГАКОВА

**ИЗДАНИЕ КНИГ ДЛЯ ДЕТЕЙ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(1990-е гг.)**ГПНТБ СО РАН, Новосибирск,
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье освещается процесс трансформации детского книгоиздания Сибири и Дальнего Востока в первом постсоветском десятилетии, выявляются его основные этапы. Характеризуются структурные изменения в репертуаре детской книги. Раскрываются особенности жанрового разнообразия детской книги определенных областей региона. Подчеркивается необходимость всемерной поддержки региональных лидеров книжной индустрии в деле выпуска детской литературы.

Ключевые слова: книгоиздание, издательства, книги для детей, подростков и юношества, детское чтение, Сибирь, Дальний Восток.

Издание книг для детей – актуальная тема в любом обществе не только потому, что самым непосредственным образом влияет на духовное воспитание подрастающего поколения, но и является одним из основополагающих факторов, «способствующих консолидации общества и укреплению государственности на всех уровнях» [1, с. 7].

Проблемы детского книгоиздания и детского чтения в современной России очевидны и в большинстве случаев взаимосвязаны. Падение статуса и престижа чтения в детской среде, увеличение числа детей, не включенных в книжную культуру, стали следствием социокультурной трансформации последних двух десятилетий, снижения жизненного уровня, ухудшения качества образования, разрыва культурных связей между поколениями. Постоянный рост цен на литературу для детей, утрата книгой прежнего приоритетного положения в условиях возрастания воздействия визуальной и электронной культуры (телевидения, интернета), увеличение числа нечитающих семей на фоне общего кризиса чтения обусловили снижение интереса к печатному слову у большинства детей и особенно у подростков и юношества. Но не менее важными факторами, влияющими на отношение детей к чтению, стали, на наш взгляд, развитость «книжного пространства» конкретного региона, а именно: наличие здесь детских и юношеских библиотек с богатыми обновляемыми книжными фондами, сети книготорговых предприятий с обширным ассортиментом печатной продукции для детей, а также издательств, ориентированных на выпуск литературы для детской, подростковой и юношеской аудитории.

О последнем сегменте книжного пространства региона, а именно о состоянии сибирского-дальневосточного детского книгоиздания, особенностях и этапах его трансформации в постсоветские годы, современных проблемах и возможных путях их решения, поговорим более подробно.

Начнем с того, что репертуар детского чтения в значительной мере задается именно книгоизданием. Напомним, что в советские годы детская литература относилась к категории остродефицитной, так как спрос на нее удовлетворялся лишь на 30–35 % [2, с. 135]. В первой половине 1980-х гг. в стране издавалось около 2 тыс. наименований книг для детей и юношества. В общем выпуске книжной продукции она составляла не более 4–5 % [3, с. 25].

К 1991 г. количество изданий снизилось до 1610 названий, затем начались годы взлетов-падений, относительная стабилизация и лишь с 1996 г. показатели изданий книжной продукции для детей стали расти и к началу следующего десятилетия превысили цифры советских лет в 2 раза, составив 4123 наименования (см. схему 1).

Одновременно на фоне роста числа названий происходило обвальное падение тиражей детских книг. Резкое снижение годовых тиражей (с 365 млн экз. в 1991 г. до 47 млн экз. в 1997 г. – почти в 8 раз) удалось стабилизировать на уровне 54–57 млн экз. в конце десятилетия. По словам директора Издательства «Детская литература» О. Вишнякова, 1997–1998 гг. стали «наихудшим периодом для российских издателей. Тогда средний тираж книг снизился примерно на 15–20 %, причем спрос упал на издания практически всех жанров. Лишь детская литература продолжала пользоваться относительно устойчивым спросом. Вероятно, именно это обстоятельство привлекло на рынок детской литературы большое количество новых игроков – мелких и средних издательств. В 1998 г. они контролировали около 30 % сегмента. А уже через год мелкие и средние издательства серьезно потеснили лидеров детского книгоиздания, возглавляемых тогда издательством «Росмэн» (10,5 %), оставив им лишь треть от общего количества тиражей. Выпуск детской литературы стал одним из самых конкурентных видов

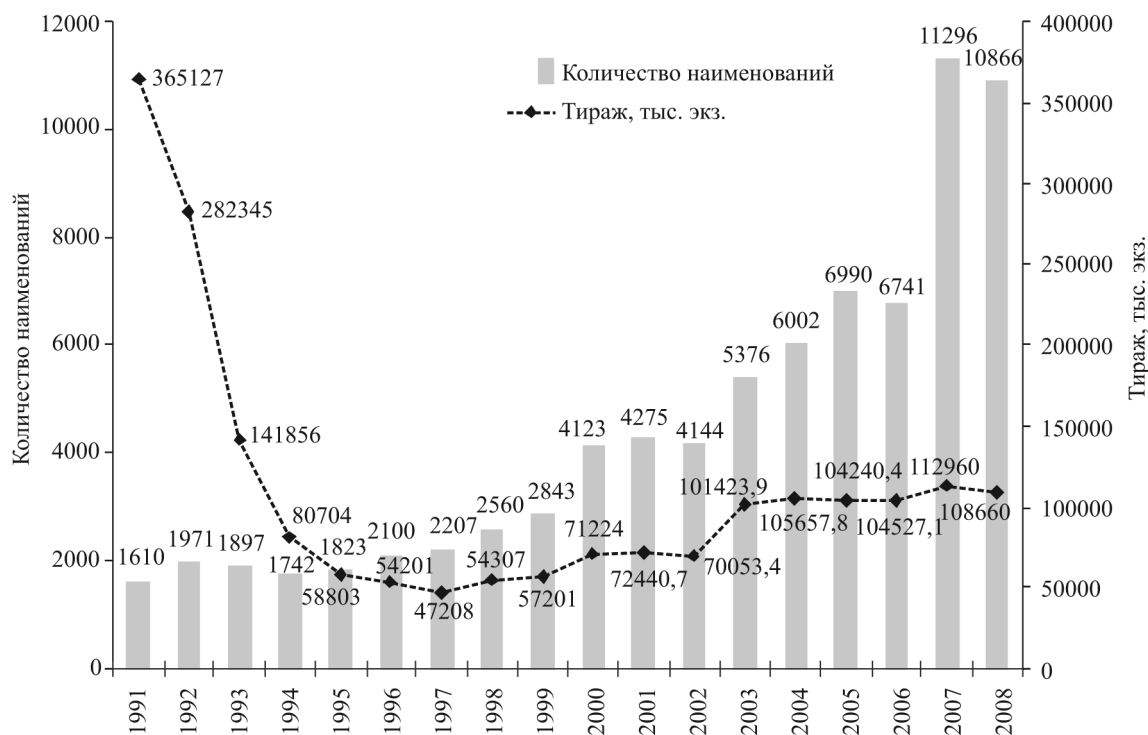

Рис. 1. Выпуск книг для детей и юношества в России в 1991–2009 гг.¹

издательской деятельности, и количество выпускаемых книг увеличилось с 2560 названий в 1998 г. – до 4123 в 2000-м г.»².

Рост тиражных показателей литературы для детей в начале первого десятилетия нового века (в 2000–2003 гг. средний тираж достигал 70 млн экз.) свидетельствовал о начальном этапе преодоления кризиса в области детского книгоиздания (см. рис. 1).

Динамика выпуска книг за Уралом в целом соответствовала общероссийским тенденциям: этап всплеска издания книг («энтузиазма и эйфории») в начале 1990-х гг. сменился падением всех основных показателей в середине последнего десятилетия XX в., а затем некоторой стабилизацией в начале «нулевых» и медленным неуверенным ростом к концу первого десятилетия XXI в.

В 1980-е гг. лидерами детского книгоиздания, вершиной книжного пространства сибирско-дальневосточного региона были государственные книжные издательства, имевшие за плечами опыт многих десятилетий в деле выпуска детской продукции. В постперестроечные годы издательскую среду региона наряду с «могиканами» стали формировать вновь созданные предприятия, число которых ежегодно росло. Например, в Омске только за 1992 г. на книжном рынке по-

явились следующие предприятия: информационное издательское агентство «Блик», малое научно-производственное предприятие «Хобби», предприятие «Гелиос», издательско-полиграфический комплекс «Омич», ООО «Движение». В 1993 г. появились другие частные издательства «Петрович и К», «Русь», в 1994 г. – «Рио», «Аверс», ИЦ «Диалог-Сибирь». Все они так или иначе включали в свой репертуар издания, рассчитанные на категорию юных читателей. И соотношение издающих организаций, различаемых по форме собственности, масштабам деятельности, специализации, читательскому назначению, по их вкладу в становление детского книжного пространства постепенно менялось.

Несмотря на бурный всплеск издательской активности коммерческих организаций, лидерами в сегменте детской литературы в начале 1990-х в Сибири и на Дальнем Востоке по-прежнему оставались государственные издательства. По сравнению со вновь созданными на этом этапе они обладали заметными преимуществами. В первую очередь профессиональным кадровым потенциалом (редакторы, переводчики, художники-оформители); с ними сотрудничали местные детские писатели и поэты; до поры до времени сохранялись связи с книготорговыми предприятиями. Книги для детей, изданные под их эгидой, отличались высоким литературным качеством, ярким многокрасочным художественно-техническим оформлением и полиграфическим исполнением. В частности, в 1991–1995 гг. на долю Новосибирского областного книжного издательства приходилось 26–

¹ Составлено по: Печать РФ в ...году: стат. сб. / Рос. кн. палата. М., 2001–2010.

² Накашидзе Р. Детское книгоиздание на пороге кризиса // Альянс Медиа [Электронный ресурс]. URL: www.allmedia.ru (дата обращения: 24.11.2001).

45 % издательской продукции для детей, выпущенной в области. 14,3–36,8 % наименований книг было выпущено на этой же территории Сибирским отделением Издательства «Детская литература». Меньшую часть детского книжного потока формировали издающие структуры других (негосударственных) форм собственности («Вен-Мер», «Гермес», «А. Ярушин», «Эя», «Алгим» и др.).

Выпуском детских книг в Иркутске занимались различные, в том числе и непрофильные издательства. Однако до конца 1990-х гг. лидером среди них оставалось Восточно-Сибирское книжное издательство (36 наименований, после 1997 г. издательство прекратило свое существование). В быстро набравшем силу и влияние в регионе Издательстве Г.П. Сапронова (основано в 2002 г.) за пять лет было издано 26 детских книг. Другие издательства, возникшие на волне перемен – «Папирус», «Символ», «Иркутские писатели», «Сибирская книга», «Вектор», за весь постсоветский период выпустили 1–5 изданий, что составляло ежегодно примерно 0,7–3,5 % от общего количества книг для детей, изданных в Иркутской области.

В данном контексте уместно привести мнение писателя В.И. Жигалкина, не раз говорившего на заседаниях писательской организации о том, что «детская литература выпускалась бы интенсивней, если бы существовало Восточно-Сибирское издательство, оно бы помогло решить многие сегодняшние проблемы»³.

Тем не менее в эти годы в регионе предпринимались попытки создания издательств, выпускающих литературу исключительно для детской аудитории. Таким «издательством-факелом», ярко вспыхнувшим на заре постсоветского периода, но просуществовавшим относительно недолго – с 1989 по 1996 г., стало дальневосточное издательство детской и юношеской литературы «Амур». За семь лет своего существования издательство выпустило в свет более 40 книг. Самым плодотворным для «Амура» оказался период с 1990 по 1993 г. За это время издано свыше 30 наименований книг тиражом от 25 тыс. до 300 тыс. экз. [4, с. 38]. Издательство осуществило ряд смелых, уникальных даже по нынешним временам проектов. В частности, дальневосточным издательством одним из первых в стране были опубликованы труды английского писателя Д. Толкина: «Хоббит туда и обратно» (в 4 т.) и «Властелин колец» (в 3 т.). Реализованы проекты публикации научно-популярной и научно-познавательной литературы для детей в сериях: «Фант: Книжка-минутка для любителей фантастики, приключений и детективов», «Мир чудес: Альманах фантастики для детей и взрослых». Однако самым замечательным стал проект издания книг, авторами которых были дети в возрасте от шести до шестнадцати лет практически со всей России. Проект сразу же прославил издательство «Амур» не только на всю страну, но и на весь мир, поскольку ничего подобного нигде до этого, да и после не издавалось. Однако мно-

гие из планируемых книг и книжных серий для детей издательство не смогло реализовать по не зависящим от него причинам.

Этап творческого подъема в издательской деятельности «Амура» закончился вместе с кризисами середины 1990-х гг. Взлет цен на бумагу, расходные материалы, типографские и транспортные услуги (книги для издательства печатались в типографиях всего сибирско-дальневосточного региона – Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане, Тынде, Иркутске, Новосибирске) негативным образом сказались на деятельности издательства и поставил под вопрос его дальнейшее существование. Хабаровское издательство «Амур» так и осталось единственным издательством за Уралом, специализирующимся на выпуске литературы для детей, подростков и юношества в постсоветские годы.

Подобная участь ждала и многие государственные издательства региона, являвшиеся до этого лидерами детского книгоиздания на территориях соответствующих краев и областей. Отсутствие государственных заказов, крушение налаженных торгово-экономических связей, неумение хозяйствовать в новых условиях, нежелание приспособиться к ним повлияли на судьбу многих издательств. Негативную роль сыграло и отсутствие информационных связей между издательствами даже соседних краев и областей, ведущее к дублированию одних и тех же авторов, затовариванию складов книжными остатками, в конечном итоге, к значительным убыткам. Так, в 1992 г. сказочную повесть А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» сотысячными тиражами одновременно издали Восточно-Сибирское и Красноярское книжные издательства. В том же году такими же тиражами другое красноярское издательство «Универс» и Новосибирское отделение Издательства «Детская литература» выпустили в свет книгу известной шведской писательницы А. Линдгрэн «Три повести о малыше и Карлсоне» [5, с. 36]. В 1993 г. научно-познавательное издание А.О. Ишиевой «История России в рассказах для детей» вышло и в Новосибирске, и в Иркутске.

Долгое отсутствие свободы в тематическом планировании у издательств и острая потребность в новых именах и жанрах привели к резкому изменению репертуара детских книг. Советская «количественная» модель формирования потока литературы для детей, сводившаяся к наращиванию регулирования числа названий и тиражей рекомендуемой и прошедшей цензурный контроль печатной продукции не отвечала реальным читательским потребностям. Она лишала подрастающее поколение возможности выбора и, в конечном итоге, вела к неудовлетворенному спросу, «книжному голоду». В начале 1990-х гг. ее сменила так называемая «качественная» модель книгоиздания, ориентированная на спрос различных категорий читателей [6, с. 60]. Однако, возникнув на волне реформ, качественная модель формирования детского репертуара просуществовала относительно недолго и была заменена на «рыночную» модель

³ ГАНО. Ф. Р-1597. Оп. 1. Д. 400. Л. 17.

книгоиздания, основанную на коммерческих механизмах регулирования отрасли (издается то, что несет прибыль).

При всех несовершенствах и недостатках «количественной» модели книгоиздания – завышенных тиражах, ориентации в первую очередь на «воспитывающие», идеологически выверенные книги, преобладании в структуре репертуара преимущественно литературно-художественных произведений (до 90 % по названиям и 94,8 % по тиражам) [7, с. 248], она активно и целенаправленно формировала читательские предпочтения детей, подростков и юношества. По мнению специалистов, возрастная структура издательского репертуара для детей по названиям была точно сбалансирована: на долю художественных произведений для дошкольников приходилось 31,3 %; для младших школьников – 26,6; для подростков – 28,9; для старшеклассников – 13,2 % [7, с. 249].

Во времена «качественной» модели диапазон книжного репертуара стал расширяться. Издательства помимо художественных произведений стали ориентироваться на выпуск справочной, познавательной, учебной, православной литературы, научно-популярных серий и энциклопедий. Стали происходить изменения соотношения между изданиями для детской читательской аудитории разных возрастов. Все меньше издавалось книг для подростков и юношества, намного больше – для младших школьников и дошкольников. Данные тенденции подтверждаются показателями динамики выпуска художественной литературы двух крупных издательских центров Сибири – Западной и Восточной – Новосибирска и Иркутска в 1991–1995 гг. (рис. 2).

Статистика свидетельствует, что литературно-художественные произведения на данном этапе трансформации продолжали доминировать в детском издательском репертуаре (свыше 90 % в общем объеме изданий). Вместе с тем выпуск изданий художественной литературы в эти годы стал быстро сокращаться – в 4 раза за два года. В Новосибирске количество изданных детских произведений с 34 наименований в 1992 г. снизилось до 8 в 1994 г., а в Ир-

кутске за аналогичный отрезок времени уменьшилось с 19 до 5 (см. рис. 2).

Книжное пространство Новосибирска и Иркутска насыщалось новыми художественными произведениями, чуть более 70 % из которых было адресовано детям дошкольного и школьного возраста, а менее 30 % – старшеклассникам. Активизировался выпуск книг для самых маленьких: стихов (10 %) и сказок (60 %) как советских классиков – представителей «золотого фонда» детской литературы, так и местных авторов – известных в Сибири поэтов и писателей: Ю.М. Магалифа, А.Я. Цукаря, В.И. Юделевича и др. Наряду с этим активно издается переводная литература: «Волшебные сказки» В. Гауфа, сказки братьев Гримм, «Приключения Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла, «Приключения барона Мюнхгаузена» Р.Э. Распе (Иркутск, 1992) [8].

Отличительной и яркой особенностью первого постсоветского этапа в развитии детского книгоиздания стало появление нового вида изданий – книжек-игрушек, адресованных самым маленьким читателям: «Кому лететь», «Мышки в саду», «Подари цветы», «Приключения Пифа», «Сон бегемота» (Новосибирск, 1992).

В репертуаре книг, учитывающих специфику интересов юного читателя, появляются новые жанры художественной литературы, остродефицитные в советский период: детские повести (13 %), романы (4 %), фантастика (6 %), стихи и рассказы (5 %) (см. рис. 2); кроме того, выпускались книги научно-познавательного, духовно-просветительского характера и др.

Еще одной отличительной особенностью детского репертуара Восточной и Западной Сибири стало авторское разнообразие. Из приведенных выше примеров видно, что в Новосибирске акцент делался на переиздание классической русской и зарубежной литературы (более 50 % названий), а иркутская книгоиздательская среда выделялась стремлением поддержать местных авторов (доля переизданной литературы здесь составляла в среднем 3,5 %).

Следует подчеркнуть, что Новосибирская писательская организация пыталась решить проблему с

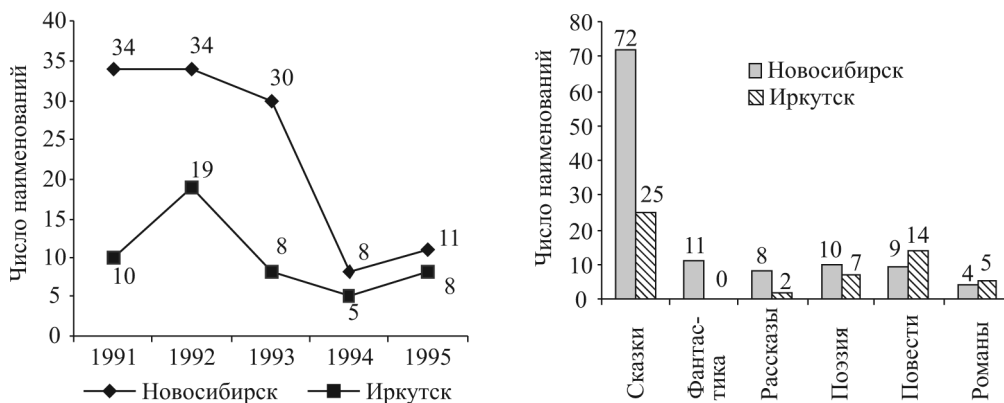

Рис. 2. Издание художественной литературы в Новосибирске и Иркутске в 1991–1995 гг. [7]

изданием местных авторов детских книг, обращаясь к Союзу писателей России, местным издательствам⁴. Однако ситуация из года в год не менялась: в 1993 г. вышло в свет всего три издания новосибирских писателей, в основном сказочников (С.М. Белоусов «Вдоль по радуге, или Приключения Печенюшкина», его же «Смертельная кастрюля, или Возращение Печенюшкина»; Ю.М. Магалиф «Приключения Жакони»), а в 1994 г. новосибирские авторы в числе изданных отсутствовали вовсе.

Начиная с 2000-х гг. издание детской книги в Иркутске и Новосибирске скатывается на стабильно низкий уровень (небольшие скачки наблюдались в 2000 г. – 9 изданий и в 2001 г. – 17). После 2003 г. в среднем выпускается 6 изданий в год. Жанровое разнообразие также не претерпевает особых изменений [9, с. 18].

Таким образом, первое постсоветское десятилетие отличалось кризисным развитием рынка детской книги. При этом ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке оказалась особенно противоречивой по сравнению с другими регионами. В большинстве издательств детская литература занимает единичные позиции, а специализированных издательств, работающих исключительно на рынке детской художественной и познавательной литературы, в огромном сибирско-дальневосточном регионе нет и сегодня.

В создавшихся условиях приобретают особую актуальность меры разработки государственного протекционизма в области детской книги и детского чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленский Б.В. «Человек читающий» – национальная ценность: печатная книга нуждается в защите // Современные проблемы детского чтения и книгоиздания для детей: наш взгляд. М.: Рос. кн. палата, 2003. С. 5–7.
2. Чуднова В.П. Детское чтение. Негативные последствия развития медиасреды // Дети и культура / отв. ред. Б.Ю. Сорочкин. М.: КомКнига, 2007. С. 131–145.
3. Яганова Е.Г., Дымов А.А. Детская литература в зеркале статистики // Библиография. 2001. № 6. С. 24–29.
4. Ремизовский В. «Амур»: история издательства детской и юношеской литературы // Печатный двор – Дальний Восток. 2009. № 9. С. 38–39.
5. Гареева И.В. Сибирская книга и рынок: издательское дело Сибири в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Книга в эпоху общественных трансформаций: этапы и итоги развития книжной культуры на востоке России в 60-е годы XX – начале XXI века: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2007. С. 19–52.
6. Волкова В.Н. Книгоиздание российских регионов в конце XX столетия (на материале Сибири и Дальнего Востока) // Книга: исследования и материалы. М., 2001. Сб. 78. С. 43–64.
7. Баханов Е.А. Детское чтение в России XXI века // Современные СМИ России: теория и практика: сб. науч. ст. / под общ. ред. С.В. Коновченко; науч. ред. М.Ф. Ненашева. М.: МГУП, 2010. С. 239–254.
8. Приглашаем в путешествие: путеводитель по книгам иркутских писателей для читателей среднего и старшего школьного возраста / сост. В.А. Копылов; худож. С. Григорьев. Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2001. 104 с.
9. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. М., 2011. 97 с.

Статья поступила
в редакцию 14.03.2013

УДК 021.13

Л.А. КОЖЕВНИКОВА

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИИ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИИ КАК ФАКТОР ПРОГРЕССА РОССИЙСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО СООБЩЕСТВА (подходы, методы, модели)

д-р пед. наук, проф.,
ГПНТБ СО РАН, Новосибирск
e-mail: onimr@spsl.nsc.ru

Статья посвящена природе и специфике научных школ библиографоведения и библиотековедения, определению их места в сохранении профессионального уровня библиотечной науки. Характеризуются методы исследования состояния когнитивных и социальных коммуникаций в данных науках, на базе которых осуществляется взаимодействие ученых.

Ключевые слова: научные школы, библиотековедение, библиографоведение, коммуникации, регионы, профессиональная печать.

Теоретическое осмысление перспектив развития библиотеки как социокультурного института в условиях современной российской действительности во многом зависит от институализации библио-

тековедческого знания и ассимиляции его с накопленным опытом.

Специфической формой институализации научного знания являются научные школы. Роль научных школ в процессе развития российского библиотековедения трудно переоценить. Они свидетельствуют об

⁴ Там же. Л. 41.

уровне знаний профессионального сообщества. Их существование является особенно важным в период перехода от онтологической проблематики, когда изучаются сущностные свойства, структура, закономерности специальных библиотековедческих дисциплин (фондоведения, обслуживания и т.д.), к гносеологии, предполагающей логико-методологический анализ структуры целостного библиотековедческого знания. Эти процессы, как правило, сопровождаются расширением методологического поля библиотековедческих исследований, изменением его границ – многие исследования проводятся в междисциплинарном пространстве, что предполагает постоянное общение ученых различных отраслей, связанных одной проблемой.

По мере того, как процесс производства научного знания выделяется в качестве самостоятельного в системе деятельности библиотечного специалиста, у профессионального сообщества возникает необходимость в организации новой стратегии научного поиска, что в свою очередь требует совершенствования понятийного аппарата, корректировки научных парадигм, выработки единого «стиля мышления».

Все эти проблемы помогает решать научная школа, задачи которой сводятся к анализу крупной научной проблемы, недоступной отдельным исследователям. Кроме того, научная школа – это база подготовки молодых ученых, формирования их профессиональной культуры. Следует отметить многообразие понятий «научная школа». Они рассматриваются то как исследовательский коллектив, причем не обязательно имеющий формальную принадлежность к какому-либо структурному подразделению (НИИ, университету, библиотеке); то как направление в науке, объединяющее интересы группы исследователей; то как интеллектуальная неформальная общность ученых разных статусов, выполняющих определенную исследовательскую программу.

В качестве примера неформальной общности ученых, разрабатывающих одно из направлений в библиотековедении, можно назвать представителей Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Краснодара, связанных общностью интересов в области *библиотечной экономики*.

В начале 1980-х гг. возникла и стала активно развиваться санкт-петербургская научная школа. Основной ее целью была проблема разработки статуса библиотечной экономики. Представители этой школы Ж.С. Шадрина, Е.В. Небогатикова, Н.В. Могиливер, Л.В. Куликова в своих работах с позиций экономических законов изучали отдельные проблемы сбалансированного развития библиотек и их структурных подразделений.

В 1990-е гг. в связи со сменой экономического строя и изменениями социума стала активно формироваться московская школа библиотечной экономики. Ее представители – И.К. Джерелиевская, А.И. Каптерев, В.К. Ключев, И.М. Сулова, Е.М. Ястребова – внесли значительный вклад в разработку фундаментальных

аспектов библиотечной экономики, ее связей с менеджментом и маркетингом.

Совокупность внешних и внутренних факторов, участвующих в создании социально-экономической среды производства и распределения библиотечных продуктов и услуг, исследовалась в работах представителей сибирской научной школы библиотековедения. Проведенные в ГПНТБ СО РАН в 1990-е – начале 2000-х гг. масштабные исследования, так или иначе касавшиеся определения места библиотеки в структуре базовых социально-экономических процессов территории, позволили очертить концептуальные рамки библиотечной экономики как особого исследовательского направления, дать исходную парадигмальную характеристику ее объекта и предмета, разработать систему терминов.

Следующий этап деятельности библиотечных специалистов, объединенных крупными научными направлениями, такими, например, как методологические проблемы экономики библиотечного дела – И.Н. Басамыгина (Краснодар), Ю.А. Горшков (Москва), Л.А. Кожевникова (Новосибирск), Е.А. Фенелонов (Москва) – получил развитие в первом десятилетии XXI в. В работах названных авторов дано новое теоретическое осмысление экономики библиотечной деятельности, расширено исследовательское поле библиотековедения в целом [1].

И наконец, в период трансформаций российского социума, для которого были характерны серьезные противоречия между обществом, личностью, культурными институтами и остро встал вопрос о том, из каких средств должны оплачиваться ресурсы библиотечного производства, если конечный продукт библиотеки – это по-прежнему социальное благо, исследователи обратились к проблемам совокупного библиотечного потенциала [2; 3] и месту библиотечной отрасли в контексте социокультурных и экономических процессов [4].

Можно привести и другие примеры научных коллективов, исследующих те или иные направления библиотечной деятельности. Смысл, однако, не в количестве примеров, а в том, какие концепции и парадигмы открывают наибольший спектр возможностей для развития теории библиотековедения в целом. Иными словами, чтобы понять закономерности развития библиотечного знания, необходимо подойти к этому явлению с позиций его включенности в общую систему науки. А это возможно лишь при исследовании такого социального феномена, как научная школа, объединяющая ученых для проведения исследований в междисциплинарном пространстве.

По уровню локализации научные школы могут быть национальными, региональными, локальными, личностными.

Крупнейшей научной школой *регионального библиотековедения* является сибирско-дальневосточная. Ее зарождение относится ко второй половине XX в., оно было связано с деятельностью региональных и зональных объединений библиотек, координацией их работы, прежде всего в области библиографии [5].

Изучая теорию и практику развития территориальных библиографических систем в контексте исторических, культурологических, социально-экономических исследований, сибирские и дальневосточные специалисты (А.Н. Маслова, Е.Б. Соболева и др.) определили общую основу этих систем, охарактеризовав их как специфическое явление культуры, а именно часть книжной культуры территории. Тем самым они определили место региональных библиографических систем среди социальных институтов современного общества, связанных с книгой и чтением.

Это было особенно важно, поскольку в конце 1950-х – начале 1960-х гг. решались задачи ускоренного социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, что потребовало совершенствования существующей структуры библиотечно-библиографических ресурсов этого огромного региона.

Становление сибирской школы регионального библиотековедения также относится к началу 1960-х гг., что было связано с появлением в регионе крупнейшего библиотечного учреждения – Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Академии наук СССР (в настоящее время ГПНТБ СО РАН).

Развитию отдельных направлений регионального библиотековедения способствовало также открытие вузов культуры – Восточно-Сибирского, Хабаровского, Кемеровского, Алтайского. Результаты исследований, проводимых в научных библиотеках и вузах, находили отражение на страницах региональных сборников, таких как «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока», «Вузы и библиотеки Западной Сибири: опыт развития» и др.

Организатором и руководителем первых коллективных исследований стала ГПНТБ СО РАН, а исходные теоретические посылки были заложены в статьях и монографии директора библиотеки Н.С. Карташова [6].

Однако по мере активизации региональных исследований библиотековеды все чаще приходили к выводу, что ни одно учреждение в отдельности не в состоянии выполнить весь объем работ. Необходимо было свести к минимуму распыление сил, ликвидировать дублирование в научной деятельности библиотечно-общества.

Активное развитие территориальных библиотечных связей происходило через совершенствование зональных библиотечных объединений, координацию деятельности научных и специальных библиотек [7; 8], а также через создание библиотечно-территориальных комплексов [9].

Разветвленная региональная система научных библиотек Сибири и Дальнего Востока оказала значительное влияние на развитие теории и практики библиотечного дела и библиографии.

Организация научных исследований в XXI в. носит принципиально иной характер [10]. Экономические и социокультурные условия развития российского общества в 1990-х гг. сложились таким образом, что

перестали существовать большие исследовательские коллективы, которые сложились в советском библиотековедении и библиографоведении. Каждая региональная школа отныне опирается на собственные силы и традиции (особенно это характерно для национальных научных школ), проводит отбор для изучения тех проблемы, которые представляются наиболее актуальными для них.

Вместе с тем, формальные и неформальные творческие контакты, межличностные коммуникации между отдельными исследовательскими коллективами не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие. Этому способствовало совершенствование организации научных школ, наличие развитой системы библиокоммуникаций, распространяющих научные знания в виде печатной и электронной продукции

В.А. Фокеев определяет библиокоммуникацию как относительно автономную подсистему в целостной системе движения социального знания [11, с. 172].

Научные коммуникации в библиотековедении позволяют осуществлять взаимодействие ученых не только друг с другом, но и с представителями других социальных групп, обществом в целом. Обмениваясь суждениями по поводу содержания научного знания, а также научной информацией, давая оценку их теоретической и практической значимости, библиотечное общество использует научные коммуникации для принятия или отклонения эмпирического и теоретического знания. Философы науки [12, с. 68, 394] выделяют два основных вида научных коммуникаций: когнитивные и социальные.

Когнитивные коммуникации имеют своей целью принятие общезначимого для участников познавательного процесса решения об истинности той или иной научной гипотезы, адекватной модели развития исследуемого явления, поскольку цели исследователей, их интересы могут не совпадать. Когнитивная коммуникация осуществляется в процессе обсуждения и рецензирования монографий, учебных пособий, статей на страницах профессиональных журналов, а также докладов на конференциях, дискуссий по их результатам, научных экспертиз. Когнитивная коммуникация представляет собой сложную структуру взаимодействия как между учеными отдельных научных сообществ (например отделов, лабораторий), так и между отдельными научными школами. Можно также говорить о когнитивных коммуникациях внутри отдельных научных дисциплин, междисциплинарных сообществ, профессии.

Обмен информацией по приоритетным аспектам институциональных, экономических, организационно-управленческих, кадровых проблем осуществляется в рамках социальных коммуникаций. Они проявляют себя как внутри научного сообщества, так и в процессе взаимодействия библиотековедения с различными институтами и подсистемами культуры [13].

Итак, попытаемся дать оценку вклада различного рода коммуникаций в общий базис формирования научных школ регионального библиотековедения.

Сборники научных трудов – анализ их материалов позволяет проследить становление регионального библиотековедения как социокультурной, экономической и профессиональной субкультуры, а также проанализировать деятельность научных школ в плане разработки теоретических концепций, методов, категориального аппарата. Поскольку сибирско-дальневосточная научная школа формировалась в основном на базе ГПНТБ СО РАН, имеет смысл проанализировать научные сборники ее трудов, тем более что все они носят межрегиональный характер. Анализ необходимо проводить по нескольким параметрам. Во-первых, с точки зрения методологической интерпретации полученных в ходе практической деятельности авторов статей результатов, что позволит проследить превращение эмпирических результатов в теоретические схемы регионального библиотековедения и библиографоведения. В свою очередь, это даст возможность увидеть, как осуществлялось восхождение от конкретного к абстрактному, как усложнялись методы исследования, появлялись новые элементы и уровни организации.

Во-вторых, анализ содержания научных сборников позволяет установить степень активности отдельных представителей научной школы в процессе формирования знаниевой конструкции отрасли.

В-третьих, анализ содержательного наполнения сборников дает возможность рассмотреть, какие новые научные направления появляются, разрабатываются участниками научной школы, имеет ли место преемственность, каково соотношение фундаментальных и прикладных знаний.

Огромную роль в развитии всех видов научных школ играют профессиональные *журналы*, – научные и научно-практические. Среди них можно назвать такие центральные журналы, как «Библиотековедение», «Библиография», «Вестник БАЕ» (Библиотечной ассоциации Евразии) и др., в которых могут публиковаться все представители библиотечного научного сообщества, и периодические издания, имеющие локальный характер. Сейчас их достаточно много, особенно престижными следует считать те, которые имеют статус «ваковских» научных журналов, например, издаваемый с 2005 г. ГПНТБ СО РАН научный журнал «Библиосфера».

В Сибирско-Дальневосточном регионе издается достаточно много локальных журналов, например «Вестник национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)», «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки», «Библиопанорама» (Якутия) и др. Все эти журналы имеют разное целевое назначение, по-разному наполняются материалами, однако анализ их публикаций позволяет утверждать, что они вносят определенный вклад в проблематику регионального библиотековедения и библиографоведения.

Вероятно, имеет смысл вернуться к проблеме исследования профессиональной периодической печати, – такие исследования активно проводились в начале 1970-х гг. в Ленинградском государственном институте культуры [14], но потом о них забыли. Между тем в данных исследованиях, наряду с историей и теори-

ей профессиональной периодической печати, а также анализом публикаций дискутировались и проблемы журнальной библиографии, в частности проблемы рецензирования.

Рецензии – это важнейший элемент когнитивных коммуникаций. Сегодня их появление на страницах профессиональной печати во многом носит случайный характер. Доля оцениваемых монографий, сборников и других изданий, оперативность появления рецензий – это проблемы, требующие специального анализа, что позволит не только разрабатывать рейтинговые оценки отдельных профессиональных журналов, но и оценивать научные школы по количеству и качеству выпущенных монографий, учебников и т.п.

Важную роль в оценке *кадров научных школ* играют такие формы, как аспирантура и соискательство. Определить эффективность подготовки научных кадров возможно через защищенные докторские и кандидатские диссертации, а вернее, через их авторефераты. Методика такого анализа дается в трудах А.Н. Ванеева [15] и В.С. Крейденко [16]. Подспорьем в этом может стать база данных, в которой найдут отражение список защищенных диссертаций (по годам) и сведения о научных руководителях.

И, наконец, характеристика социальных коммуникаций библиотечного научного сообщества может быть дана через анализ трудов конференций, которые с различной периодичностью проводятся крупными библиотеками и вузами региона, например, «Макушинские чтения» [17], «Книга и мировая культура» [18], «Юдинские чтения».

Слабое развитие получил жанр «научной биографии» представителей школ регионального библиотековедения и библиографоведения, а ведь именно они формировали теоретические основания, понятия и принципы научного знания.

Как правильно считает С.Н. Иконникова, «портретная галерея выдающихся деятелей культуры является частью исторической культурологии и позволяет более полно представить роль личности в развитии творческого потенциала культуры» [19, с. 6]. Модели исследования биографий ученых, представителей той или иной научной школы, были разработаны А.Л. Валевским [20]. В качестве составляющих модели он рекомендует хронологическую, профессиональную, интеллектуальную, психологическую, социокультурную компоненты. Используя их, мы восстанавливаем не только конкретные черты облика индивида, но и подчеркиваем роль биографии того или иного ученого как важного источника в историческом познании. К сожалению, этот источник еще слабо используется в изучении научных школ библиотековедения и библиографоведения.

Таким образом, основная цель научных школ – это их нацеленность на постоянный прирост знания, его новизну. По мере того как наука будет занимать все большее место в качестве самостоятельного направления деятельности библиотечного специалиста, значение научных школ будет возрастать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кожевникова Л.А.* Проблемы экономики библиотечного дела на современном этапе // Библиотечное дело – XXI век: науч.-практ. сб. М., 2010. Вып. 2(20). С. 170–184.
2. *Кожевникова Л.А.* Экономические ресурсы научных библиотек. М.: Либерея, 2006. – 190 с.
3. *Трескова П.П., Оганова О.А.* Этапы формирования и развития библиотечно-информационной системы Уральского отделения РАН // Библиосфера. 2011. № 3. С. 9–16.
4. *Волженина С.Ю.* Развитие библиотечной отрасли Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в период промышленного освоения региона (1960–1980 гг.) // Библиосфера. 2012. № 1. С. 51–53.
5. *Маслова А.Н.* Краеведение и библиотека: избр. ст. СПб.: Профессия, 2010. 368 с.
6. *Карташов Н.С.* Региональное библиотековедение: науч.-практ. пособие. М.: Либерея-Бибинформ, 2004. 224 с.
7. *Маслова А.Н.* Очерки истории сибирской библиографии: избранное. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. 244 с.
8. *Меньщикова С.П., Пайчадзе С.А.* Состояние разработанности проблемы взаимодействия библиотек Сибири и Дальнего Востока (1979–1988 годы) // Развитие библиотечного дела в Сибири и на Дальнем Востоке в советский период / ГПНТБ СО АН СССР. Новосибирск, 1988. С. 142–164.
9. *Карташов Н.С.* Формирование библиотечно-территориальных комплексов. Новосибирск, 1978. 240 с.
10. *Артемяева Е.Б., Кожевникова Л.А.* Роль Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в развитии библиотечного знания и науки // Вклад информационно-библиотечной системы НАР в развитие отечественного библиотековедения, информатики и книговедения. Новосибирск, 2011. С. 157–173.
11. *Фокеев В.А.* Библиография: теоретико-методологические основания: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2006. 352 с.
12. *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.
13. *Кожевникова Л.А.* Методология регионального библиотековедения: проблемы и перспективы / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2012. 144 с.
14. Библиография на страницах периодических изданий: сб. науч. тр. ГЗО. Л, 1976. 215 с.
15. О методологической базе библиотековедческих исследований // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера»): сб. науч. ст. / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2010. С. 7–14.
16. *Крейденко В.С.* Методы научного познания в авторефератах докторских диссертаций. Специальность 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение // Современное состояние методологии научных исследований в области библиотековедения (по материалам журнала «Библиосфера»): сб. науч. ст. / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2010. С. 14–26.
17. Девятые Макушинские чтения: материалы науч. конф. / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2012. 370 с.
18. Книга и мировая культура : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Вариант-Омск, 2010. – 404 с.
19. *Иконникова С.Н.* Биографика как часть исторической культурологии // Вестн. СПбГУКИ. 2012. № 2(11). С. 6–10.
20. *Валевский А.Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица: биограф. альманах. СПб., 1995. С. 93.

*Статья поступила
в редакцию 04.04.2013*

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39+930.85

М.С. ЛИТВИНЧУК

СУРГУТЯНЕ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА РУССКИХ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Сургутский государственный педагогический университет
e-mail: marylit@rambler.ru

Статья посвящена характеристике населения г. Сургута в XIX – начале XX в. как локальной этнографической группы русских. Формирование данной группы рассматривается с позиции теории фронта. На основании описаний современников выделяются антропологические, лингвистические и бытовые особенности сургутян; дается характеристика их образа жизни.

Ключевые слова: локальные этнографические группы русских, сибирский фронт, Обской Север, Сургут, сургутяне.

В этнической истории русских на всем ее протяжении адаптация к изменению природных и социокультурных условий стала фактором возникновения локальных, существенно отличающихся друг от друга сообществ. Анализируя вариативность русской культуры, авторы коллективной монографии «Русские: история и этнография» выделили северную, южную и центральную зоны в Европейской России, сибирскую и дальневосточную зоны за Уралом, среднеазиатскую зону; а также в качестве отдельных зон были обозначены области проживания казачества [1, с. 60–100]. Согласно существующим оценкам, в каждой из зон было несколько этнографических групп, имеющих отличия в языке, одежде, поведении и т.д.

Формирование этнографических групп русских за Уралом продуктивно рассматривать с позиции теории фронта, понимая под ним подвижную границу этнокультурного взаимодействия. В истории Сибири М.В. Шиловским было выделено три вида русского фронта, последовательно сменяющих друг друга: внешний (по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в «огораживающее поле» колонизации), внутренний (по отношению к народам, вошедшим в это поле) и внутрицивилизационный (между старожилами и новопереселенцами) [2, с. 101]. По мнению исследователя, своеобразие сибирского фронта определялось тем, что он являлся неким «оконтуриванием» территории, внутри которой происходили сложные этнические и культурные процессы.

Фронт является своего рода объяснением возникновения специфических этнографических групп русских в Сибири. Среди них – гураны (потомки русских и эвенков); кударинцы (потомки русских и бурят); карымы (потомки русских, эвенков и бурят); амгинцы, анадырцы, гижигинцы, камчадалы, колымчане (потомки от смешения русских с якутами, эвенками, юкагирами, коряками); русско-устыинцы или индигирцы (русские крестьяне и мещане в Якутии). Кроме того, необходимо упомянуть существование нескольких групп старообрядцев («каменщики», семейские, «поляки» и др.) и казаков, проживавших в разных регионах Сибири [1, с. 73–79; 3, с. 60]. Каждая из названных групп обладала серьезными отличиями, будучи включенной в общность «русский народ».

Многие локальные этнографические группы русских Сибири являлись объектами пристального изучения со стороны этнографов и историков на протяжении XIX–XX вв. Однако локальные группы Обского Севера, в частности сургутяне, до сих пор не привлекали внимания исследователей.

Начальный период формирования группы сургутян (на первом этапе фронта) охватывает период с 1594 г. по середину XVI в. Это было время первичного освоения региона русскими и начала взаимодействия с коренным населением. Основание Сургута как острога на месте разрушенной остяцкой крепости князя Бардака (Пардака) было типичным явлением в истории возникновения первых сибирских городов. Символически это должно было озна-

чать «перенятие» функций у местных правителей в деле сбора оброка, включение их подданных в число подданных России.

Первоначально население Сургута составляло 155 служилых людей, прибывших вместе с воеводой. Спустя два года его пополнили 112 казаков. По большей части это были выходцы из Поморья, Центральной России, а также служилые, присланные из других сибирских городков, прежде всего из Березова и Тобольска [4, с. 154]. Изначально численность инородческого населения Сургутского уезда (образованного в составе Тобольского разряда в 1594 г.) в несколько раз превышала количество русских.

По данным на 1625 г. «ясачных людей», проживавших в уезде, было 796 чел., к концу 1645 г. их насчитывалось 981 чел. (исключая женщин, детей, «холопов» и увечных) [5, с. 90]. Такое соотношение при небольшом количестве женщин и крайне неблагоприятных для земледелия природных условиях делало невозможным изолированное существование русского населения в границах уездного центра.

Следствием этого стал переход ко второму этапу фронта – взаимодействию между русскими и коренными жителями – остяками (в системе обозначений XVII в.) в рамках единой формирующейся локальной модели жизнедеятельности и экстремального природопользования.

Возможность смешения и интеграции осознавалась как социальная неизбежность. В связи с оценкой военно-политической ситуации на Севере середины XVII в. в царской грамоте сургутскому воеводе С.М. Лобанову-Ростовскому указывалось, что всех пленных следовало отпустить, однако с теми, кого успели окрестить, следовало поступить иначе: «мужчин поверстать в службу, женок и девок выдавать замуж за служилых людей, которые захотят жениться; малых ребят крещеных поверстать в службу, когда подрастут, а малых девок, когда подрастут, выдать замуж за крещеных людей, но чтоб никто не смел пленных вывозить на Русь под страхом смертной казни» [5, с. 89].

В XVII в. Сургут был одним из опорных пунктов в освоении сибирских территорий. Однако с продвижением русских дальше на восток и север роль города начала резко ослабевать. На протяжении XVIII в. он медленно, но неуклонно хирел, хотя численность его населения к середине века и выросла до 480 чел., а к началу XIX в. – до 532 [4, с. 154].

Сургут постепенно оказывался все дальше от магистральных путей Сибири. Он все меньше интересовал официальную власть и исследователей региона. Например, П.С. Паллас во время своего путешествия по северу Западной Сибири посетил Тобольск, Березов, Самаровский ям и Обдорск, но проехал мимо Сургута, только мельком упомянув о нем. В 1845 г. Сургут посетил М. Кастрен, который написал: «Решительно немного мест в Сибири, которые в эпоху завоевания ее играли бы такую важную роль, как отважный казацкий город Сургут. Тем грустнее теперешний вид его. От прежнего могущественного города осталось только

несколько жалких лачуг, беспорядочно разбросанных посреди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения, даже редко где есть стекла в окнах, а цельная оконница уже почти исключение. В последние десятилетия нищета Сургута дошла до того, что он не мог выплачивать даже и податей. Вследствие этого он утратил свои привилегии и утешается теперь только одним названием города» [6, с. 69]. Причем Сургутский уезд был единственным, где численность остяков, хотя и медленно, но увеличивалась.

В 1804 г. падение значимости Сургута было подтверждено официально – был упразднен Сургутский уезд Тобольской губернии, а его территория присоединена к Березовскому уезду. Восстановление статуса Сургута как столицы одноименного уезда в 1868 г. носило исключительно фискальный характер.

Специфика истории Сургутского края наложила отпечаток на формирование его населения. Сургутяне как особая группа описывались современниками на рубеже XIX–XX вв. По словам публициста и исследователя той эпохи А.А. Дунин-Горкавича, городское население Сургутского края составляли, главным образом, потомки казаков-завоевателей [7, с. 79]. Многие русские в Сургутском уезде, несмотря на восхождение своих корней к ермаковским казакам, были потомками смешанных русско-остяцких браков. Это подмечали авторы «Азиатской России»: «В Березовском и Сургутском уездах, Тобольской губернии, русские старожилы напоминают остяков своими скуластыми лицами и узким разрезом глаз» [8, с. 185]. Как писал П. Головачев, в Западной Сибири потомков от таких смешанных браков называли «кармыковатыми» [9, с. 193–194].

По данным С.П. Шевцова, смешанными в Сургуте были 5–10 семей (правда, при этом он оговаривается) – «по крайней мере, недавнего происхождения» [10, с. 4]. Им же была приведена характеристика внешнего облика сургутян: «Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорее медведя, чем представителя кавказской расы – вот физические особенности, свойственные всему населению. Черты лица сургутянина неправильны и резки, развитые скулы, широкий, некрасивый рот, узкие глаза без выражения, или, пожалуй, с выражением придурковатости... Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой, проворством и ловкостью, но зато крайне выносливы “двужилыны”, но народному выражению... Крестьяне по внешнему виду значительно разнятся от городских мешан-казачков: они много здоровее, как-то шире в кости, видна большая сила, лицо и вся фигура дышат мощью и энергией» [10, с. 6].

Помимо изменения в антропологическом типе произошли изменения и в языке: «Язык русских в северных поселениях Западной Сибири изменился: вместо ш они произносят с, вместо ж – з, а иногда наоборот – “узе наси присли”; некоторых затрудняет ч, другие не могут справиться с р и л (“тли любля”). От остяков эти русские заимствовали какое-то детское сюсюканье» [9, с. 194]. Изменения шли и в словарном составе, что было отмечено

Ф.К. Зобниным, который выделил заимствования в русском из татарского (*абыз* – крикун), вогульского (*аки* – отец), остяцкого (*мани* – младший брат); он также обратил внимание на коверканье русских слов (барышня – барышня, Андили-Архандили – ангелы и архангелы, но в значении «добрые духи, посылаемые Богом») и новообразования (*борноволок* – мальчик 7–11 лет, едущий на лошади, тянущей борону; *бусырь* – сердитый, *ветляность* – совокупность трех качеств: приветливость, обходительность, разговорчивость) [11].

Согласно наблюдениям Ф.К. Зобнина, у русских Сургута сформировались некоторые отличия в материальной культуре – прежде всего в жилище. Им было выделено два типа домов – небольшой пятистенный дом, разделенный на две половины капитальной стеной (жилое помещение и кухня), два смежных амбара и баня; большая пятистенная усадьба, отдельно стоящая кухня, хозяйственные постройки, но без бани. Кроме того, существовали дома на две семьи, с отдельным входом для каждой¹. При этом сами семьи в Сургуте были небольшими, поскольку женатые братья чаще всего жили отдельно от родителей и друг от друга. Факт существования достаточно больших жилых домов объясняется наличием подходящего строевого леса в непосредственной близости от города. Однако дома не были теплыми из-за отсутствия земляных накатов на полу и плохого устройства печей [10, с. 64].

Одежда сургутян почти не отличалась от одежды русских мещан из других городов Тобольской губернии, за исключением того, что «сургутянин совершенно не умеет одеваться и всегда ухитряется придать себе какой-то нелепый, уродливый вид» [10, с. 66]. При этом их зимняя одежда была полностью заимствована у остяков; причем современники отмечали, что носили ее по девять месяцев в году и не снимали даже в домах во время вечеров. Хотя, на взгляд постороннего, одежда сургутян и выглядела нелепо, однако она представляла собой оптимальный вариант адаптации к местным природным условиям.

На рубеже XIX–XX вв. пища сургутян по большей части состояла из рыбных блюд и еды, приготовленной на рыбьем жире. С большой охотой в Сургуте ели рыбу «с душком». Современники полагали, что делалось это из лени – «за свежей рыбой съездить не охота и гниющую вывозить лень» [10, с. 69]. Однако объяснения могли иметь и рациональную природу – речь шла о существовании среди сургутян представлений о расточительности как о грехе – ничего не должно быть выброшено, если есть возможность что-либо использовать.

Сургутяне, находясь в условиях относительной изолированности от других групп русских в доминирующем окружении остяков, отличались особым самосознанием. Им, по наблюдениям современников на рубеже XIX–XX вв., были присущи чувство былой зна-

чимости, обида за утрату прежнего величия и восприятие себя как обитателей осажденной крепости.

Одним из важных факторов самосознания обитателей Сургутского края были их представления о легендарных предках. Как указывают С.П. Шевцов и Ф.К. Зобнин, сургутяне называли в качестве предков казаков, «пришедших в Сибирь вместе с Ермаком и основавших Сургут для борьбы с непокорными остяками». Правда, С.П. Шевцов также указывал: «Некоторые же, в минуту откровенности и самобичевания, чаще всего после хорошей выпивки, прибавляют, что в числе их предков были не только добрые молодцы из вольницы Ермака, но и другие молодцы – бродяги, каторжники, с рваными ноздрями и клеймами, пригонявшиеся сюда из других крепостей Сибири» [10, с. 8]. О том же писал Д.Д. Лейвин: «Жители – ссыльнопоселенцы и потомки таковых, почти половина были казаками, остальные составляли два общества – крестьян и мещан. Встречались старики с рваными ноздрями, а также и с клеймами на щеках и лбу “К.А.Т.” (каторжник)» [12, с. 15–16].

При некоторой противопоставленности казаков, мещан и крестьян внутри города и уезда бытование легенд об общих предках делало группу сургутян вполне устойчивой. Дополнительно это единство обеспечивалось тем, что русские, ориентируясь на православие и традиционные формы обрядов и ритуалов, избежали полного растворения в превосходящем их по численности коренном этносе [13, с. 33].

Сургутяне воспринимались как этносоциальная реальность и на внутреннем, и на внешнем уровнях. Так, С.П. Шевцовым были отмечены особенности отношения к Сургуту самих горожан и жителей соседних округов. Последними Сургут воспринимался как «гиблое место», у которого только одно достоинство – «словкому человеку нажитье там легко». Отношение самих сургутян, по материалам исследователя, зависело от того, покидали они город или нет. Те, кто хотя бы однажды побывал в большом городе (Тобольске, Тюмени или Томске), относились к Сургуту с нескрываемым презрением, а на себя смотрели как на высший тип людей, по сравнению с земляками. При первой удобной возможности они готовы были покинуть родной город, чтобы уже никогда сюда не вернуться. Те же, кто никогда не бывал далее Березова (9/10 населения города), воспринимали Сургут почти как рай земной. Любое критическое высказывание о Сургуте они встречали крайне враждебно, а их патриотизм носил «заскорюзный и нетерпимый» характер [10, с. 10–11]. С точки зрения С.П. Шевцова, такое отношение к родному городу выглядело дико и нелепо, но именно оно объединяло сургутян в этнографическую группу, противопоставлявшую себя всем остальным.

Специфика сургутян, по мнению современников, ярко проявлялась в особенностях характера и поведения, что объяснялось, помимо прочих причин, спецификой их трудовой деятельности. По данным переписи 1897 г., из всего населения округа только 15 чел. (0,19 %) занимались земледелием и 17 (0,22 %) скотоводством. Следует упомянуть в связи с этим мнение

¹ Козлова В.Л., Коновалова Е.Н. Быт и нравы сургутского казачества в восприятии Ф.К. Зобнина. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi/kozlova-v.l.-konovalova-e.n.-byt-i-nravu> (дата обращения: 12.10.2012).

А.В. Ремнева, согласно которому в практике имперской администрации «господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря» [14, с. 57]. Исходя из этого, Сургутский уезд и Сургут не могли считаться по-настоящему русской землей, поэтому от населения требовались дополнительные усилия по обоснованию своей «русскости». Возможно, это стало одной из причин повышенного патриотизма, отмеченного С.П. Шевцовым.

Согласно данным переписи 1897 г., основными видами деятельности сургутян были: рыболовство – 6394 чел. (82,54 %), лесоводство – 448 чел. (5,78 %) и торговля – 185 чел. (2,39 %) [15, с. XLI]. В самом Сургуте соотношение оказалось примерно такое же, что было совсем нетипично для русских регионов. Несмотря на популярность торговли, в уезде не было ни одного гильдейского торговца, а ярмарка, на которую в Сургут приезжали инородцы, проводилась только раз в году – с 23 декабря по 15 января. Еще две ярмарки проходили в мае и июне в селах Юганское и Ларьятское.

Современниками отмечалось особое отношение сургутянина к труду – он работает ровно настолько, насколько это необходимо, «поэзия-же труда, наслаждение убиться на работе ему не доступны и чужды. Его идеал – возможно легкая жизнь, он больше стремится к торговле, хотя-бы она и доставляла ему меньше барышей, чем промысловый труд, например...» [10, с. 56]. Существовало представление, согласно которому, имея перед глазами примеры быстрого и легкого обогащения торговцев, сургутяне стремились повторить их успех, не тратя силы на повседневный труд. Именно это приводило к тому, что ремесленный труд в Сургуте не был распространен совершенно, несмотря на высокую его стоимость. Например, дома сургутяне сами не строили, предпочитая заплатить крестьянам из других округов Тобольской губернии.

Их отношение к труду было несколько презрительным, в отличие от остальных этнографических групп русских. Основным источником дохода местных жителей являлись разные виды промыслов (рыболовный, охотничий, лесозаготовительный и сбор орехов), которые требовали небольшого количества труда в течение нескольких летних недель, а большую часть зимы, весны и осени они бездействовали. Исключением была женская работа по дому и подворью, которой занимались в течение целого года – изготовление керамики, уход за домашними животными и т.д.

Духовная культура сургутян также имела свои особенности, но укладывалась в общую характеристику населения фронта. Современники отмечали ее низкий уровень и слабую религиозность русского населения [14, с. 173]. По поводу образованности сургутян существуют два противоположных свидетельства – С.П. Шевцов утверждал о почти полном отсутствии образования, особенно среди женщин; а Ф.К. Зобнин, напротив, писал о высоком уровне грамотности.

Если обратиться к данным всеобщей переписи населения 1897 г., то процент грамотности среди мужчин Сургута был самым высоким в округе (63,1 %), а среди

женщин – самым низким (18,34 %). В целом по округу грамотных было 9 % [15, с. XXVII–XXVIII].

Характеризуя религиозные представления сургутян, Ф.К. Зобнин отмечал, что большое значение придавалось ими обрядовой стороне веры – регулярно посещению церкви, соблюдению постов и т.д.² По мнению С.П. Шевцова, «для большинства сургутян решительно непонятна идея о едином Боге, они всегда смешивают всех угодников с самим Богом... Также мало понимают они и значение икон: для них Бог и икона – одно и то же... При дикости и нелепости своих религиозных понятий сургутянин вдобавок еще до крайности нетерпим во всех религиозных вопросах, и всякое мнение, не согласное с его взглядами, вызывает в нем злобу и раздражение» [10, с. 77].

Часто внешняя религиозность сургутян соседствовала с большим числом суеверий среди горожан, самым популярным из которых было представление о «суседко» – духе, присутствующем в доме и около него и причиняющем человеку различные неприятности, либо, наоборот, помогающем ему [10, с. 75; 13, с. 37–44].

По верованиям сургутян, «суседко» представляют собой злых ангелов, изгнанных на землю вместе с Сатанайлом, и делятся на три категории: «избна суседка», «скотска суседка» и «банна суседка», из которых последняя – наиболее страшная для человека. Леса и реки также были населены различными демоническими существами, самыми известными из которых были водяной и леший [13, с. 44–48]. Между людьми и нечистой силой существовали посредники – «еретики/еретицы», «чернокнижники» (только мужчины) и «вещицы» (только женщины), которые, помимо различных неприятностей, могли делать и добрые дела, как правило, в качестве благодарности за определенные поступки [13, с. 48–61]. Часто сургутяне обращались не только к знахаркам, но и к остяцким шаманам, что, впрочем, можно объяснить отсутствием квалифицированных врачей в городе. При этом, как отмечал И.Я. Неклепаев, у сургутян был страх перед остяцкими божествами, которые считались не просто идолами, а различными дьяволами, способными причинить вред и русскому человеку [13, с. 70].

В заключение следует подчеркнуть, что к рубежу XIX–XX вв. сургутяне сформировались в особую этнографическую группу. Причинами этого стали их относительно изолированное положение среди подавляющего большинства коренного населения, редкие контакты с другими группами русских, отсутствие земледельческих традиций и чувство несправедливости, вызванное утратой некогда ведущего положения в Западной Сибири. Среди характерных особенностей этой группы необходимо отметить антропологические и фенотипические черты (метисированный монголоидный облик); диалектные отличия и появление нового словаря; домини-

² Козлова В.Л., Коновалова Е.Н. Быт и нравы сургутского казачества в восприятии Ф.К. Зобнина. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi/kozlova-v.-l.-konovalova-e.-n.-byt-i-nravy> (дата обращения: 12.10.2012).

рование промыслового природопользования, некоторые особенности бытовой культуры и религиозных воззрений – в том числе переплетение православия с элементами славянского и аборигенного язычества.

На рубеже XIX–XX вв. сургутяне представляли собой одну из локальных групп русских северного фронта, которая сформировалась в экстремальных природно-климатических условиях, ориентировалась на посредническую торговлю и промыслы, была связана с городской преимущественно средой и обладала особым самосознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские: история и этнография / под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. 752 с.
2. Шиловский М.В. Фронт и переселения // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–118.
3. Народы России: атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. М., 2008. 256 с.
4. История населенных пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник / Е.А. Зайцева, В.П. Клоева, С.Н. Щербич. Ханты-Мансийск; М., 2012. 176 с.
5. Буцинский П.Н. Сургут и Сургутский уезд (1594–1625 гг.) // Буцинский П.Н. Соч.: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. 328 с.
6. Кастрен М.А. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). 352 с.
7. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. 372 с.
8. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1-й: Люди и порядки за Уралом. 314 с.
9. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд. М., 1905. 402 с.
10. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. [Б.м.], 1889. 87 с.
11. Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах, в двух первых д. чл. Паткановым, в трех последних чл.-сопр. Зобниным и приведенных в алфавитный порядок студ. И. СПб. унив. Николаевым // Живая старина. 1899. № 4. С. 487–518.
12. Лейвин Д.Д. Из воспоминаний. Быт политических ссыльных в г. Сургуте в 1870–1880-х гг. // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 13–33.
13. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Зап. Зап.-Сиб. отд. Импер. Русск. геогр. о-ва. 1903. Т. 30. С. 29–230.
14. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 196 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. LXXVIII: Тобольская губерния. 296 с.

Статья поступила
в редакцию 21.03.2013

УДК 398.3+930.85

Г.В. ЛЮБИМОВА

РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: terra-gl@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные способы противостояния стихийным бедствиям, бытовавшие у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивных и опубликованных данных, а также полевых материалов автора описываются меры, предпринимавшиеся крестьянской общиной для вызывания дождя, прекращения засухи, защиты урожая от грозы, града и пр. Особое внимание уделяется способам избавления от эпидемий и эпизоотий.

Ключевые слова: стихийные бедствия, религиозно-магические практики, русское крестьянство Сибири, аграрная культура, менталитет.

Традиционная аграрная культура русских крестьян просуществовала вплоть до 1930-х гг., т.е. до начала массовой коллективизации [1, с. 131]. В основе этой культуры лежало особое уважительное и заботливое отношение к земле, связанное с восприятием ее в качестве одной из основных стихий мироздания, символа женского плодоносящего начала, кормилицы и

прародительницы всего сущего [2, с. 315]. Тесная привязанность крестьянства к земле, принимавшая порой форму мистического поклонения ей, нашла отражение в обычаях и обрядах народного календаря, непосредственно связанных с подготовкой и проведением полевых работ. Не случайно важнейший земледельческий период от сева до жатвы в Сибири, как и в России в целом, обрамлялся обычаями катания по земле, символизировавшими обмен с нивой некой плодородной силой [3, с. 44–45].

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011.

Вместе с тем введенное в российский общественно-политический дискурс понятие «власть земли» с 1880-х гг. стало обозначением не только организующего, но и сдерживающего начала, ограничивающего развитие крестьянского хозяйства и процессов аграрной модернизации в целом.

Обращая внимание на всеобъемлющую зависимость крестьянина от ржаного поля, Глеб Успенский писал, что «он (земледелец) весь в кабале у... травинки зелененькой» [4, с. 119, 177]. Таким образом, метафора «власть земли», считает А.Г. Вишневский, явилась выражением главных устоев русского аграрного общества, обусловивших особый социально-психологический тип личности. К числу характерных особенностей такой личности автор относит растворенность в общине, низкую социальную мобильность, неприязнь к нововведениям, а также веру в незыблемость твердо установленных порядков [5, с. 19]. Недостаток средств и возможностей для приобщения к агротехническим новшествам был не единственной причиной, заставлявшей разоренное земельной реформой крестьянство держаться за опыт предков. Не отрицая значения экономических факторов, попробуем выявить иные, в том числе социально-психологические, основы длительной приверженности русских крестьян религиозно-магическим практикам в хозяйственно-бытовой сфере, включая случаи стихийных бедствий.

Аграрная культура сибирских крестьян отличалась значительным консерватизмом. Современники отмечали крайне настороженное отношение сибиряков к нововведениям. К примеру, волостной писарь Ф.В. Бузолин в «Очерке сельского хозяйства в Тюменском уезде» (1851 г.) к явным недостаткам крестьянских нравов относил «грубую недоверчивость» ко всему новому. Более того, «всякий новый способ, облегчавший работу», по его словам, считался у крестьян предосудительным, а в раскольничьих деревнях – еще и греховным. В основе подобных суждений, как сказано в описании, лежали библейские заповеди, согласно которым человек есть «существо, обреченное трудиться в поте лица». Именно поэтому в трудовой этике сибирских старообрядцев (Тобольской губ.) существовало стойкое убеждение, что «при уменьшении трудов в земледелии человек будет... недостоин уже того, чтобы Господь одождил его ниву»¹.

Переход к новым, рациональным способам полеводства затруднялся укоренившимися в сознании крестьян суевериями и предрассудками. В крестьянском хозяйстве с большим трудом прививались выработанные агрономической наукой рекомендации. Глубокий фатализм, выражавшийся сентенцией «на все воля Божья», пронизывал всю сферу хозяйственной жизни сибиряков. Так, относительно сортировки семян бытовало мнение: «Уж если Бог захочет поберечь, то чем хошь посеи, все уродится, а то – хоть по зернышку отбирай – толку не будет» [6]. В то же время большое значение в народной

агрономии придавалось выполнению разнообразных религиозно-магических предписаний, направленных на обеспечение хорошего урожая. Повсеместно в России, в том числе в Сибири, на второй и третий день Пасхи представители сельского духовенства ходили по домам освящать приготовленное для посева зерно [7, с. 159]. Для улучшения всхожести семян крестьяне использовали предметы с христианской символикой. Как сообщал Г.С. Виноградов (Иркутская губ.), «хозяйки... кладут (в посевные семена) яишну курушу (скорлупу), хлебные крошки от пасхального розговня и четвережный пепелок. К мешку или лукошку... привязывают мешочек с просвиркой... (и) вербой... (туда же) кладется свечка, с которой Христа погребали... пасошно яичко... (и) краюшка хлеба. Ковды отсеют... краюшку разламывают на мелкие кусочки и разбрасывают по засеянному полю. Так же поступают и с просвиркой»².

Исключительное значение в крестьянской среде придавалось погоде. Состояние природного окружения, определявшее будущий урожай (в том числе такие погодные явления, как дождь, град, буря и пр.), расценивалось в народе как выражение милости Божьей либо как знак кары Господней за соблюдение/нарушение установленных запретов и предписаний. Неустойчивый характер погодных условий Сибири, связанный с частыми засухами, наводнениями, ранними осенними и поздними весенними заморозками, а также регулярные эпидемии и эпизоотии, ежегодный всплеск которых приходился на летние месяцы, – все это предопределило наличие целой системы религиозно-магических мер, выработанных крестьянской общиной на случай того или иного бедствия.

Причины стихийных бедствий традиционно осмыслились крестьянами как наказание за грехи, связанные с несоблюдением религиозно-бытовых запретов и правил поведения. Наиболее частой причиной такого рода выступало нарушение запрета на работу в определенные даты народного календаря – так называемые «грозные праздники», главным из которых считался день «Ильи громоносного» (20 июля ст. ст.). Сибиряки верили, что именно по его воле бывают «проливные дожди, наводнения, засухи и безводья»³.

Характеризуя крестьянский менталитет как «смесь религиозного чувства, смутно понимаемой христианской морали... (и) суеверных предрассудков», А.А. Макаренко отмечал, что «рядовой крестьянин-сибиряк не решится косить или метать сено ни в «Ильинску пятницу», ни в «Ильин день»... чтобы не навлечь гнева Провидения и нареканий со стороны своих общественников» [7, с. 14].

Среди способов борьбы с засухой и другими ситуациями коллективного неблагополучия во второй половине XIX – начале XX в. преобладали христианизированные формы с участием священников, служением молебнов и организацией крестных ходов. В случае засухи, «несвоевременной стужи», а также «при по-

¹ Архив Русского географического общества (РГО). Разр. 61. Оп. 1. № 9. Л. 1 об.–3.

² Там же. Разр. 59. Оп. 1. № 17. Л. 34.

³ Там же. Разр. 55. Оп. 1. № 59. Л. 4.

жарах, неурожаях хлеба, скотских падежах и на людей разных болезнях» крестьяне совершали «молебны с водоосвящением вне селений, на скотских выгонах и пашнях» и обнесением икон «вкруг селений» (Томская губ.)⁴. Аналогичные меры принимались и при нашествиях насекомых-вредителей [8].

Забайкальские старообрядцы в таких случаях совершали восхождения к воздвигнутым на окрестных сопках деревянным крестам: «Девки нарядные и бабы на гору ко кресту ходили, распятье поднимали, образа несли». Желаемый результат достигался при непосредственном обращении к высшим сакральным силам – христианским святым, одним из которых молились «от засухи», другим – «от непогоды». Ср.: «Батюшка Илья, намочи наши поля», «Микола Чудотворец, утишь, угомони бурю...» и т.п. (ПМА, 1999, записано от А.П. Чистяковой, 1916 г.р., с. Десятниково, Тарбагатайский р-н, Республика Бурятия). Сами исполнители были глубоко убеждены в эффективности принимаемых мер («священник не успеет помолиться, как дождь пойдет»; «к вечеру, глядишь, тучи нагонит»; «назавтра гроза поднимается»).

Полное или частичное отсутствие христианской символики было характерно для ритуальных действий, направленных на прекращение грозы или града. Обычно для таких целей использовалась печная утварь: при первых признаках непогоды хозяйка бросала с крыльца во двор «что-нибудь из русской печки» – хлебную лопату, заслонку, помело, клюку, сковородник и пр. Такой способ защиты посевов от града, согласно полевым материалам, был распространен повсеместно. Как сообщила А.А. Коршениникова (1905 г.р.), «туча с градом еще идет, а у хорошей хозяйки все уже наготове – как выбросит в огород клюку, заслонку, лопату или помельник, так град и перестанет» (ПМА, 2000 г., п. Манжерок, Майминский р-н, Республика Алтай). Имевшие непосредственное отношение к стихии огня предметы печной утвари играли при этом роль «магических орудий в борьбе с небесной водой» [9, с. 59]. Ту же роль в аналогичных случаях играла икона «Неопалимая Купина» с изображенной в центре горящего куста Богородицей.

Наиболее архаичные детали обрядности зафиксированы в действиях, совершавшихся по случаю эпидемий и эпизоотий – повального мора людей и скота. В очерке П.Ф. Пирожкова описаны события, связанные с бушевавшей в 1892 г. в приобских селах холерой⁵. Указанный год характеризовался как «холерный» не только в Сибири, но и по всей России.

К примеру, Д.К. Зеленин писал о том, что белорусы-католики Виленской губернии «в холерный 1892 год... ткали холст, чтобы не допустить к себе холеру» [10, с. 195]. По данным В.А. Зверева, в Томской губернии с июля по декабрь 1892 г. эпидемией было охвачено 7 городов и 345 селений. Среди мер против морового «поветрия», практиковавшихся крестьянами Верхнего Приобья, автор упоминает «охоту на холеру». В селениях по ночам

раздавались выстрелы: мужчины охотились на холеру, которая представлялась им в образе страшной старухи или женщины с ведрами в руках [11, с. 147, 149].

В числе наиболее пострадавших от эпидемии оказался Барнаульский округ, в который входили и перечисленные П.Ф. Пирожковым селения (Сузун, Мыльниково, Малышево, Тараданово и др.). Заболевание распространялось молниеносно. «Мыльниковский житель Назарка Колтачихин, – читаем в очерке, – вернулся из извоза и привез из Томска-города страшную болезнь – холеру. Приехал и слег... (а) назавтра помер. А вслед за ним понесли на кладбище... покойников. Когда же (дело) дошло до сотни смертей, людей охватила паника. Сузунские обыватели, страдававшие в Мыльниково, бросили все и побежали домой»⁶.

Благодаря квалифицированным и своевременно принятым мерам окружного врача И. Казаринова, последствия холерной эпидемии в Сузунском заводе оказались не столь катастрофическими, как в д. Мыльниковой. Из 870 мыльниковских жителей с 10 августа по 31 сентября умерло более 100 чел. (или более 11 %). При этом в Сузуне, население которого составляло 3717 чел., умерло лишь 24 чел. (менее 1 %) [12, с. 174–175, 178].

Установлено, что в периоды социальных кризисов, когда на первый план выступают интересы коллективного целого, происходит усиление потребности в обращении к мифу, призванному восстановить прежний порядок и гарантировать его воспроизведение в будущем. Проявлением этой потребности может служить возрастание роли архетипических, традиционных мотивов поведения в ущерб рациональным [13, с. 8]. Другими словами, чем меньше у коллектива реальных возможностей противодействовать стрессовым (угрожающим жизни и благополучию) факторам, тем большее место «в общем поведенческом массиве жизнеобеспечения» занимают утилитарно «бессмысленные» и нецелесообразные «символические акции», «создающие иллюзию такого противодействия» [14, с. 61–71].

Судя по указанной рукописи П.Ф. Пирожкова, единственным островком, не затронутым болезнью, оказалась д. Зорино. Действиями зоринцев, собравшихся на сход к старосте, взялся руководить местный колдун Иван Гаврилович Сотников. Деревенские жители считали его «рассудительным и к тому же обладающим тайной знахарской силой». Именно он «решительно настоял» на том, чтобы сделать «обыденную» рубаху, особенность которой заключалась в том, что всю ее – «от обработки льна до последнего стежка» – следовало изготовить в течение одного дня. Описание П.Ф. Пирожкова передает атмосферу исключительной слаженности и эмоционального подъема, в которой совершался обряд. «Деревенские женщины, – как сказано в тексте, – старались превзойти себя. Летела конопляная костра изпод трепала, со звоном шипела железная щетя и тут же кудель попадала в руки прядильщиц. Свистели веретена, а кто-то уже гонял пустую сновалку, готовясь принять пряжу для основы. Кто-то тащил станины кросен

⁴ Там же. Разр. 62. Оп. 1. № 2. Л. 2.

⁵ Пирожков П.Ф. Обыденная рубаха: машинопись // Сузунский районный краеведческий музей.

⁶ Там же. Л. 1.

и остальные части ткацкого стана. К вечеру готовая рубаха на глазах любопытной детворы была повешена как пугало у ворот поскотины⁷.

Полевые материалы не только подтвердили приводимые в очерке сведения, но и позволили проследить бытование описанного обряда вплоть до 1930-х гг. Выяснилось, в частности, что доживший до глубокой старости Иван Гаврилович Сотников (как и его сын Лука Иванович) действительно считался в деревне «знающим» («знатком»). По словам А.Т. Сотниковой (1917 г.р.), во время «большого тифа», когда в деревне «поумирало много людей», было решено «в один день напресть, выткать и сшить рубашку... называлась обыденка, обыденна рубаха...». Делали такую рубаху 10–15 женщин: «Утром собрались, [целый день] лен пряли, ткали, шили», а к вечеру закончили (ПМА, 2000, д. Зорино, Сузунский р-н, Новосибирская обл.). Преимущественно женский состав исполнителей подобных обрядов, считает А.К. Байбурун, свидетельствует не только о том, что мы (вероятно) имеем дело с «женским» вариантом ритуального обновления и очищения мира, но и об особой «ответственности» женщин за такого рода несчастья [15, с. 150].

Ритуальные практики, связанные с изготовлением обыденных предметов, давно привлекали внимание исследователей. В посвященной «обыденным» полотноцам и храмам статье, впервые опубликованной в 1911 г., Д.К. Зеленин подчеркивал, что возникновение самой идеи «обыденности» с психологической точки зрения остается загадочным. В то же время скрупулезный анализ белорусского и западнорусского материала позволил ему прийти к выводу, что магические свойства обыденных предметов заключались в «безупречной чистоте», обусловленной способом их изготовления, исключавшим какой бы то ни было контакт с «нечистой силой». «Во все время своего производства», как писал автор, данный предмет «не сходил с живых рук человека», по этой причине считалось, что «нечистая сила отнюдь не могла сделать с ним чего бы то ни было» [10, с. 204–205, 212]. Наряду с признаком чистоты исключительное значение в данном случае имели полнота и завершенность самого процесса, а также его «спрессованность» во времени. Именно это, по мнению С.М. Толстой, сообщало продуктам труда «сакральность и магическую силу» [16, с. 282].

Характер мышления русских крестьян Сибири, оставшийся вплоть до начала XX в. в значительной степени традиционным, предопределял восприятие стихийных бедствий и других ситуаций коллективного неблагополучия как временный возврат к хаосу, требовавший немедленного восстановления прежнего хода жизни и миропорядка в целом. Мифоритуальный способ стабилизации нарушенного баланса достигался с помощью искусственного воссоздания ситуаций «первотворения», в том числе путем воспроизведения полного технологического цикла в одной из сфер человеческой деятельности, что хорошо видно на примере

обряда изготовления «обыденной новины». Мифологическое значение таких занятий, как прядение, ткачество и шитье, лежавших в основе изготовления «обыденных» предметов, наилучшим образом соответствовало задачам творения и упорядочивания космоса, а также ритуального обновления и очищения мира.

Вместе с тем регулярное воспроизведение обрядов и ритуалов, по всей видимости, помогало крестьянам преодолевать ощущение фатальной зависимости от природно-климатических факторов, создавая психологическую иллюзию активного воздействия на естественный ход природных процессов. Особенно наглядно это проявлялось в обрядовых действиях окказионального типа, цели которых формулировались в наиболее отчетливой и непосредственной форме: вызывание дождя, прекращение засухи, защита урожая от грозы, града и пр. Сюда же относятся традиционные способы противостояния повальному мору людей и скота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова И.В. Традиционное сельское хозяйство на Русском Севере // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 119–138.
2. Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.
3. Любимова Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск, 2012.
4. Успенский Г.И. Власть земли // Успенский Г.И. Собр. соч. в 9 т. М., 1956. Т. 5.
5. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
6. Зубрилин А.А. Чем обрабатывать землю и убирать урожай? М., 1924.
7. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб, 1913. Т. 36.
8. Любимова Г.В. Способы борьбы с засухой в традиционной обрядности русских крестьян Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 72–78.
9. Толстая С.М., Толстой Н.И. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 49–83.
10. Зеленин Д.К. Избранные труды по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 193–213.
11. Зверев В.А. Холерная эпидемия в Верхнем Приобье и жизнеохранительное поведение крестьян // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М., 1995. Ч. I. С. 147–150.
12. Казаринов И. Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе // Алтайский сборник. Томск, 1894. Т. I.
13. Ерохина Е.А. Традиционная культура перед лицом кризисов: способы проживания и противостояния времени // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2010. Ч. II, С. 7–11.
14. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983.
15. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993.
16. Толстая С.М. Обыденные предметы // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 281.

⁷ Там же. Л. 2.

УДК 391.7+745.04

М.В. МОСКВИНА

СТАТУСНЫЙ СИМВОЛИЗМ ТРАДИЦИОННЫХ ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: marg.moskvina@gmail.ru

Статья посвящена проблеме обозначения символики статуса традиционного комплекта женских украшений. На материалах тюркских народов Саяно-Алтая выстраивается схема маркирования социального и возрастного статуса женщины через различные комбинации украшений, подчеркивается их роль при ее переходе из одной возрастной группы в другую, а также при изменении семейного положения. Статусная символика украшений сохраняется в тюркских культурах Саяно-Алтая вплоть до современности.

Ключевые слова: традиционные женские украшения, Саяно-Алтай, тюрки, половозрастной символизм.

В культуре тюрков Саяно-Алтая украшения традиционно формировали образ женщины, вводя ее в сложную систему социальных и природных связей. Украшения были знаками, определяющими социально-возрастное положение владелицы; они участвовали во всех важнейших церемониях жизненного цикла. С помощью украшений фиксировался обрядовый переход из одной возрастной группы в другую и изменение социального положения.

Очень высоким знаковым уровнем отличались головные и нагрудные украшения женщины. Голова воспринималась как особая священная часть тела, в определенном смысле воплощающая самого человека, поэтому она обильно декорировалась. Среди традиционных женских головных украшений у тюрков Саяно-Алтая были распространены ушные и височные, а также украшения волос в различных вариациях.

Первостепенное значение для маркировки статуса женщины имели серьги. Их носили всю жизнь; менялись только формы, которые усложнялись от девичества к зрелости, а затем вновь упрощались к старости. Серьги являлись обязательной частью портретной характеристики женщины, выступая заместителем своей владелицы.

Девочкам бачатских телеутов сразу после рождения или на второй-третий день прокалывали уши обыкновенной иглой, смоченной в мильной воде. В отверстие продевали шелковую нить, которую ежедневно смачивали слюной и дергивали, чтобы мочка не зарастала. После полного заживления раны в уши продевались серьги. [1, с. 184–185]. Точно так поступали и другие народы тюркского круга, например тувинцы. По материалам Л.Э. Каруновской, мочки ушей у бачатских телеуток прокалывали «в первые весенние месяцы, когда реки разливаются и у черемухи наливаются почки, если ко времени появления на свет

ребенка черемуха успеет отцвести, операцию прокалывания откладывают до следующей весны, утверждают, что в противном случае у ребенка уши будут болеть» [2, с. 32].

Прежде телеуты могли прокалывать мочку правого уха у долгожданного, единственного сына, как для охраны, так и для введения в заблуждение злых духов, которые, как они полагали, были индифферентны к девочкам. Дополнительно, по мнению Д.А. Функа, происходило закрытие ушного отверстия - чтобы душу мальчика не могли украсть. Кроме того, использовалась защитная семантика металла [1, с. 184–185].

При переходе в возрастную категорию невест в комплексе девичьих украшений появлялись обильно декорированные серьги с многочисленными подвесками. В этом возрасте девушку называли *сыргалык/сыргалу*, что в тюркских языках значит «имеющая серьги», «с сергами» [3, с. 121].

В традиционной культуре тюрков Сибири были известны обряды дарения серег невесте, что обозначало смену статуса девушки. И в настоящее время можно наблюдать модификацию этого обычая при сватовстве или провах невесты. Так, в обрядовой практике хакасов было разрешено сватать детей заранее, примерно с пятилетнего возраста. Обычай «брака / свадьбы по чести» помимо прочего предполагал подарок коралловых серег маленькой девочке, которые сразу же вдевали ей в уши как знак «засватанности». Родители девочки принимали на себя обязательство выдать дочь замуж за оговоренного жениха при достижении брачного возраста [4, с. 180].

Взрослые замужние женщины саяно-алтайских тюрков носили серьги разнообразных типов, с охранительной и продуцирующей символикой. Хакасские женщины во время праздников к паре коралловых се-

рег надевали коралловые височные украшения, подчеркивая этим торжественность костюма [5, с. 126].

Вдовство, как специфический жизненный статус, маркировался переменной набора украшений. У батчатских телеутов, в частности, вдова не имела права носить серьги в течение года после смерти мужа [6, с. 155]. Хакасские вдовы также не должны были носить серьги в полном комплекте, как замужние женщины; им позволяли оставить на серьгах по одной–две коралловые бусины или носить одну полную серьгу [7, с. 235]. Отсутствие или упрощение серег, можно полагать, демонстрировало временную потерю репродуктивных возможностей женщины-вдовы, ее ритуальную смерть. Пожилые хакасские женщины также переставали носить массивные коралловые серьги; они вдевали в уши импровизированные сережки из пуха хвоста гуся или утки – «котек», которые обычно носили молодые девушки [8, с. 53]. Повсеместно в Южной Сибири пожилые женщины носили маленькие кольцеобразные сережки, также свойственные детскому возрасту [9, с. 78].

Женские традиционные украшения волос у тюрков Саяно-Алтая, как и серьги, обладали множеством значений, что было связано в основном с широким спектром сакрализованных представлений о волосах в традиционной культуре. Волосы были включены в мифоритуальную сферу, связанную с продолжительностью жизни, счастьем и «долей», считались особой субстанцией, сохраняющей и увеличивающей силы человека [9, с. 79]. Согласно мифоритуальной концепции жизни тюрков Саяно-Алтая, ребенок до трех лет (*бала*) в полном смысле не являлся «человеком». Изменение его положения происходило в ходе ритуала первой стрижки волос.

Первые косички хакасских девочек могли заплетать пуповиной – в качестве оберега [10, с. 256]. У теленгитов пуповины *киндик*, хранимые в кожаных мешочках, также могли вплетать девочкам в косички; затем, когда они подрастали, делалось украшение *шалтрак*, и мешочек прикрепляли к нему [11, с. 104]. Прежде детские украшения типа *шалтрак* были широко распространены у тюрков Саяно-Алтая.

Традиционный шалтрак теленгитов представлял собой небольшую прямоугольную пластину (обтянутую тканью), сплошь расшитую раковинками каури, мелкими белыми пуговицами, металлическими бляшками, с мешочком – *кин*, куда зашивали пуповину ребенка. Если ребенок был единственным в семье, то к пластине пришивали металлическое колечко. *Шалтрак* являлся наспинным украшением. Его носили до 11–12-летнего возраста дети обоего пола.

Из деталей *шалтрака* (пуговиц, раковин) по достижении 16 лет телеутским девочкам делали накосные украшения [11, с. 104]. Этот прием в конструировании девичьих украшений был, по всей видимости, известен и у алтайцев. В детский костюмный комплекс алтай-кижи входили наспинные украшения, которые впоследствии разбирались и использовались в конструировании накосников девочек на выданье. При

этом накосник приобретал более широкое поле значений, связанных с бережными практиками.

Накосники наиболее выразительно маркировали половую дифференциацию и социально-возрастной статус владелицы. Увеличение кос по мере приближения к свадьбе было основной тенденцией изменения прически в женской культуре кочевников Южной Сибири и шире – Центральной Азии. Хотя в описаниях И.Г. Гмелина и у С.П. Крашенинникова есть упоминания о том, что прическа засватанной тюльберской девушки состоит из четырех кос, в отличие от обычной девичьей, в которой заплетается до двадцати кос (цит. по: [1, с. 134]).

Включение девочки в активную хозяйственную среду как помощницы матери (7–8 лет) у хакасов отмечалось разделением волос на три сегмента – один затылочный и два височных, в каждом из которых плелись по три косички – *сурмес*. В это время в жизни девочки появлялось первое украшение – пушок из хвоста домашних птиц (уток, гусей). Переход в категорию невест обозначался наиболее существенным изменением украшений. Хакасским девочкам в возрасте 13–14 лет косички переплетались: на затылке – от 5 косичек, по вискам – от 5 до 9 косичек. В общей сложности число должно было быть нечетным. Повседневным накосным украшением становилась кисточка из шелковых нитей, иногда с раковинами каури, монетами, низками из бисера и бусин – *нинчиноос* или перламутровыми пуговицами – *танапоос*. В этот возрастной период также носили накосное украшение для соединения косичек на спине – *нанчи* (дословно – «наспинник») [10, с. 256–257].

Рассмотренные аксессуары были известны хакасам с давних времен. По материалам И.Г. Георги 1770-х гг., «телеутские женьщины» волосы заплетают в две, а иногда и больше косы, «которые украшают лентами, раковинами, кольцами или бряжушками. По большей части прицепляют девки к затылку украшение, шириною в ладонь, длиною пядени на две, покрытое корольками и сему подобным», а у тюльберов девушки носили косички, «которые, включая лицо, кругом всей головы висят» (10–20 шт. – по С.П. Крашенинникову, до 20 шт. – по И.Г. Гмелину, 20–30 шт. – по И.Г. Георги) (цит. по: [1, с. 186]).

Во время свадьбы у тюркских народов Саяно-Алтая девичий костюм традиционно менялся на женский. Распространенным девичьим украшением на Алтае были кисти из витых волосных шнурков с бисеринами или раковинами каури на концах – *чач пууш*. В день свадьбы к одному из жгутиков привязывали специфическое украшение *тана* – кружок в 1,5–3 см в диаметре из кости, рога, перламутра или фаянса с отверстием в центре. После свадьбы *чач пууш* не носили, а *тана* подвешивалось непосредственно к косе [12, с. 120].

В косы молодой женщине алтай-кижи вплетали накосники – шнуры, оканчивающиеся тяжелым украшением с нашитыми в два-три яруса раковинами каури, которые разделялись золотыми, серебряными, медными кольцами, подвесками из бисера или метал-

лическими пластинами. Накосники соединяли между собой шнурами и низками бисера.

У телеутов к косам женщины также привязывали большие перламутровые, костяные или фаянсовые плоские пуговицы с отверстиями – *тана* [13, с. 138–139]. У бачатских телеутов к косам могли прикреплять монеты царской чеканки или рубли и полтинники 1920-х гг. Очень редко встречались иностранные монеты, например в пять франков 1845 г. [1, с. 158]. Сагайцы и кызыльцы устраивали малый праздник по случаю заплетания волос на следующий день после привоза молодой в дом мужа. У качинцев этот обряд выполнялся собственно на свадьбе [4, с. 184]. Многочисленные косички *сурмес* девушки-невесты переплетались в две тугие косы *тулун*, которые положено было носить замужней женщине. От этого обряда происходило и название свадебного торжества – *сас той* – праздник волос. После него девушка считается уже несвободной. На самой свадьбе косы переплетаются и соединяются на груди двумя накосниками с кисточками и монетой, соединенными серебряной цепочкой или коралловыми бусами [11, с. 258].

Таким образом, у саяно-алтайских тюрков основным маркером замужества выступала прическа женщины из двух кос с подвесками, включая круглую перламутровую или костяную бляху *тана*, или заменяющую ее серебряную монету.

Дальнейшие изменения в структуре украшений женщины были связаны с рождением ребенка. Материнство означало переход женщины в следующий возрастной класс. Если хакасская молодая женщина не могла иметь детей, то она носила одну косу, независимо от того, замужем она или нет [11, с. 258]. Анализ широкого круга материалов показывает, что украшения волос в традиционной культуре тюрков Саяно-Алтая были связаны с материнством и возможностью продолжения рода. У пожилых женщин, перешагнувших рубеж деторождения, накосные украшения практически отсутствовали. В траурной прическе вдовы демонстрировалась инверсия: все украшения, соответствующие статусу замужней женщины, снимались. По полевым материалам, у телеутов вдовы снимали накосные украшения *тана* и после завершения траура заплетали косы прядями вниз, в отличие от замужних женщин, заплетавших их прядями вверх. На седьмой или сороковой день вдовы алтайцев заплетали косы и укладывали их вокруг головы, завязав концы на лбу. Точно так же убирали волосы умершей замужней женщины [6, с. 155].

Женскими украшениями, соответствующими детородному возрасту, у тюрков Саяно-Алтая являлись различные нагрудные украшения. Ритуал надевания такого украшения, как правило, сопровождал церемонию сватовства. У многих тюркских народов ожерелье было обязательным свадебным подарком. Известно, что у древних тюрков накануне брачной ночи на невесту надевали ожерелье *боуаг*, которое маркировало переход в другую социально-возрастную группу и свидетельствовало о том, что девушка уже несвободна [14, с. 121].

Нагрудные украшения, как полагают исследователи, имели глубокие традиции в кочевой тюркской культуре. Важное символическое значение женский нагрудник *пого* вплоть до современности играет в культуре хакасов. Включение его в свадебный костюм не случайно – нагрудник невесты связан с тем, что молодой паре желали иметь потомство. Раньше *пого* беременные женщины носили на уровне пояса, чтобы уберечь плод от дурного сглаза, сейчас его носят только на уровне груди¹.

Своеобразным вариантом съемных нагрудных украшений в телеутском костюме были украшения воротника и украшения грудного выреза платья – *тöйтөк*. Воротник представлял собой картонную или берестяную полосу, обшитую сукном и украшенную тесьмой, «золотой нитью» и *акча* – берестяными прямоугольниками, обшитыми золотыми или серебряными нитями. Нашивной *тöйтөк* был вытянутой вдоль груди формы, он состоял из двух симметрических половинок из бересты, обшитых сукном и декорированных золотым или серебряным галуном, парчой, тесьмой, пуговицами и *акча* [1, с. 148–149].

Одежда с воротом на Алтае выступала символом состоявшейся жизни женщины. Оформление ворота, вероятно, имело смысл оберега и пожелания счастья, которое виделось в детях и благополучии семьи². Хакасская мастерица под воротом рубахи пришивали с двух сторон по перламутровой пуговице *марха*, украшая каждую кораллами. При продаже платья их спарывали, чтобы не продать счастье. Если старую рубаху пускали на тряпье, то ворот отпарывали, чтобы освободить душу [15, с. 168]. Вдова у алтайцев до полугода или до нового замужества не носила на платье воротника [6, с. 155].

Украшения для рук у саяно-алтайских женщин появлялись в ансамбле украшений невесты и замужней женщины. Кольца и браслеты, конструктивно представляя собой круг, являлись универсальным символом соединения, залогом обладания партнером. Их присутствие закрепляло оформление новых семейно-родственных отношений. На Алтае парень дарил кольцо девушке, которую сам выбирал себе в невесты. Если девушка соглашалась на замужество, то она принимала подарок. У хакасов символом будущего брака выступал браслет [7, с. 173]. Характерным украшением замужней тувинки были браслеты *билектээи*, которые носили по одному, по два или по три и массивные перстни со щитком [16, с. 73]. Хакасская сваха украшала свои руки массивными литыми перстнями *чустук*.

¹ Нестерова Н. В. Пого – украшение и оберег хакасских женщин // Фестиваль «Открытый урок». URL: <http://festival.1september.ru/articles/504280> (дата обращения: 12.04.2009).

² Тадина Н.А. «Без ворота шубы не бывает, без зайсана народ не существует» (к вопросу интерпретации символики статуса у алтайцев). URL: http://www.eurasica.ru/articles/altaiian/na_tadina_bez_vorota_shuby_ne_byvaet_bez_zaysana_narod_ne_sushestvuet_k_voprosu_interpretatsii_simvoliki_statusa_u_altaitsev/ (дата обращения: 17.04.2009).

Одной из важнейших зон в мифологической анатомии человека был телесный центр – пуп (а в традиционном мировоззрении и пуповина – *кин*). Его оберегом и вещественным маркером служил пояс *кур/хур*. Ношение пояса считалось необходимым и достаточным указанием на принадлежность миру людей [17, с. 5]. Дополненный оружием пояс в кочевой среде был обязательным атрибутом мужчины и воина, его символом. Металлические украшения, акцентирующие пояс, были распространены в тюркской среде, особенно среди знати. Металлические бляхи *терги* делались из серебра, латуни или меди. Они были литыми и изготавливались местными кузнецами, причем мужские традиционно отличались от женских (их делали гладкими, без всякого орнамента, женские же обязательно орнаментировались, иногда весьма тщательно и сложно). Специальные поясные свадебные пряжки делали из серебра, их надевали вместе со свадебной шубой, а потом носили только по праздникам [18, с. 217].

Женские пояса украшались бляхами-пряжками. Алтайские женщины к подвесным бляхам *пель* привешивали мешочки с пуповинами детей – *кин*, по количеству и форме которых можно было узнать о количестве детей – мальчиков и девочек – у женщины: заостренные мешочки хранили пуповины мальчиков, а округлые – девочек. Этим поясу дополнительно придавались функции охраны и защиты жизни детей и семьи в целом [19, с. 43].

Таким образом, символизация пола и социального статуса обозначалась за счет усложнения девичьих украшений и появления специальных видов новых украшений, главным образом головных и нагрудных. Украшения на костюме невесты и замужней женщины воплощали идею плодородия как основного жизненного предназначения женщины. Схема маркирования половозрастного статуса девочки–девушки–женщины в общем виде выглядит следующим образом: недифференцированность украшений девочек, появление в украшениях девушек-подростков первых четких полодифференцирующих признаков (с сохранением черт как бы социальной неполноценности, «бесплодности украшений»), постепенное возрастание дифференцирующих признаков у девушек на выданье и невест, четкая половая маркированность украшений замужних женщин. В связи с выходом из фертильного возраста набор украшений упрощался и сводился к минимуму, наблюдалось возвращение к детскому («бесполому») варианту. Отсутствие в костюме женщины украшений означало ношение траура, ритуальную бесплодность и неспособность к продолжению рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993. 325 с.
2. Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // СМАЭ. Л., 1927. Т. 6. С. 19–36.
3. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX века: историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2001. 172 с.
4. Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренного населения народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 179–193.
5. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов: учеб. пособие. Абакан, 1998. 352 с.
6. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
7. Бутанаев В.Я. Хакасские украшения из серебра и кораллов // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб, 1992. С. 234–236.
8. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
9. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
10. Кидиекова И.К. Прически и украшения волос в комплексе обрядов перехода у хакасских женщин // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Шестых Сибирских чтений. СПб., 2005. С. 254–258.
11. Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии телеутов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001, 224 с.
12. Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: СМАЭ. Л.: Наука, 1988. Т. XLII. С. 105–128.
13. Москвина М.В., Павлова Е.Ю., Самушкина Е.В. Конкурс «Шанкы» на празднике Эл Ойын в Республике Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. Вып. 5: Материалы V регион. науч.-практ. конф. им. проф. А.П. Уманского. С. 136–140.
14. Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана, 2009. 188 с.
15. Шульбаева А. О своеобразии элементов хакасской одежды и украшений // Традиционная хакасская культура глазами учащейся молодежи: исследования Хакас. нац. гимназии-интерната им. Н.Ф. Катанова. Новосибирск, 2012. С. 165–169.
16. Михайлова Е.А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири: СМАЭ. СПб, 2005. Т. LI. С. 12–120.
17. Байбурун А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы: СМАЭ. СПб: Наука, 1992. Т. XLV. С. 5–13.
18. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
19. Потапов Л.П. Одежда алтайцев // СМАЭ. М.: Наука, 1951. Т. 13. С. 5–60.

Статья поступила
в редакцию 04.03.2013

УДК 39+746

И.В. ОКТЯБРЬСКАЯ¹, С.К. СУРАГАНОВ²

КАЗАХСКИЕ УЗОРНЫЕ ВОЙЛОКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ*

¹ д-р ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: siem406@yandex.ru

² Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан
e-mail: sersuraganov@mail.ru

В статье дается характеристика современного производства художественных войлоков казахов с позиций единства традиций и новаций. На основе полевых материалах выявляются основные тенденции в развитии этого ремесла в Казахстане и шире в границах казахской диаспоры Центральной Азии. Анализ состояния войлочного ковроделия в различных областях Казахстана, Алтая, Монголии, Западной Сибири позволяет говорить о переходе от домашнего производства войлоков с характерной локальной вариативностью форм, орнаментики и колорита к практикам художественных промыслов.

Ключевые слова: традиционная культура казахов, народное искусство, художественный войлок, приемы декорирования войлока.

Одним из древнейших изобретений скотоводов-кочевников Евразии является технология изготовления войлока. Первые образцы изделий из этого нетканого материала в макрорегионе относятся к V–IV вв. до н.э. К началу н.э. в пространстве кочевой ойкумены формируются вариативные способы декорирования войлоков. Возникшие в древности художественные приемы простегивания, наложения шнура, аппликации, инкрустации, вкатывания и по сей день используются в войлочном ковроделии Центральной и Средней Азии, Ближнего Востока и Северного Кавказа. Многообразием форм, орнаментики, колорита отличается искусство узорных войлоков казахского этноса, расселенного в пограничных с Казахстаном районах Западной Сибири, российского Горного Алтая, в Монголии и Китае.

Традиционно изготовление войлочных ковров входило в структуру жизнеобеспечения казахского аула. «Всеми родами выделки из шерсти и овечьих шкур занимаются женщины; – писал Б. Юзефович, обследовавший Тургайскую степь в 1880-е гг., – кроме того, киргизки (казашки. – Авт.) весьма искусно ткут небольшие коврики узкими полосами, для внутреннего украшения кибиток. В продажу коврики эти не идут. К числу женских работ должно причислить также вышивание по бархату и шелку – золотом, серебром и шелками. Это занятие, впрочем, почти исключительно киргизок богатых семейств» [1, с. 124–125]. Казахские мастерицы изготавливали войлоки для обустройства и оформления жилища; войлочные ковры использовались в ритуалах, были включены в структуру традиционного церемониального (в том числе свадебного) дарообмена.

Одной из ранних техник, которую использовали казахи, было вкатывание. Так изготавливались *текеметы* – однослойные большие ковры (2 x 4 м, 3 x 4 м) из белой или темной шерсти с впрессованными орнаментальными (ахроматическими или полихромными) композициями. Большой древностью и вариативностью отличались двуслойные простеганные войлоки – *сырмаки*. Традиционно они изготавливались в сложной, чаще всего комплексной, технике на основе простегивания – *сыру*.

Древнейшим среди казахских сырмаков являлась *кошма* – войлок, который декорируется фигурной стежкой. Большим разнообразием по композиции, мотивам и колориту отличались мозаичные (с аппликацией и инкрустацией) войлоки. Нередко мозаика в оформлении войлочных ковров сочеталась с узорами из нашитого на цветную основу плетеного шерстяного шнура.

В пределах Казахстана выделяют несколько ареалов распространения узорных войлоков. Это – Западный Казахстан, Северный, Центральный и Восточный Казахстан, Южный Казахстан, Сырдарья и Жетысу¹. В настоящее время изготовление традиционных войлочных ковров частично сохранилось в южном и западном регионах Республики Казахстан, среди казахов российского Горного Алтая, Монголии и Китая. Угасание данного вида домашнего производства в рамках основного этнического массива обусловлено рядом причин.

Производство войлоков требовало значительных запасов сырья, времени и немалых затрат труда. В традиционной культуре войлоковалье было связано с крупноотарным овцеводством, натуральным характе-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-21-17002 «Кочевники Центральной и Северной Азии: традиционные общества в условиях модернизации».

¹ Асанова Б.Е. Казахский художественный войлок как феномен кочевой культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2009. С. 16.

ром экономики, устойчивыми моделями жизнеобеспечения, возможностями семейной и аульной кооперации. Большое значение в сохранении традиций имел высокий престиж войлочных ковров в системе социальных коммуникаций кочевого общества. Трансформация социально-экономических моделей, культурных стандартов и ценностей казахского общества на протяжении XX в. предопределила изменение практик изготовления и потребления узорных войлоков.

Полевые авторские исследования на территории Казахстана, на Алтае и в Западной Сибири в 2010–2011 гг. показали, что в границах расселения казахского этноса традиции войлокования воспроизводятся в разной степени сохранности [2; 3; 4].

Среди казахов российского Горного Алтая, Монголии и Китая до настоящего времени обработка шерсти, изготовление войлоков и вышивка имеют характер домашнего (женского) производства. Хотя в последнее десятилетие повсеместно обозначилась тенденция становления промысловой кооперации и профессиональной специализации. Из общераспространенного вида домашних работ изготовление войлока стало превращаться в эксклюзивное ремесло. Например, среди казахов российского Горного Алтая техникой изготовления художественного текстиля сегодня владеют преимущественно казашки среднего и старшего возраста. Появилась категория мастериц, работающих на заказ, на продажу, создающих музейные и выставочные образцы. Они являются участницами региональных, республиканских и международных выставок и фестивалей. Узорные войлоки по-прежнему престижны, но все более приобретают характер символически значимых вещей.

В целом репертуар современных узорных войлоков казахов российского Горного Алтая, Монголии и Китая, так же как и казахов основного этнического массива, остается традиционным. Однако под влиянием социально-экономических трансформаций, ин этнических традиций и модернизированной массовой культуры меняются формы и художественные стандарты. Сокращается количество бытовой утвари из войлока. Лишь среди отдельных групп казахов Монголии и Китая сохраняется практика изготовления войлока для обустройства юрты.

Из войлочных постилочных ковров казахов повсеместно до настоящего времени бытуют текеметы, тосеккизы, сырмаки. Широко распространенные прежде текеметы среди казахов российского Горного Алтая к настоящему времени практически вышли из употребления, были исключены из состава приданого и превратились в семейные раритеты. В Монголии и Китае, а также в Западном Казахстане текеметы продолжают изготавливать, но в значительно меньших количествах.

Среди казахов российского Горного Алтая сохраняются стеганные войлоки *тосеккизы*, являющиеся обязательным элементом супружеской постели. Но в последние десятилетия модифицируется техника и стилистика их производства. Прежде тосеккииз казахов российского Горного Алтая представлял собой мат-

рас из черной и белой войлочных пластин, простеганных и обшитых по краю кумачом. Сегодня войлочная основа матраца зашивается в глухой чехол из дорогой ткани, украшенной вышивкой или тканевой аппликацией. Второй вариант – лицевая узорная поверхность тосеккииза пришивается к войлоку, при этом края тканевой поверхности и войлочной основы обшиваются контрастной тканью (атласом, велюром и т. д.) и проч. Такие изделия, но с иным наименованием – *тосексырмак* – известны казахам Китая и Монголии.

Тосексырмак казахов Китая также может представлять собой стеганое покрывало, украшающее супружескую постель; он имеет (подобно алтайским) как тканевую украшенную поверхность, так и войлочную, декорированную аппликациями и вышивкой. Для казахов Китая также характерен *сырмаккызай* – войлок, который оборачивают тканью, украшенной орнаментом [5, с. 23, 134–144].

Сырмаки остаются наиболее устойчивым видом узорных войлоков казахов российского Горного Алтая, Монголии и Китая. В XX в. из обихода казахов российского Горного Алтая исчезли *кестели сырмак* (вышитые сырмаки); в Монголии и Китае традиции их изготовления остается одной из самых распространенных. Сырмаки, выполненные в технике битпес – расшивкой шерстяным шнуром (*жиiek*), также стали большой редкостью, но еще сохраняются в домах и создаются наиболее опытными мастерицами российского Горного Алтая. В Западном Казахстане эта техника сохраняется в строгом соответствии с традицией – по белому войлочному полю делается расшивка красно-черным шнуром в виде роговидного орнамента [6, с. 350–351].

Одной из характерных особенностей современных узорных войлоков казахов основного этнического массива и диаспоры является распространение накладной аппликации (*бастырма*). Одновременно происходит расширение репертуара изделий за счет появления аппликационных ковров из ткани – сукна, вельвета и др. В их оформлении преобладают традиционные геометрические и роговидные орнаментальные мотивы.

В настоящее время повсеместно казахи изготавливают сырмаки прямоугольными, квадратными, круглыми, овальным. Круглые сырмаки, по мнению исследователей, появились в российском Горном Алтае в 1950–1960-е гг. [7, с. 62]. На протяжении нескольких десятилетий эта форма была интегрирована в повседневную культуру. Круглые сырмаки (до 2 м диаметром) сегодня широко используются в декорировании жилища. Они имеют одночастные концентрические композиции и отличаются крупными полихромными узорами².

Практически повсеместно современные казахские мастерицы делают небольшие круглые (1 м в диаметре) сырмаки – *маяуза* и *тизессырмак*. Коврики предназначаются для пожилых людей. Название *маяуза* связано, возможно, с их изготовлением из верблюжьей шерсти (мая –

² Совместные полевые материалы И.В. Октябрьской и С.К. Сураганова в 2010–2011 гг. (Республика Алтай и Карасукский р-н Новосибирской обл. Российской Федерации).

«верблюдица»), или с обычаем складывать войлочные ковры стопкой (мая – «стог»). Изготовление миниатюрных сырмаков связано с сохранением традиционного быта – домочадцы во время ритуальных трапез или отдыха сидят на разложенных на полу ковриках.

В последние годы наряду с круглыми сырмаками появились ковры овальной и квадратной формы (как подражание фабричным образцам), декорированные в традиционном стиле³. Но преобладающими среди войлоков казахов российского Горного Алтая, Китая и Монголии остаются все те же традиционные прямоугольные сырмаки. В Восточном Казахстане и у казахов российского Горного Алтая бытуют преимущественно средние (1 x 2 м, 1,20 x 2,50 м) сырмаки, отличающиеся ярким колоритом. У казахов Центрального и Западного, отчасти Южного Казахстана сырмаки имеют большие размеры (2 x 4, 3 x 5 м) и строгую цветовую гамму. У казахов Западного Казахстана в орнаментальной композиции преобладает вихревой мотив, который дополняется простежкой, инкрустацией, шнуровой вязью и аппликацией.

Современные сырмаки всех групп казахов отличаются полихромностью. Цветовое разнообразие приходит на смену традиционной для казахов гамме: *ак аласырмак* (бело-пестрый), *кызыл ала сырмак* (красно-пестрый сырмак), *кара ала сырмак* (черно-пестрый сырмак). В конце XX в. наиболее престижными среди казахов российского Горного Алтая стали ковры в желто-красно-зеленой гамме. Сырмаки начала XXI в. отличаются смелостью цветовых решений – сочетанием контрастных розовых, бирюзовых, оранжевых, голубых, фиолетовых и других тонов⁴.

Относительно сырмаков казахов российского Горного Алтая и Китая также можно говорить об изменении их орнаментального строя. По-прежнему популярными в ковроделии являются мотивы: *кусмурун* («птичий клюв»), *жылан басы* («голова змеи»), *кошкар муиз* («бараний рог»), *бес бас* («пять голов»), *туе табан* («подошва верблюда»), *журекише* («сердцевидный»). Различные вариации роговидного узора занимают доминирующее положение в репертуаре казахских ковровщиц Китая, при этом сохраняются различия на уровне родоплеменных групп: у кереев и найманов – орнаменты укороченные, рисунок мелкий; у уаков – рисунок крупный, орнамент удлинённый; у албанов – орнамент кустовой с роговидными отростками и т.д. [8, с. 23].

Орнаментальные композиции казахских сырмаков порой сменяются реалистичными изображениями. Такие формы еще в 1990-е гг. были характерны для настенных тканевых аппликационных гобеленов казахов Восточного Казахстана. Сегодня образы цветов, птиц, коней и оленей встречаются на настенных аппликационных коврах казахов российского Горного Алтая и, возможно, шире⁵.

Структуру сырмаков определяют замкнутые и открытые композиции. Ранее у казахов преобладали сырмаки с пятичастной композицией (*бес болиги бар*) с выделением: *орта* («середины»); *еки басы* «две головы», или *еки алаканы* («две ладони») – двух коротких бордюров; *еки жаны* («два бока») – двух длинных бордюров. Бордюры традиционно окаймляют центральное поле и часто представляют зеркальные варианты одного мотива со сменой позитива и негатива. В сырмаках казахов российского Горного Алтая, Китая и Монголии бордюры и центральное поле равноценны по композиции и размерам. Такие сырмаки были также характерны для Восточного Казахстана. В сырмаках Северного и Центрального Казахстана доминирует центральное поле.

Сравнение полевых авторских материалов 1990-х гг. с современными наблюдениями позволяет говорить о значительном увеличении в обиходе казахов числа сырмаков с одночастной открытой композицией при одновременном укрупнении узоров. Любопытным является воспроизведение композиции казахских пятичастных сырмаков с роговидным орнаментом в ворсовых коврах монгольской фабрики «ErdenetCarpet». Ее продукция пользуется спросом среди казахов пограничных районов российского Горного Алтая и за пределами этого региона⁶.

Активизация трансграничных контактов в рамках казахской диаспоры и основного этнического массива приводит к взаимообогащению и трансформации традиций. В пределах Республики Казахстан китайские и монгольские реэмигранты – так называемые оралманы порой инициируют возрождение традиционных ремесел. Так, известной мастерицей является жительница с. Майшукир Коргалжинского района Акмолинской области Азипа Шакикызы (1958 г.р., уроженка СУАР КНР), работающая с войлоком и вышивкой. Азипа-апай делает мозаичные сырмаки с сетчатой или ковровой композицией; ей известна аппликативная техника, когда на войлок нашиваются войлочные и тканевые узоры (техника бастырма) и вышивка по войлоку (кестели сырмак), уже забытая в других регионах. Этим искусством также владеют ее дочери и снохи⁷.

В разговоре с мастерицами большой семьи А. Шакикызы находит очередное подтверждение тезис, что «бытование этнографических реалий зависит не только от материальных условий производства, но и от избирательного санкционирования общества, наделяющего эти вещи качеством народных» [5, с. 189]. Народные мастерицы современного Казахстана, изготавливая узорные войлочные ковры в соответствии с обычаем, не только обустривают свое жилище, но и удовлетворяют потребность в самореализации, зани-

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Полевые материалы И.В. Октябрьской в 1994–1997 гг. (Восточно-Казахстанская обл. Республики Казахстан).

⁶ Совместные полевые материалы И.В. Октябрьской и С.К. Сураганова в 2010–2011 гг. (Республика Алтай и Карасукский р-н Новосибирской обл. Российской Федерации).

⁷ Полевые материалы С.К. Сураганова 2010–2011 гг. (Акмолинская обл. Республики Казахстан).

мая престижное место в системе общественных отношений⁸.

Творчество реэмигрантов из Китая и Монголии, основанное на устойчивости домашнего производства, как неотъемлемой части традиционной культуры жизнеобеспечения, в настоящее время также эволюционирует в сторону промысла. Традиционное искусство войлочного ковроделия сохраняется в Казахстане, однако появляются и иные формы, адекватные современной экономической и социокультурной ситуации в стране.

В первое десятилетие XXI в. в Республике Казахстан усилиями национальных культурных центров и международных общественных организаций при участии бизнес-структур был проведен ряд мероприятий, направленных на возрождение традиционных художественных ремесел кочевой ойкумены.

Начиная с 2006 г. в рамках программы «Развитие ремесел и возрождение народных художественных промыслов в Казахстане» было организовано повышение квалификации и развитие бизнес-навыков среди жителей республики; открыты два ресурсных центра ремесел в Южном и Восточном Казахстане; на местном и республиканском уровнях организованы выставки-ярмарки, проведены мастер-классы международных экспертов. Финансовую и организационную поддержку проекта осуществляли: USAID, корпорация «Шеврон», ЮНЕСКО, GSM Kazakhstan/KCell, Фонд Ержана Татишева, общественный фонд «OurHeritage» и Фонд Евразия Центральной Азии (ФЕЦА).

В 2008 г. в рамках двухгодичного регионального проекта «Новый шелковый путь» Британский совет организовал в Государственном музее искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева день открытых дверей – «Войлок своими руками». Британская художница Х. Бэлчер и казахстанская мастерица К. Жангутты провели мастер-класс по войлоковалению для всех желающих.

Благодаря усилиям энтузиастов и грантовой поддержке в регионах республики уже несколько лет проводятся семинары по обучению практикам изготовления войлочных изделий. Эти мероприятия направлены как на воссоздание древних кочевых традиций в новых условиях, так и на расширение сферы занятости населения республики, особенно сельских районов. Формируются условия для возникновения ремесленных центров в форме кооперации и кустарного производства с наличием мастерских и наемных рабочих. Примером возрождения традиции в таком виде может служить деятельность ИП «Қыпшақ» во главе с В. Жакупбековой в районном центре Коргалжин Акмолинской области Республики Казахстан⁹.

⁸ Полевые материалы И.В. Октябрьской в 1994–1997 гг. (Восточно-Казахстанская обл. Республики Казахстан); Совместные полевые материалы И.В. Октябрьской и С.К. Сураганова в 2010–2011 гг. (Республика Алтай и Карасукский р-н Новосибирской обл. Российской Федерации); Полевые материалы С.К. Сураганова 2010–2011 гг. (Акмолинская обл. Республики Казахстан).

⁹ Полевые материалы С.К. Сураганова 2010–2011 гг. (Акмолинская обл. Республики Казахстан).

Актуальной формой возрождения традиции войлоковаления в Казахстане становится производство авторских высокохудожественных изделий. Основателями современной школы художественного войлока в Казахстане являются супруги Бапановы и их ученики – Г. Джураева, А. Куантаева и др., успешно применяющие как традиционные, так и оригинальные техники. Благодаря их усилиям формируется новый жанр декоративно-прикладного искусства – войлочные панно¹⁰.

Казахстанская кампания «Aigul Line» во главе с А. Жансериковой успешно развивает технику текемета. Используя традиционную роговидную орнаментку казахов, мастера «Aigul Line» обогащают ее контрастными цветовыми решениями, петроглифическими мотивами и динамичной (нетрадиционной) диагональной композицией, что придает их изделиям особый колорит. Изделия «Aigul Line» пользуются большим спросом в Казахстане и за рубежом. В 2010 г. войлочная продукция под этой торговой маркой завоевала три сертификата «Знак качества ЮНЕСКО» среди ремесленников Центральной Азии.

Программа «Знак качества» была инициирована в 2001 г. Региональным Азиатско-Тихоокеанским Бюро ЮНЕСКО в Бангкоке совместно с АНРАДА – Ассоциацией в поддержку развития ремесел стран Юго-Восточной Азии. В 2004 г. она была распространена и на Центральную Азию. Согласно международным критериям, в изделиях «Aigul Line» присутствуют культурная аутентичность и инновационные особенности, используются экологически чистые материалы, соблюдаются справедливость и равенство в процессе производства¹¹.

Творческая группа «Women Art Дизайн», созданная на художественно-графическом факультете Западно-Казахстанского государственного университета и избравшая своим девизом: «Вековые традиции народа в современной эстетике» в своих войлочных коврах обращается к технике бастырма с расшивкой войлока декоративным шнуром¹². Эксперименты в авторском войлоковалении продолжаются.

Активизация деятельности по развитию народных промыслов привела к тому, что в 2009 г. в Казахстане был учрежден и стал ежегодным республиканский конкурс ремесленников «Шебер». В январе 2012 г. был дан старт его IV этапу¹³. Тогда же в январе 2012 г. мастера художественных промыслов и прикладного искусства

¹⁰ Сайт Союза художников Казахстана. URL: http://www.shrk.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=91%3A2012-04-03-15-52-01&catid=38%3A2012-04-03-15-45-19&Itemid=56&lang=ru (дата обращения: 21.01.2013).

¹¹ Aigul Line имеет наибольшее количество сертификатов «Знак качества ЮНЕСКО» // Aigul Line URL: <http://aigulline.kz/?p=388> (дата обращения: 21.01.2013).

¹² Women Art Дизайн. URL: http://www.womenart.kz/?page_id=293 (дата обращения: 21.01.2013).

¹³ Шебер. Развитие ремесел и возрождение народных художественных промыслов в Казахстане. URL: <http://www.sheber-craft.kz/?q=ru/node> (дата обращения: 21.01.2013).

объявили о своем решении создать Союз ремесленников Казахстана с целью возрождения и сохранения культурного наследия страны, повышения конкурентоспособности своих изделий на внутреннем и международном рынках¹⁴.

В настоящее время художественные промыслы казахов (включая узорное войлоковаление) в формате традиционных домашних и кустарных промыслов и авторских художественных разработок превратились в один из брендов Республики Казахстан. Опираясь на традиции и активно трансформируясь под влиянием запросов современного мира, они остаются важным маркером этнической идентичности и престижным символом национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области // Этнографические заметки. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 98–148.

2. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Узорные войлоки Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 109–117.

3. Октябрьская И.В., Сураганов С.К. Художественный войлок казахов Алтая. История и современность // Народы Евразии. Традиции и современность: материалы казахстанско-российского семинара. Астана, 2011. С. 99–103.

4. Октябрьская И.В., Сураганова З.К., Сураганов С.К. Традиционные узорные войлоки казахов и современное ковроделие // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2012. № 4. С. 189–199.

5. Ыскакызы А. Сырмак онери. Алматы: Алматыкітап, 2007. 232 с. (на казах. яз.)

6. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Соковрица Устюрта и Манкыстау. Алматы: Археология, 2007. 400 с.

7. Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая: (проблемы формирования этнической группы). Алма-Ата: Наука, 1986. 168 с.

8. Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 189–203.

Статья поступила
в редакцию 06.04.2013

УДК 394.014

Ю.Н. ЦЫРЯПКИНА

РУССКИЕ УЗБЕКИСТАНА: СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ г. АНГРЕНА)*

канд. ист. наук,
Алтайская государственная педагогическая академия,
г. Барнаул
e-mail: guzvenko@yandex.ru

В статье рассматриваются этнокультурные процессы в современном Узбекистане на примере Ангрена – одного из промышленных городов Ташкентской области. Объектом исследования является народонаселение Ангрена, а предметом – основные характеристики русскоязычной общины постсоветского периода и проблемы ее адаптации к общественно-политической жизни Узбекистана. В ходе анализа этой локальной группы автор делает вывод о том, что русскоязычное население, даже будучи меньшинством, продолжает играть заметную роль в социокультурной жизни городов Ташкентской области.

Ключевые слова: русские, русскоязычное население, татары, идентичность, титульное население, социокультурная среда, миграции.

В настоящее время в России растет интерес к соотечественникам в связи с правительственными программами по содействию их переселения на историческую родину. Русское и русскоязычное население стран СНГ все чаще становится объектом исследовательского интереса. В рамках решения проблем, связанных с оценкой его человеческого потенциала, представляет интерес русскоязычная община города угольщиков – Ангрена (Ташкентская область).

Специальных работ, посвященных этнокультурным процессам в городах постсоветского Узбекистана,

немного, несмотря на обилие публикаций, появившихся в 1990-е гг., о положении русского и русскоязычного населения в республиках бывшего СССР. В этих работах анализировался демографический потенциал русских вне России, этнополитическая ситуация в «странах выхода» и социально-культурный статус меньшинства.

Одной из первых к данной проблематике обратилась Н.П. Космарская, которая предложила рассматривать русскоязычное сообщество Центральной Азии не как диаспору, а как особое этносоциальное сообщество со схожим урбанистическим бытом [1; 2; 3]. В монографии о русских в Киргизии автор показывает, что у этой категории отсутствует представление о России как этнической родине. Выводы, к которым пришла Н.П. Космарская в результате полевых исследований в постсоветской Киргизии, могут быть использованы и для оценки ситуации в Узбекистане. Ее оценки

¹⁴ В Казахстане создан Союз ремесленников // Казахстанская правда. 2012. 24 янв.

*Исследование подготовлено в рамках проекта «Русские в Центральной Азии: особенности этнокультурных процессов в конце XX – начале XXI веков», поддержанного Президентским грантом МК-2516.2013.6.

перекликаются с идеями исследователя из Норвегии П. Колсто о том, что русскоязычное население оказалось вне пределов родины не из-за миграций, а в результате изменения границ, поэтому не может считаться диаспорой [4, р. 610].

В начале 2000-х гг. сформировался пул работ по проблемам русских в Центральной Азии, появилась необходимая историографическая основа для новых проектов. Примером является исследование американского политолога С. Радоница [5] о мотивации к переезду среди меньшинств, в первую очередь русскоязычных. По его мнению, политические изменения в постсоветском Узбекистане не являлись решающими факторами при мотивации переезда; в основе миграционных настроений лежали в основном экономические мотивы. В целом его выводы согласуются с оценкой идентичности русскоговорящего населения г. Ташкента, данной британским антропологом М. Флинн [6]. Указанные исследования подготовлены на основе интервьюирования населения без привлечения соответствующих статистических материалов.

Определенный задел в разработке данной проблематики имеется и у автора настоящей статьи. В монографии по межэтническому взаимодействию в постсоветском Восточном Казахстане обобщен широкий круг материалов, что позволило представить динамичную картину этносоциальных и этнокультурных изменений в приграничном регионе [7]. Эти исследования стали основой для пролонгации исследований в масштабах русскоязычного сообщества других стран СНГ, в том числе городских сообществ Узбекистана. В последние годы появляются работы антропологического характера, посвященные анализу городов Узбекистана, прежде всего г. Ташкента [8]. Однако этнокультурная ситуация в г. Ангрене анализируется впервые.

Ангрен находится примерно в 100 км от столицы Республики Узбекистан – г. Ташкента, в Ахан-Гаранской долине, на автомобильной трассе, связывающей Ташкент с городами Ферганской долины. Возникновение Ангрена связано с открытием в 1933 г. залежей бурого угля. Разведывательные работы в долине р. Ангрен начались в 1940 г., а через год уже открылся рудник «Ангренуголь», вокруг которого сформировался пос. Ангреншахтострой [9, с. 110–111]. В 1946 г. он был преобразован в город областного подчинения. Здесь были построены крупные промышленные объекты: угольные разрезы, резинотехнический комбинат, Ангренская государственная районная электростанция (ГРЭС), керамический комбинат, отделение Алмалыкского горно-металлургического комбината (АГМК), специализирующегося на добыче золота.

Основное население города составляли русские (русскоязычные) жители. Согласно данным последней советской переписи населения 1989 г., в Узбекистане узбеки составляли 71,4 %, русские – 8,3, татары – 2,4, татары крымские – 1,0, корейцы – 1,0, украинцы – 0,8, евреи – 0,3, немцы – 0,2 % [10, с. 348; 11, с. 54]. По официальным данным на 2006 г., в республике прожи-

вает 952 тыс. русских (примерно 3,4 % в составе населения)¹.

По данным на 1991 г., в Ангрене насчитывалось 132 тыс. чел.² – преимущественно русские, татары, крымские татары, немцы, корейцы, украинцы и т.д., занятые на промышленных предприятиях города. В городской черте расселялось преимущественно русскоязычное (полиэтническое по составу) население. В непосредственной близости от г. Ангрена располагалось несколько сельских населенных пунктов: узбекские кишлаки Джигиристан, Аблык, Гурам, таджикский кишлак Карабау (в настоящее время является частью города), поселок Геологов, а также Немецкий поселок³.

В 1990-е – первое десятилетие 2000-х гг. большинство предприятий г. Ангрена перестало функционировать, кроме ангреновского отделения АГМК и угольных разрезов, Ангреновской и Ново-Ангреновской ГРЭС. Ситуация, возникшая на градообразующих промышленных предприятиях, повлияла на этносоциальный состав городского населения и уровень жизни русскоязычных групп. Тотальная безработица, экономический кризис и этнополитические процессы в Узбекистане вызвали стремительный отток русскоязычного населения. На данный момент статистика миграционной убыли населения по г. Ангрену недоступна, но запустение многих окраинных кварталов является зримым тому подтверждением.

Основными жителями города становятся представители титульной нации – узбеки; увеличивается доля таджиков. По последним данным, население г. Ангрена составляет примерно 127 тыс. чел. По данным на 2005 г., согласно паспорта Русского культурного центра г. Ангрена, здесь проживало 24 тыс. русских (примерно 19 % от общего числа населения) и более 20 тыс. русскоязычных жителей (около 15 %)⁴. Всего в Ангрене проживало примерно 34 % русскоязычных жителей. Однако официальные данные о численности русскоязычного населения не являются достоверными.

В 1990–2000-е гг. в Ангрене была разрушена прежняя городская инфраструктура; нормой стало круглогодичное отсутствие отопления, внеплановые отключения электричества. Бытовые сложности накладывались на разрушение прежней структуры занятости населения⁵.

В связи с этим отмечалась рурализация городского пространства. Для населения близлежащих киш-

¹ Статистический ежегодник Узбекистана 2008. Ташкент, 2009. С. 47.

² Город Ангрен [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/252029> (дата обращения: 26.02.2013).

³ Немецкий поселок был создан в конце 1940-х гг. для расселения депортированных немцев, в настоящее время здесь проживает несколько смешанных немецких семьи.

⁴ Паспорт русского культурного центра г. Ангрена. [Материалы предоставлены Русским культурным центром г. Ташкента (июль 2011 г.)].

⁵ Ангрен: промышленный гигант Узбекистана пришел в упадок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1140593760> (дата обращения: 1.03.2013).

лаков домашнее хозяйство и скот стали надежным источником заработка, – соответственно, в ангренинских парках, на центральных улицах появились коровы, овцы и т.д. К 2000-м гг. в городе бурное развитие получила торговля. В 2007 г. в г. Ангрени в квартале 5/4 был построен Новый базар, торговля приобрела более упорядоченный характер.

В сложных социально-экономических условиях появляются новые социальные практики: предоставление товаров и услуг в долг до заработной платы, высокая степень доверия соседей друг к другу – все то, что характерно для соседской общины. Согласно данным интервью с *О., русской, 39 лет*: «На доверие даже у нас базар работает ... есть отдел, в котором продают парфюмерию и все остальное, галантерею, я могу прийти и взять то, что мне нравится, получить зарплату и отдать независимо от того, сколько времени пройдет»⁶. В такого рода практики включены все жители соседской общины независимо от этнической принадлежности.

Однако в ходе авторских полевых исследований никто из опрошенных 15 интервьюеров не упомянул о том, что в городскую среду переносятся сельские реалии и стихийная базарная торговля. Между русскоязычным населением и «новыми горожанами» отсутствует видимое напряжение, гораздо более проблемным является отъезд русскоязычных из Узбекистана.

Известно, что в ближайшее время в Ангрени произойдут важные перемены. В апреле 2012 г. президент И. Каримов подписал указ о создании в Ташкентской области специальной индустриальной зоны (СИЗ) «Ангрени», где находится единственная в стране станция добычи газа методом подземного пиролиза угля. Первые изменения заметны уже сегодня – увеличилась стоимость квартир, активно осваивается разрушенное жилье.

Одним из важных вопросов для настоящего и будущего г. Ангрени становится вопрос о русском языке. Несмотря на изменение состава населения, в социокультурной жизни Ангрени русский язык по-прежнему занимает прочные позиции. В настоящее время в Ангрени существует 5 школ, специализирующихся на смешанном обучении (русские и узбекские классы). Фактически школы с русским языком обучения находятся во всех районах города и удовлетворяют потребности всех желающих. По мнению экспертов, русскоязычные жители не испытывают какого-либо дискомфорта, поскольку русский язык широко распространен во всех сферах общественной жизни. Самой престижной в г. Ангрени является школа № 33 с русским языком обучения, здесь же находится Русский культурный центр (председатель Л.Ш. Ребеченко).

Материалы интервьюирования русскоязычного населения показывают, что попасть в русский класс школы № 33 для титульного населения чрезвычайно

трудно; многие стремятся устроить детей на обучение именно в эту школу. До сих пор обучение на русском языке является условием больших возможностей продвижения по карьерной лестнице и в Республике Узбекистан, и за ее пределами. Для титульного населения знание русского языка является в данный момент дополнительным ресурсом при трудовой миграции в Россию, а также залогом продвижения по административной лестнице на родине. Казалось бы, после мероприятий в области языкового строительства (перевод узбекской графики с кириллицы на латиницу в 2000-х гг.) позиции русского языка были подорваны, но в настоящее время русский язык переживает подъем после такого забвения даже в отдаленных городах Ташкентской области⁷.

В Представительстве Россотрудничества в Республике Узбекистан (структура МИД) сообщили, что представители элиты республики нуждаются в совершенствовании русского языка для организации эффективной работы. В г. Ташкенте в Русском культурном центре и Представительстве Россотрудничества функционируют курсы для подготовки учащихся местных колледжей с целью поступления в российский вузы на бюджетной основе. В 2011/12 учебном году Министерство образования и науки Российской Федерации выделило 297 мест по квоте для Республики Узбекистан⁸.

Спрос на курсы русского языка и российской истории огромный. Так, в 2011 г. Русский культурный центр отправил на обучение в г. Ковров в Технологическую академию 25 чел. Вместе с тем следует отметить, что популярность и распространенность русского языка не всегда означает его широкое бытование. Подрастает поколение, рожденное в 1990-е гг. и получившее среднее образование на государственном узбекском языке с сохранением русского как факультативного⁹. Следствием этого становится упрощенное использование русского языка и в бытовой сфере, и в средствах массовой информации.

Что касается русскоязычных жителей, то судьба их подрастающих детей неясна: им негде учиться. В Ангрени из средне-специальных учебных заведений остался лишь медицинский колледж, в котором имеется одна группа с русским языком обучения. Однако западные эксперты обращают внимание на то, что русскоязычные респонденты городов Узбекистана не связывают свои перспективы с этничностью [4, р. 274]. Полевые исследования автора в Ангрени подтверждают предположение о доминировании экономической мотивации русскоязычных горожан к переезду.

⁷ Справка по квотам на обучение в вузах России в 2011/12 учебном году, выделенных в целях поддержки соотечественников. [Материалы предоставлены представительством Россотрудничества в Узбекистане. 2012 г.].

⁸ *Абдуллаев Е.* Русский язык.

⁹ *Мухамедов М.* Куда теперь податься абитуриентам? Накануне вступительных экзаменов закрыт Ташкентский областной государственный педагогический институт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1310494980> (дата обращения: 26.02.2013).

⁶ *Абдуллаев Е.* Русский язык: жизнь после смерти. Язык, политика и общество в современном Узбекистане // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ab21.html> (дата обращения: 23.02.2013).

Кроме социально-экономических трудностей, русскоязычную общину беспокоит сокращение информационно-коммуникативного пространства. Приведем данные интервью: *Г.*, казанская татарка, 32 года: «Конечно, на сегодняшний день очень огорчает, даже если открытым текстом говорить и называть все своими именами, устрашает то, что идет отплыт русскоязычного населения, русские, татары, ну в общем, европейцы покидают Центральную Азию, к сожалению. Это, конечно, очень мучительно, больно... Те люди, с которыми я общалась на короткой ноге, те, с которыми у меня был тесный круг общения, с которыми были одни интересы, одни направления, одни взгляды, – все поужезжали, остались считанные...».

Частое обращение респондентов к «советскому» свидетельствует о привязанности их к прежней этно- и социокультурной обстановке. Например, *И.*, татарин, 38 лет: «Я вспоминаю Геолог, наших соседей с разных сторон, тетю Таю. Так хорошо мы жили, все дома были открытые. Сейчас проезжаешь по Геологу и видишь эти дувалы, аж тоскливо становится». Медленный отток соотечественников из г. Ангрена сопровождается сужением культурно-языкового пространства русскоязычной общины: отсутствуют русские ансамбли, центры или другие формы самодетельности.

В целом предпринятое исследование в г. Ангрена позволяет заключить, что русскоязычное население малых городов Ташкентской области находится в сложных социально-экономических условиях. Сокращение русскоязычного населения порождает коммуникативный дефицит, что в свою очередь влияет на выбор будущего места жительства и определяет миграционные установки соотечественников в Узбекистане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.
2. *Космарская Н.* «Мы все сейчас в одной лодке – и русские, и киргизы». Об этничности как факторе социального размежевания в постсоветских обществах // Неприкосновенный запас. 2009. № 66.
3. *Kosmarskaya N.* Russia and post-Soviet “Russian Diaspora”: Contrasting Visions, Conflicting Projects // Nationalism and Ethnic Politics. Routledge, 2011. P. 54–74.
4. Kosto Pal Territorialising Diaspora: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium – Journal of International Studies. 1999. Vol. 28, N 3. P. 610; Kosto Pal Russians in the Former Soviet Republics with contribution by Andrei Edemsky. L.: HURST & COMPANY, 1995.
5. Radnitz Scott Weighing the Political and Economic Motivation for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan // Europa-Asia Studies. 2006. Vol. 58, N 5. P. 653–677.
6. *Flynn Moya* Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. Vol. 35. N 2. 2007. March. P. 267–288.
7. *Гужвенко Ю.Н.* Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е – начале 2000-х годов. М., 2009. 199 с.
8. *Kosmarski A.* Grandeur and Decay of the «Soviet Byzantium»: Space, Peoples and Memories of Tashkent, Uzbekistan // Urban Space after Socialism: ethnographies of Public Places in Eurasian Cities / ed. by Tsypylma Darieva, Wolfgang Kaschuba, Melanie Krebs. Frankfurt; New York, 2011. P. 33–56.
9. История новых городов Узбекистана. Ташкентская область. Ташкент, 1976.
10. *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001. С. 348.
11. *Ата-Мирзаев О., Гентике В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Изд-во мед. лит-ры им. Абу Али Ибн Сино, 1998.

Статья поступила
в редакцию 02.04.2013

УДК 39.314.7

Е.В. КИМ

КОРЕЙЦЫ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ И СТРАТЕГИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
kimkatya@list.ru

Рубеж XX и XXI вв. ознаменован актуализацией отношений между диаспорой, принимающим обществом и страной исхода. В данной статье рассматриваются особенности такого взаимодействия на примере корейского сообщества России. Корейцы имеют давние практики транснациональных диаспоральных отношений; они в течение длительного времени пребывают в России; а в последние десятилетия корейское сообщество России активно включаются в практики Республики Корея (РК) по отношению к зарубежным соотечественникам. Стратегии их транснационального взаимодействия с государством исхода имеют ряд особенностей, рассмотренных в данной статье.

Ключевые слова: российские корейцы, миграция, адаптация, диаспора, транснациональное взаимодействие, межэтнические отношения, традиционная культура.

Переселение корейцев на территорию современной России началось в XVIII–XIX вв. Массовая миграция происходила с конца XIX в. К 1937 г. на Дальнем Востоке проживало более 167 тыс. корейцев [1, с. 120]. Первыми переселенцами были крестьяне. В годы Второй мировой войны была предпринята их депортация из пограничных районов Приморского края в Среднюю Азию [2, с. 120]. Особый сегмент корейской миграции составляли рабочие, в начале XX в. насильственно вывезенные с Корейского полуострова на о. Сахалин в период аннексии Кореи Японской империей. Эта группа корейцев вплоть до 1970-х гг. имела статус апатридов и долгое время не имела права выезжать из мест поселения. До 1950-х гг. корейцы проживали в местах ссылки. С момента ликвидации режима спецпоселения многие корейцы начали расселяться по территории СССР. Начиная с 1960–1970 гг. корейцы стали активно переселяться в Сибирь. Их численность в регионе стала расти. Миграционный поток активизировался в конце 1980-х гг. Местами исхода стали два основных центра компактного расселения корейцев в СССР: о. Сахалин и среднеазиатские республики.

Советские корейцы послевоенного поколения, имея корни в малых провинциальных городах, рассматривали переезд в города Сибири и в том числе в г. Новосибирск с точки зрения новых возможностей карьерного и личностного роста.

По данным Всероссийской переписи населения за 2010 г., в Новосибирской области проживало свыше 3 тыс. корейцев¹. Будучи включенными в локальное сибирское сообщество, корейцы играли в нем заметную роль: входили во властные структуры г. Новосибирска, в научную и предпринимательскую элиту.

В ходе миграции в их среде появилась тенденция к объединению. Уже к концу 1990-х гг. в г. Новосибирске действовало несколько корейских организаций; в 1998 г. они объединились под руководством Национально-культурной автономии (НКА) корейцев Новосибирской области. На протяжении 15 лет своего существования НКА ориентировалась на консолидацию корейского этнического сообщества, поддерживала программы сохранения языка и традиционной культуры, занималась политико-правовыми вопросами. На сегодняшний день она проводит различные культурные мероприятия, а также активно участвует в акциях по гармонизации межэтнических отношений. Наиболее заметным проектом НКА корейцев НСО является празднование восточного Нового года, которое ежегодно собирает около 300–400 гостей.

Создание НКА корейцев является формой институализации отношений между этническим сообществом и государством. При этом корейское сообщество включено в сложную систему взаимоотношений, акторами которых выступают: НКА, представляющая ин-

тересы корейцев (диаспора), принимающее общество и историческая Родина (или страна исхода).

Следует, однако, учитывать, что на протяжении нескольких десятилетий корейцы СССР не имели возможности контактировать со страной исхода, в особенности это касается среднеазиатских корейцев. И к концу XX в. сложилось не одно поколение корейцев, для которых понятие исторической родины носило расплывчатый характер. Ситуация усложнилась в связи с изменением геополитической ситуации в ходе разделения Кореи на Северную (Корейская народно-демократическая республика, КНДР) и Южную (Республика Корея, РК). Это произошло в 1948 г. после поражения Японии, до этого правившей Кореей, во Второй мировой войне.

Во второй половине XX в. КНДР предпринимала попытки агитации к репатриации сахалинских корейцев. Однако в связи с происхождением большинства из них из южных провинций Корейского полуострова они в массе своей предпочли остаться в СССР. К концу XX в. КНДР отказалась от активной политики по отношению к зарубежным соотечественникам в связи с экономическими трудностями и политической закрытостью страны.

Но, начиная с конца 1980-х гг., в мировом геополитическом и экономическом пространстве стало заметным присутствие Республики Корея, которая выстраивала особую стратегию взаимодействия с зарубежными соотечественниками по всему миру. В условиях глобализации в 1990-х гг. правительство РК обозначило значимость диаспоры как дополнительного инструмента международного сотрудничества и влияния.

Диаспоральная политика РК началась в условиях противоборства с КНДР и была ориентирована на ограничение въезда корейцев СССР в северную зону². В 1960–1970-е гг. политика ограничений по отношению к зарубежным корейцам сменилась поощрением трудовой миграции с целью стабилизации внутреннего рынка труда, а также привлечения иностранного капитала³. Следующий этап развития диаспоральной политики РК в 1980–1993 гг. южнокорейские историографы называют политикой «локализации», т.е. поощрения адаптации мигрантов в принимающем обществе и формирования «идеального» сообщества мигрантов [3, с. 34].

В 1993 г. впервые формируется административный аппарат диаспоральной политики, а также основные направления сотрудничества с зарубежными соотечественниками. Наряду с обсуждением поддержки

² Чве Ёнг. Хангукхва чжунг гукдже вуэдонгпхо чжонгчек пигё ёнгу: «Хёнчжихва»уа «нетвокы» чжонгчегьль чжунгшимыро (Сравнительное исследование диаспоральной политики Республики Корея и КНР: О политике «локализации» и «нетворкинга»: дис. ... канд.ист. наук / Университет Чжоннам. Квангчжу, 2011. С. 57.

³ Приказ о введении закона «О зарубежной миграции» 1962 г. URL: <http://theme.archives.go.kr/next/populationPolicy/archivesDetail.do?flag=1&page=1&evntId=0043297168> (дата обращения: 17.07.2013).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения за 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 17.07.2013).

образовательной и культурной деятельности зарубежных корейцев на повестку дня выносятся вопрос о правовом оформлении понятия «зарубежный соотечественник». А также происходит обсуждение проекта репатриации сахалинских корейцев.

В результате был принят закон «О юридическом статусе зарубежных корейцев» (1999 г., поправка 2004 г.), согласно которому на сегодняшний день зарубежными соотечественниками признаются лица, «в прошлом имевшие корейское гражданство (включая тех, кто эмигрировал из страны до основания РК), а также их прямые наследники»⁴. К началу 2000-х гг. оформились направления сотрудничества с корейской диаспорой.

Особое внимание в современной РК уделяется разработке стратегии экономического сотрудничества с зарубежными соотечественниками. Пример Китая, Индии, Мексики и других стран наглядно демонстрирует, что диаспора может выступать не только в качестве источника денежных поступлений для страны исхода, но и как источник прямых инвестиций, а также как партнер в международной торговле и экономическом сотрудничестве.

Деятельность правительства РК в этом направлении активизировалась в условиях азиатского экономического кризиса 1997 г. Власти страны оценили экономический потенциал диаспоры и приступили к осуществлению так называемой «политики сетей» (network policy). В рамках данной кампании успешно проводится ежегодный Всемирный бизнес-съезд корейцев, на котором собираются представители местной южнокорейской бизнес-элиты, а также представители корейского бизнеса со всего мира; здесь ведутся переговоры и заключаются договоры о сотрудничестве.

В 2011 г. количество участников очередного съезда достигло рекордного показателя; было заключено свыше 4,6 тыс. контрактов на общую стоимость 264 млн дол. США⁵. Следует заметить, что в числе сопредседателей собрания в 2012 г. присутствовал глава Ассоциации корейцев Казахстана Роман Ким⁶. Это свидетельствует о постепенном включении корейцев стран СНГ в глобальное корейское сообщество.

В настоящее время основными направлениями диаспоральной политики РК, помимо экономики и инвестирования, являются сотрудничество в области культуры, образования, торговли и информации⁷. Наряду с этим правительство упростило въезд и право

на трудовую деятельность для зарубежных корейцев в РК. Кроме того, была проведена репатриация корейцев о. Сахалин, мобилизованных японским правительством во время аннексии 1910–1945 гг. РК ввела упрощенный режим инвестирования, покупки недвижимости и проведения финансовых операций для зарубежных корейцев⁸.

Таким образом, диаспоральная политика РК заметно эволюционировала: начавшись с попыток создания символической культурной общности, пройдя этап дискуссий о правах и равенстве представителей диаспор разных стран и в конечном итоге сориентировавшись на паритетное сотрудничество. Выстраивая диаспоральные стратегии, РК избрала осторожный подход и сконцентрировалась на политике «локализации» корейских сообществ в принимающих государствах.

Фонд зарубежных корейцев, главный орган диаспоральной политики РК, предлагает российским корейцам ряд образовательных, культурных и экономических программ. Активизация культурных и экономических практик РК неизбежно сказывается на характере этносоциальных процессов в среде зарубежных корейцев, в том числе и корейцев Сибири.

За 150 лет проживания в России у корейцев сложилась особая идентичность. Длительная ориентация корейцев на взаимодействие с принимающим российским обществом во многом определила ее своеобразие. Следует отметить, что в большинстве своем они считают своей Родиной Россию или бывшие республики Советского Союза. Некогда размытое представление об исторической Родине теперь сменилось осведомленностью и сопереживанием по поводу событий на Корейском полуострове. К тому же изначальная культурная дистанция между корейской и российской культурой в результате адаптации корейцев и их интеграции в российское общество нивелировалась. Теперь актуальной становится культурная дистанция между южнокорейским обществом и сообществом российских корейцев.

Российские корейцы после миграции с Корейского полуострова на долгое время потеряли связь с исторической Родиной и начали выстраивать стратегии взаимодействия исключительно с принимающим обществом. Открытие границ, установление дипломатических отношений с РК, а также ее инициативы, касающиеся сотрудничества с зарубежными соотечественниками, пока не дают значительных результатов.

Сибирские корейцы, по материалам интервью с президентом НКА корейцев Новосибирской области Тен Пон Ен, стремятся прежде всего закрепить свое положение в российском обществе, быть активно представленными на общегородских, региональных, национальных уровнях культуры и политики.

Участие сибирских корейцев в программах РК не имеет массового регулярного характера. Лишь отдельные предприниматели, представители сообществ

⁴ Чеведонпхо чхурипгукква попчок чивиекванхан попрыл № 10543. (Закон о въезде и выезде зарубежных соотечественников и их юридическом статусе). Сайт архива законов Республики Корея. URL: <http://www.lawkorea.com/client/asp/lawinfo/law/lawview.asp?lawcode=e437099&type=1> (дата обращения: 17.07.2013).

⁵ Официальный сайт бизнес-конференции этнических корейцев Хансанг. URL: <http://hansang.korean.net/index.do> (дата обращения: 17.07.2013).

⁶ Там же.

⁷ Сайт Фонда зарубежных корейцев. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/OkfMainView.do> (дата обращения: 17.07.2013).

⁸ Сайт миграционной службы Республики Корея. URL: <http://www.hikorea.go.kr/pt/index.html> (дата обращения: 18.07.2013).

ва корейцев Сибири рассматривают сотрудничество с РК как перспективную возможность. В выборе международных бизнес-партнеров и в организации другой транснациональной деятельности корейцы г. Новосибирска опираются не на этническую общность, а на экономические факторы.

Однако активные практики РК по конструированию диаспоральной общности вокруг традиционных ценностей и включение российских и сибирских корейцев в глобальное сообщество соотечественников ведут к трансформации самосознания корейцев Сибири. В последние десятилетия происходит диаспоризация корейского сообщества под влиянием стратегии сотрудничества с зарубежными соотечественниками, выработанной правительством РК. Это еще раз подчеркивает тот факт, что диаспора весьма динамична, она характеризуется не только определенным набором признаков, но и подвержена трансформации под влиянием ряда факторов внутренней и внешней политики принимающего государства и государства исхода.

На примере взаимодействия корейцев России и Республики Корея можно судить о том, что ориентация самого этнического сообщества играет немаловажную роль в транснациональном диаспоральном сотрудничестве. Возможно, это связано с частичной утратой символической общности российских корейцев с исторической Родиной, а также с отсутствием мест

компактного проживания корейцев в Западной Сибири. Однако, вероятнее всего, слабая ориентация корейцев России на сотрудничество с РК связана с особенностями данного этнического сообщества. Это еще раз доказывает значимость всех трех составляющих диаспоральных отношений: государства исхода, принимающего общества и сообщества мигрантов. Поэтому диаспоральная политика государств должна учитывать особенности этнического сообщества в отдельно взятой стране, поскольку ориентация таких сообществ напрямую влияет на эффективность проводимой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России) / под ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1998. 340 с.
2. Бугай Н.Ф. По решению правительства Союза ССР. Альчик: Эль-Фа, 2003. 896 с.
3. Пак Мёнг Гванг. Сэге как гукечже вуэдонгпхо чжонгчеге кочальквасисачжом (Наблюдение за текущими событиями диаспоральной политики по странам мира): отчет о диаспоральной политике исследовательской группы по проблемам зарубежных корейцев при Национальной ассамблее // Материалы семинара Исследовательской группы по проблемам зарубежных корейцев при Национальной ассамблее. Сеул, 2006. С. 14–50.

*Статья поступила
в редакцию 28.02.2013*

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)+002+271.2

Н.А. ЗЕМЛЯКОВА

**СВЯЩЕННИК-МИССИОНЕР В СИБИРИ: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕЛИГИОЗНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ВТРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.)***Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail:zemtash@yandex.ru

В статье охарактеризован идеальный образ священника-миссионера в Сибири, конструируемый на страницах религиозной православной периодики. Его изучение позволило понять, какими качествами должны были обладать священники-миссионеры на территории Сибири, и для достижения каких целей (или решения каких задач) те или иные качества нужны были миссионеру. Идеал, конструируемый православной периодикой, не всегда совпадал с реальностью, но заставлял миссионера стремиться к самосовершенствованию, необходимому для достижения успехов в его деятельности.

Ключевые слова: сибирский миссионер, священник, идеал, религиозная периодическая печать, Алтайская духовная миссия.

Одним из институтов, привнесших русскую православную культуру в Сибирь, были духовные миссии, представителями которых являлись священники-миссионеры. Для успешного выполнения своей деятельности миссионеры должны были обладать определенным набором качеств и способностей, но в реальности не каждый отличался нужными характеристиками, что сказывалось на результатах их работы. Официальная православная периодическая печать второй половины XIX – начала XX в. стремилась конструировать идеальный образ священника-миссионера, используя дидактический потенциал религиозной периодики для трансляции представлений о том, какими должны быть и к чему должны стремиться сибирские миссионеры.

Характеризуя литературу, посвященную миссионерам в Сибири, можно выделить ряд проблем, находящихся в поле зрения исследователей. Во-первых, это изучение отдельных миссий и их отделов, действовавших в Сибири. Особое внимание уделялось Алтайской духовной миссии, ее деятельности и взаимодействию с разными группами местного населения [1; 2; 3]¹. Во-вторых, литература, по-

священная отдельным миссионерам, их биографии, деятельности и трудам [4].

Для создания образа священника-миссионера использовалась религиозная периодическая печать, где помещались тексты, раскрывающие тот набор качеств, которыми должны обладать миссионеры.

Известно, что со второй половины XIX в. журналы были одним из самых авторитетных и эффективных институтов формирования и трансляции общественного мнения. Это время появления и динамичного развития не только общественно-политических, литературных журналов, но и религиозных – как «толстых» ежемесячных, так и «тонких» еженедельных изданий.

В качестве источников были привлечены религиозные периодические издания – как местные, так и выходившие на территории Европейской России, а именно: «Странник», «Душеполезное чтение», «Миссионер», «Томские епархиальные ведомости» и «Тобольские епархиальные

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель».

¹ *Ипатьева А.А.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX –

начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999; *Расова Н.В.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на Алтае в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; *Софронов В.Ю.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2007; *Шагжина З.А.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Забайкалье (2-я половина XVII – начале XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000.

ведомости»². Их анализ позволяет выявить набор качеств, которыми наделяли себя миссионеры, и сравнить их с реальностью.

Впервые вопрос об идеальном образе миссионера был поставлен Н.П. Матхановой на основе анализа мемуаров миссионеров [5]. Наша задача – выявить представления авторов религиозной периодики об идеале сибирского священника-миссионера. Рассмотрев справочную литературу второй половины XIX в., мы решили под «идеалом» принимать представление высшего совершенства в каком-нибудь отношении [6]. В. Соловьев, автор статьи, размещенной в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, указывает на то, что сам по себе «идеал» преобразует действительность, усовершенствует ее. Таким образом, идеал священника-миссионера отражал представления о том, каким миссионер стремился стать.

В привлеченных нами изданиях основная часть публикаций, посвященных Сибири, представлена миссионерскими записками, носящими мемуарный характер. Анализ данных текстов дает основания утверждать, что одной из важнейших функций священнослужителей в зауральских губерниях называлась миссионерская деятельность.

Можно выделить ряд компонентов, из которых складывался идеал миссионера, его телесная и духовная составляющие, а также навыки и умения, которые позволяли эффективно выполнять миссионерскую деятельность. Прежде всего, миссионер должен был быть сильным и ловким. В своих записках миссионеры указывали на то, что им часто приходилось путешествовать, в пути же их поджидало много труд-

ностей. Это и незнакомая, трудно проходимая местность, и резкие климатические перепады:

То – в пропасть с обрыва летит, то – с горы,
Усердный Господень служитель,
То – горных, холодных рек бурный порыв
С конями уносит, то – снег, то – жары...
Но всюду хранил их Спаситель... [7, с. 5].

Круглый год миссионеры объезжали свои отделения верхом, на телегах, санях, ходили по опасным тропам, по глубокому снегу на лыжах. Таким образом, для преодоления трудностей необходимы были навыки верховой езды, умение ходить на лыжах. Миссионер Смарагд в своих записках указывал, что, не умея ходить на лыжах, он иногда отказывался от путешествий, необходимых для выполнения своей миссии [8, с. 139].

Немаловажным было наличие физического здоровья, которое помогало миссионеру выдержать все трудности на пути. В миссионерских отчетах часто описывались проблемы, с которыми сталкивались священники. Так, миссионер Чукотской миссии Иоанн Невский писал: «На пути жители так редки, что с утра до вечера едва-едва можно было доехать от одного очага до другого, а иногда, за отдаленностью и за глубокими снегами, при отсутствии дорог, не могли в течение целого дня добраться до жителей, и потому имели ночлег на снегу, под открытым небом, при пылающем костре дров» [9, с. 38]. Не каждый миссионер мог физически выполнять свои обязанности в таких суровых условиях, что приводило к болезням и даже к отстранению от миссионерской деятельности. Яркий пример того, как слабое здоровье влияло на деятельность священнослужителя, представлен в «Миссионере»: «миссионер иеромонах Агафангел, кажется, вовсе и не начинал миссионерскую деятельность. Отправившись из безусловного послушания воле начальства, он, едва столкнувшись с суровой действительностью неприветливой страны, сразу понял, что он не на месте. Это человек крайне болезненный, не его здоровью бороться с трудностями Колымского края, человек, в полном смысле, с монашеским настроением духа... Прекрасный, по нравственным качествам, истинный монах, но слабый здоровьем, согласно по его просьбе, неизбежно должен был покинуть миссионерский пост» [10, с. 115]. Пример миссионера Агафангела показывает также, что более эффективно было «вращивать» миссионеров из представителей коренного населения, адаптировавшихся к местным природным условиям.

Миссионеры, прибывшие из других районов страны и исправно выполнявшие свои обязанности, нередко сталкивались с трудностями, буквально превышавшими их силы. Историк Д.В. Кацуба отмечает, что на Алтае фактически до конца XIX в. ни один миссионер не покинул своего стана, но тяжелые условия деятельности неизбежно сокращали срок жизни миссионера [2, с. 92].

Физическому развитию своих воспитанников уделялось большое внимание и в духовных образовательных учреждениях, которые стали целенаправленно готовить миссионеров. В Бийском духовном училище, открытом в 1879 г., занятия физическим трудом преследовали две цели: во-первых, укрепление здоровья и воспитание ловкости и быстроты у

² Приведем некоторые сведения о проанализированных нами религиозных периодических изданиях. «Странник» – ежемесячный духовный учено-литературный журнал, основанный протоиереем В.В. Гречулевым, издавался в Санкт-Петербурге с 1860 по 1916 г.; цена за годовое издание – 6 руб., с пересылкой – 8 руб. «Душеполезное чтение» – ежемесячное издание духовного содержания, выходило в Москве с 1860 по 1916 г.; цена годового издания – 3 руб. и 3,50 руб. с пересылкой, с 1877 г. – 3,50 и 4 руб. с пересылкой. «Миссионер» – еженедельное издание, выходило с 1874 по 1879 г. в Москве; цена годового издания – 3 руб., с пересылкой – 3,50 руб.; редактор – В. Марков, цензор – протоирей А. Соколов. «Томские епархиальные ведомости» – местное официальное церковное издание, существовало с лета 1880 г. по конец 1917 г.; выходило при Томской духовной семинарии 1-го и 15-го числа каждого месяца; цена с 1880 до 1898 г. – 5 руб. серебром в год с пересылкой и доставкой на дом, с 1898 г. – 6 руб. Первый редактор – исполняющий должность ректора семинарии архимандрит Варфоломей; с 1881 до 1904 г. главный редактор – статский советник, кандидат богословия, старший преподаватель Томской семинарии М.И. Соловьев; редактор с января 1904 г. по июль 1906 г. – ректор семинарии протоирей И. Панормов; с 1 июля 1906 г. по 1918 г. – протоирей С. Путодиев.

«Тобольские епархиальные ведомости» издавались с 1882 по 1919 г. Редактор с 1882 по 1891 г. – протоирей П. Головин, с 1892 по 1901 г. – Н. Городков, с 1902 по 1914 г. – А. Городков, в 1915 г. – А. Зырянов, с 1915 по 1917 г. – Я. Афанасьев, в 1917 г. – З. Поддьяков, с 1918 г. редактор официального отдела – член Епархиального совета Гаврилов, неофициального – священник И. Фокин. С 1882 по 1914 г. «Тобольские епархиальные ведомости» выходили два раза в месяц, с 1915 г. – по четыре номера в месяц, с 1918 г. – по три номера в месяц. Цена с 1882 по 1916 г. – 5 руб. с пересылкой, в 1917 г. – 6 руб. с пересылкой, с 1918 г. подписная цена на год – 30 руб., а на полгода – 15 руб.

ующихся, а, во-вторых, приучение к труду, овладение простейшими сельскохозяйственными навыками [2, с. 102–103].

Идеал миссионера предполагал наличие у него определенных черт характера. Священник Михаил Архангельский в своей статье, помещенной в журнале «Странник», приводит мнение Евсевия, архиепископа Иркутского (в миру Евфимий Орлинский), об идеале миссионеров [11, с. 75–78]. Среди черт, которыми должен обладать миссионер, чтобы обеспечить успех проповеднической деятельности, Евсевий называл кротость, терпение, самоотверженность, благочестивость, энергичность, твердость характера, ревностность в вере, опытность и чуждость в корысти. Кроме того, он замечал, что успехи свои миссионер должен приписывать только Богу, а в случае неудачи не унывать. Архиепископ также отмечал, что миссионер не должен был использовать внешнее влияние власти и закона в своей деятельности. Таким образом, набор качеств, предлагаемый архиепископом Евсеем обширен. В действительности, как указывал архиепископ, не каждый ими обладал, как и не каждый мог их приобрести.

Макарий, епископ Томский (в миру Михаил Невский), полагал, что успех проповеди зависел от внутренних качеств миссионера³. Епископ особое внимание обращал на нравственность: миссионер не должен был подвержен таким страстям, как похотливость, вино или курение табака. Миссионеры, по его мнению, должны отличаться аккуратностью, наблюдательностью и добротой. Макарий, как и Евсевий, отмечал, что в действительности невозможно достигнуть идеала, но для достижения успеха в миссионерской деятельности необходимо было постоянно самосовершенствоваться и стремиться к идеалу.

В миссионерском отделе «Томских епархиальных ведомостей» указывалось на то, что миссионер должен обладать душевным спокойствием и хладнокровием, быть наблюдательным, тактичным и сдержанным в словах и действиях. Последнее особенно было необходимо для ведения бесед с местным населением.

Св. Иннокентий (Вениаминов), написавший «наставления священнику, назначенному для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру», отмечал, что миссионер должен был быть кротким, смиренным, спокойным, не гордым, приступать к делу с любовью, предварительно все обдумав [12, с. 165].

Среди навыков и умений особое внимание уделялось речи миссионера, которая должна быть понятной, доступной, краткой, ясной, точной, напротив, многословие, напыщенность и отвлеченные философские понятия являются неуместными в беседе. Миссионер должен уметь приспособиться к мировоззрению своего собеседника и говорить языком сравнений, подобий и примеров. Тон его речи должен быть спокойным, серьезным, но не заискивающим. Немаловажное значение имело знание местных языков, умение использовать их в богослужбной практике. Миссионерам приходилось изучать языки своей паствы, и лишь немногие деятели миссии занимались еще и переводческой деятель-

ностью [5, с. 192; 1, с. 5]. По мнению ряда авторов статей в религиозной периодике, все эти качества зависели от характера и темперамента человека, но в большей степени приобретались с опытом.

Идеал священника-миссионера со временем изменялся. Как отмечают историки В.В. Ерошов и В.М. Кимеев, с начала XX в. поменялся характер деятельности миссионеров, которая стала заключаться в повседневной службе в церкви, заботе о нравственном состоянии местного населения и распространении грамотности [1, с. 6]. Другой характер деятельности потребовал от миссионера новых качеств.

Публикации в православной периодике позволяют заключить, что воплощением лучших черт, присущих идеалу, для многих миссионеров был архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии, носивший в миру имя Михаил Глухарев. Он обладал необыкновенным даром слова, высокими нравственными качествами, добросовестно относился к делу.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основания утверждать, что идеал миссионера не всегда совпадал с реальностью, но давал ориентиры миссионеру для нравственного самоусовершенствования. Авторы религиозных изданий при помощи идеального образа священника пытались конструировать то референтное профессиональное сообщество, с которым они хотели себя отождествлять.

Идеал священника-миссионера конструировался миссионерами, которые на своем опыте знали, какими качествами необходимо обладать, чтобы эффективно выполнять свои функции. Среди этих качеств – крепкое физическое здоровье и сила, нравственная чистота, кротость, самоотверженность, терпение, а среди умений выделялось владение грамотной, ясной речью.

Зная, каким набором качеств должен обладать миссионер и имея перед глазами примеры воплощения этого идеала, деятели миссии располагали ориентирами для собственного совершенствования и те инструменты, которые помогли бы им достичь успеха в своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерошов В.В., Кимеев В.М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995.
2. Кацюба Д.В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. 156 с.
3. Пивоваров Б.И. Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры // Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998.
4. Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. 769 с.
5. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 551 с.
6. Вл. С. Идеал // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1894. Т. 12а. С. 797.
7. Макарова-Мирская А. Апостолы Алтая: сборник рассказов из жизни алтайских миссионеров. М., 1997. 306 с.
8. Записки Алтайской духовной миссии урскульского стана миссионера иеромонаха Смарагда за 1861 г. // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2. С. 136–160.

³ Макарий. Советы для миссионеров Алтайской миссии // Томские епархиальные ведомости. 1902. № 6 (15 марта). Миссионерский отд. С. 1–6.

9. Дионисий, епископ Якутский и Вилюйский. Отчет Якутского комитета Православного миссионерского общества за 1874–1875 г. // Миссионер. 1876. № 5. С. 36–38.

10. Якутская православная миссия за 1875–1876 гг. // Миссионер. 1878. № 15. С. 115–116.

11. *Архангельский М.* Наставления священникам, служащим между язычниками и новообращенными к православной вере. Соч.

Евсевия, архиепископа Иркутского. СПб., 1860 г., (12°: с. 78) // Странник. 1861. Т. II. С. 75–78.

12. Избранные труды Святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Новосибирск, 1997. 367 с.

*Статья поступила
в редакцию 01.03.2013*

УДК 069.4:001.12

Л.В. ЕРЕМИН

СВЯЩЕННЫЕ ГОРЫ ХАКАСИИ: ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

канд. ист. наук,

Хакасский республиканский национальный музей-заповедник,
г. Абакан

e-mail: Leo_eremin@mail.ru

Представления о сакральном значении горных вершин и их «обитателях» – горных духах являются одним из компонентов хакасской традиционной культуры. До наших дней дошли сведения о более чем трех сотнях культовых объектов, связанных с почитанием гор у хакасов. Одной из основных проблем организации их охраны является отсутствие в региональном законодательстве Хакасии правового статуса культовых объектов. Однако в музеях-заповедниках Хакасии накоплен положительный опыт музеефикации священных гор. Статья посвящена анализу этих практик. Их особенности связаны с тем, что сохранение и актуализация объектов поклонения являются фактором, способствующим консолидации этноса.

Ключевые слова: объекты культового поклонения, культурное наследие Хакасии, музеефикация, охрана памятников.

Кульг гор имеет древние истоки в культурах Евразии. На его сложную природу неоднократно указывали выдающиеся российские этнографы [1; 2; 3]. Представления о сакральном значении горных вершин и их «обитателях» – горных духах являются одним из наиболее хорошо сохранившихся компонентов традиционной культуры хакасов. До наших дней дошли сведения о более чем трех сотнях культовых объектов, связанных с почитанием гор [4]. По материалам авторских полевых исследований, проведенных в 1998–2006 гг., около 40 объектов на территории Хакасии сохраняют свое культурное значение и почитаются, им посвящаются обряды жертвоприношений горным духам и дорожные обряды *сек-сек*.

Однако перспективы сохранения таких объектов представляются проблематичными. «Факторами риска» в существовании священных гор следует признать: активное хозяйственное освоение, переиспользование в качестве объекта новых (неязыческих, нешаманистских) культов и отсутствие в региональном законодательстве понятия, определяющего правовой статус таких объектов. «Объекты культового поклонения» – категория с обширным содержательным диапазоном. Это могут быть памятники архитектуры и природы, предметы изобразительного искусства и археологические объекты и т.д. Типологическое и видовое разнообразие таких объектов приводит к тому, что понятие «объекты культового поклонения» не выделено в границах современного правового поля. По виду объекты культового поклонения могут быть отнесены как к памятникам, так и к ансамблям.

Однако учитывая, что в Республике Хакасия практически все объекты культового поклонения (родовые горы, почитаемые скалы, крепости-*све*, места проведения жертвоприношений, изваяния, священные деревья) являются частью обширных антропогенных ландшафтов, по видовой принадлежности они относятся в большинстве случаев к достопримечательным местам.

Согласно российскому законодательству, достопримечательные места – это «...творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе... места совершения религиозных обрядов...»¹. Определение и конкретизация правового статуса объектов культового поклонения являются важнейшими и обязательными этапами их охраны и использования. В тех случаях, когда объект используется только в религиозных целях, наличие у него статуса «особо охраняемый» позволяет при необходимости предотвратить его активное хозяйственное освоение. Значительная часть объектов культового поклонения в Хакасии уже не используется в обрядовых целях. Они находятся вне зоны активной жизнедеятельности коренного населения. Но при этом сохраняют высокий сакральный статус. Предания о священных горах продолжают бытовать в среде хакасов. Они определяют контекст практики

¹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133519> (дата обращения: 10.04.2012).

музеефикации объектов культового поклонения, которая направлена на сохранение и актуализацию национального культурного наследия.

Музеефикацией называют преобразование недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа с целью их максимального сохранения, выявления историко-культурной, научной, эстетической ценности и активного включения в современную культуру². Чрезвычайно сложной является ситуация, когда в качестве объекта музеефикации выступают природная территория, историко-культурный ландшафт либо культовый памятник.

Задачи сохранения историко-культурных территорий и памятников решает музейная сеть Республики Хакасия. В 1996–2011 гг. в регионе была сформирована крупнейшая в России сеть музеев-заповедников. Из 10 музеев-заповедников: 1 – республиканского подчинения, 9 – муниципального (5 музеев-заповедников являются филиалами районных краеведческих музеев). Кратко рассмотрим историко-культурный фонд музеев-заповедников Хакасии:

Хакасский республиканский национальный музей-заповедник – более 2000 памятников;

Анхаковский музей-заповедник «Хуртуях тас» – 1 изваяние, 5 курганов;

Музей наскального искусства «Хоос хайа» – 98 каменных плит (более 1 тыс. изображений);

Музей под открытым небом «Усть-Сос» – 106 памятников (курганы, изваяния, писаницы);

Музей под открытым небом «Малоарбатский писанец» – около 60 изображений;

Музей «Древние курганы Салбыкской степи» – крупнейшие курганы Сибири – Салбык и Барсучий Лог;

Музей под открытым небом «Бояры» – Боярские писаницы, стоянка Грот Двуглазка;

Ширинский археологический парк – 7 археологических и природных комплексов (около 80 памятников, включая Сыйскую стоянку, пещеру Археологическая, грот Проскуракова, петроглифы оз. Тус);

Музей-заповедник «1-й и 4-й Сундуки» – 2 природно-археологических комплекса, около 40 отдельных памятников;

Музей-заповедник «Сулек» – 3 археологических комплекса (около 500 наскальных изображений, крепость-све).

Перед музеями-заповедниками Хакасии стоит множество проблем, связанных как с оформлением статуса территорий и закреплением за учреждениями памятников, так и с самой практикой сохранения уникальных территорий и объектов культурного наследия.

Проблема осмысления и презентации музейными средствами такого сложного и «трудноуловимого» явления, как сакральное пространство, особенно активно обсуждается специалистами в последние несколько лет [5; 6]. Важным итогом этих обсуждений является признание специалистами технической и организационной вероятности создания модели сакрального пространства в составе музейной экспозиции.

В практической же плоскости музеефикация объекта, культурного комплекса или особо охраняемой территории предполагает создание проекта и принятие решения об их особом статусе, а также проведение охранных мероприятий. При выборе объекта музеефикации проектировщики руководствуются такими критериями, как культурная значимость, доступность, состояние объекта, возможность обеспечения сохранности объекта после его вовлечения в культурную деятельность, а также возможность включения проекта в региональные программы развития культуры, науки и образования, наличие интереса к теме проектов со стороны местной власти, возможность привлечения дополнительных внебюджетных средств [7, с. 110].

Процесс музеефикации объектов культового поклонения своеобразен и требует соблюдения некоторых специфических условий: музеефикация не должна препятствовать возможности использования объекта по его основному назначению; проект музеефикации должен учитывать, что ландшафты, прилегающие к объекту культового поклонения, имеют, как правило, равное с ним значение и составляют единый комплекс; содержание экскурсионных программ не должно противоречить принятой у населения оценке культурного значения объекта, вместе с тем, научный подход к исследованию и презентации объекта должен превосходить от развития на его основе современной «мифологии» и новых культов.

В музеях-заповедниках Хакасии накоплен положительный опыт музеефикации объектов культового поклонения [8, с. 51, 53, 55, 56, 65–68, 83–84, 84–88]. В Хакасском республиканском национальном музее-заповеднике с 1997 г. в экскурсионные маршруты включено посещение родовых гор хакасов – Иней-тас Мирген-хая и Апсах-тас, почитаемой скалы Тура-хая и изваяния Ах-тас.

Основу музейного собрания музея-заповедника «Хуртуях тас» составляет изваяние эпохи ранней бронзы, которое хакасы именуют *Улуг Хуртуях тас*, связывая с ним представления о женском плодородии. На территории Музея под открытым небом «Усть-Сос» находится родовая гора Хан обаазы, которую музей планирует использовать как площадку для реконструкций общественных молений хакасов. В музеях-заповедниках «Сулек» и «1-й и 4-й Сундуки», в филиалах краеведческого музея Орджоникидзевского района и Сулекская писаница, и горная гряда Сундуки являются объектами культового поклонения [9, с. 184–189; 10, с. 479–483].

Все объекты, за исключением изваяния Улуг Хуртуях тас, демонстрируются открытым способом в естественном бытовании. Изваяние Улуг Хуртуях тас экспонируется «павильонным» способом [11, с. 56], в специально построенной для этого стеклянной «юрте». Анализ посещений объектов культового поклонения на территориях музеев-заповедников Хакасии показывает, что интерес к ним неуклонно растет. Вместе с тем, все рельефнее обозначаются и проблемы использования этих памятников как объектов экскурсионного показа. Сложностей немало: не определен статус объектов (музейный предмет или объект культурного наследия); не выявлены границы зон охраны объектов, что делает неэффективной охранную деятельность музеев; не выделяются средства на комплексное научное изучение

² Российская музейная энциклопедия. URL: http://www.museum.ru/RME/mb_musf.asp (дата обращения: 10.04.2012).

объектов; не финансируются работы по обеспечению безопасности и доступа посетителей к объектам культового поклонения (подъемники, леерные заграждения, смотровые площадки); отсутствует система информирования населения и гостей региона о культурной значимости объектов культового поклонения. Некоторые из перечисленных проблем нашли отражение в аналитических документах к региональным целевым программам³.

Оценивая опыт музеефикации объектов культового поклонения на территориях музеев-заповедников Хакасии, следует все же отметить, что в сферу музейной деятельности вовлечена лишь незначительная часть памятников. Из почти 300 культовых объектов, связанных с почитанием гор у хакасов, к «живым» – освоенным в современных обрядовых практиках относятся всего несколько десятков горных вершин, скал, перевалов и стел. И хотя общее число объектов культового поклонения велико, однако если применить такие критерии отбора для музеефикации, как историческая значимость, сохранность, информативность объектов, их доступность, современное значение (актуальность), то из общего списка останется не более 30. Это и есть перспективный фонд для музеефикации памятников на ближайшие годы.

Сохранение и актуализация объектов культового поклонения, прежде всего священных гор и почитаемых мест, несомненно, будут способствовать консолидации этноса, укреплению его культурных ценностей. Кроме того, включение уникальных по культурной значимости памятников в сферу музейной деятельности позволит воспользоваться ресурсом публичности, презентуя самобытное наследие хакасов мировому сообществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потапов Л.П.* Культ гор на Алтае // Сов. этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
2. *Топоров В.Н.* Гора // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 311–315.
3. *Токарев С.А.* О культе гор и его месте в истории религии // Ранние формы религии. М., 1990. С. 602–612.
4. *Бутанаев В.Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: Хакасия, 1995. 268 с.
5. *Харитонова В.И.* Введение. Хранители и исследователи сакральной культуры: диалог или противостояние? // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 3–7.
6. *Шнирельман В.А.* Введение в дискуссию. Историко-этнографический музей: презентация или репрезентация конструкции // Этнографическое обозрение. № 4. 2010. С. 3–8.
7. *Булатов Н.М.* Проблемы музеефикации археологических памятников // Археологический фактор в планировочной организации территории. М., 1997. С. 110.
8. *Еремин Л.В.* Музеи-заповедники Хакасии. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2011.
9. *Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокотьева С.А.* Первый Сундук – Мировая гора, достигающая высоты Солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакральных памятников) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 184–189.
10. *Кызласов Л.Р.* Сулейская писаница – скала ристалищ // Сокровища культуры Хакасии. М., 2008. С. 479–483.
11. *Медведь А.Н.* Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: ГНОМ и Д, 2004.

Статья поступила
в редакцию 26.03.2013

УДК 930(075.8)

К.Б. УМБРАШКО

О КРИТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)*

д-р ист. наук, проф.,
Новосибирский государственный педагогический университет,
e-mail: historian09@mail.ru

В статье прослеживается формирование критического подхода в изучении летописей у отечественных историков в XVIII – первой половине XIX в. Анализируется исследовательская работа в этом направлении И.Н. Болтина, А.-Л. Шлецера, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, П.М. Строева и других, прослеживается формирование русской летописной традиции.

Ключевые слова: русские летописи, протограф, отечественные историки, критический подход, Археографическая комиссия, публикации летописей.

³ Закон Республики Хакасия от 08.12.2008 № 83-ЗРХ «О республиканской целевой программе «Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы» // Хакасия. 2008. 10 дек.

*Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.

В XVIII в. на основе рационалистического понимания исторического процесса в европейской исторической науке сформировался критический подход при анализе античных источников. Историки, сопоставляя разнотипные источники, отмечали существенные противоречия между ними и делали вывод о невозможности установить в них рациональное зерно. В полной мере критическое отношение к историческим источникам вообще и к древнеримской традиции в частности одним из первых обосновал Луи де Бофор. К этой позиции присоединилась просветительская историографическая традиция. Как показала Cynthia Whittaker, в XVIII в. влияние критического духа просвещения усилило убежденность историков в необходимости большей самостоятельности [1, р. 170]. Именно с просветителями во главе с Вольтером, по мнению Б. Кроче, связано развитие критического метода: «критика становится более глубокой, основывается на знании предмета (литературы, морали, политики, военного искусства), опровергает толкование, которое дают тем или иным фактам поверхностные, легковверные или необъективные историки, и пробует воссоздать их на основе логики» [2, с. 155]. Критическое отношение европейских мыслителей к историческим источникам стало базой для формирования новых принципов исторического исследования не только в европейской науке, но и в России.

Историки России XVIII – начала XIX в. проделали сложный путь в совершенствовании своих профессиональных практик. По словам А.С. Лаппо-Данилевского, в это время отечественная историческая наука «приобрела, наряду с критическим аппаратом, научно-литературный оттенок... и... обнаружила более сознательное стремление к цельному построению нашего прошлого, основанному частью на философских предпосылках, частью на началах строго научно-исследования» [3, с. 6].

Это проявилось в первую очередь в том, что российские исследователи XVIII в. пытались перенести критический подход на изучение отечественных источников в целом и летописей в частности. Но выводы при этом были более сдержанными, чем у их европейских коллег. Например, В.Н. Татищев, по мнению В.И. Буганова, «первым из русских историков, сравнивая между собой тексты различных списков летописей и отмечая их противоречия, разночтения, положил основание их критическому анализу» [4, с. 7]. Историк отделял достоверные данные летописей от вымысла, отмечал в них фольклорные сюжеты, позднейшие вставки, обращая большое внимание на поиски имен летописцев. В целом В.Н. Татищев рассматривал летописи как источник высокой степени достоверности. Несмотря на сомнения в «татищевских известиях» таких крупных историков, как, например, Н.М. Карамзин, именно Татищев впервые подробно перечислил и проанализировал источники древней русской истории. Автор собрал, систематизировал и изложил исторический материал в соответствии с доступными ему источниками и попытался выстроить причинно-следственные связи событий, сопоставить русскую и зарубежную историю, объяснить исторический процесс, подвергнув критике использованные источники. Этот исследовательский подход прослеживается по примечаниям к «Истории Российской» [5].

И.Н. Болтин писал свои труды в конце XVIII в. Анализируя летописи, он сделал важное замечание: «Нестор ко-

нечно не со слов писал свою летопись, а с разных летописей, хотя на них и не ссылается; равным образом и бывшие после него бытописцы, внося в свои летописи многое такое, чего в Несторовой нет, не с предания же то писали, а с других древних летописей, коих сочинителей имена остались нам неизвестными. Итак нет сомнения, что, и кроме Иоакима, были прежде Нестора летописцы, но писания их от времени утрачены» [6, с. 59]. И.Н. Болтин считал необходимым сравнение сохранившихся летописных списков и «очищение» текста летописи. Это был значительный шаг вперед в развитии критического метода в изучении летописей в отечественной исторической науке.

Все сделанное в изучении летописей в XVIII в. стало основой для их изучения и издания в первой половине XIX в. А.-Л. Шлецер продолжил традицию изучения русских летописей, основы которой были заложены В.Н. Татищевым и другими русскими историками. Исследовательская работа Шлецера по изучению летописей осуществлялась в последние десятилетия XVIII в., но полноценный опыт научной критической публикации Повести временных лет – издание «Нестор. Русские летописи на Древле-Словенском языке» – приходится на первые десятилетия XIX в. [7; 8]. В первом томе «Нестора...» Шлецер охарактеризовал исторические знания в России, начиная с летописного периода до 1800 г. Особое внимание он обратил на использование авторами летописных источников. Шлецер считал, что русское летописание имеет более чем 500-летнюю традицию, непрерывно продолжаясь с 1100 по 1630 г. Основой этой традиции стала работа летописца Нестора, создавшего в начале XII в. «достойное сочинение», но подлинник его текста не сохранился. Древнейшие списки летописи относятся лишь к монгольскому периоду, когда «византийское просвещение в России угасло» и переписчики-монахи часто имели крестьянское происхождение, едва умели писать и потому не понимали значения слов, имен, географических названий, о которых они никогда не слышали. Это явилось главной причиной искажения слов, «выпусков», от которых древнейший период русской истории стал «непроницаем». Именно поэтому, по логике Шлецера, следует в первую очередь восстановить «подлинного» Нестора, «сличенного с отысканными источниками и сходными местами» [7, с. 21, 22]. Поскольку, по мнению Шлецера, описание в летописях некоторых событий носит «баснословный» характер, постольку при работе с летописями необходимо руководствоваться следующим главным правилом: «... чего нет ни в одном списке с временника, ежели только нельзя дойти до того рассудительным соображением, то все есть новейшая бесстыдная выдумка, пустословие, не заслуживающее никакого замечания» [8, с. 261, 262].

Влияние научных источниковедческих принципов, предложенных Шлецером, стало определяющим для развития отечественной исторической науки первой половины XIX в. Его труд высоко оценивается и в современной исторической науке [9, с. 45]. Особое значение для развития критического метода имели публикации летописей. П.М. Строев при издании «Софийского временника» высказал мнение, что летописи – это не единовременные авторские сочинения, а своды. «Для облегчения справок» издатель приложил ко второй части «три полные алфавитные росписи» и подчеркнул, что «при изданиях исторических сочинений по-

добные росписи необходимы: 1) собственным именам лиц, 2) географическим названиям и 3) монастырям и церквям, о коих упоминается в обеих частях Временника Софийского» [10, с. VII].

Р.Ф. Тимковский при издании Лаврентьевского списка Повести временных лет взял за основу древнейший список и, как он в предисловии подчеркнул, «с точностью передавал чтение своего подлинника, объясняя и исправляя оный от ошибок переписчика посредством вариантов» [11, с. IV]. Этот способ публикации, когда за основу брался древнейший список летописи, помогал избегать произвольных толкований, основанных на более поздних вариантах летописи, в поисках «очищенного» Нестора.

К данному периоду относится и работа Археографической экспедиции (1829–1834) под руководством П.М. Строева. Была поставлена цель – обследовать рукописные собрания Троице-Сергиевой лавры, Соловецкого монастыря, Софийского собора в Новгороде и др. (с 1830 г. к этой работе подключился Я.И. Бердников). В 1834 г. для изучения собранных материалов Археографическая экспедиция была преобразована в Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения (под председательством П.А. Ширинского-Шихматова). Началось издание «Полного собрания русских летописей» под руководством Я.И. Бердникова. Критическое изучение летописей приобрело целенаправленный характер.

Благодаря новому взгляду на вводимые в научный оборот исторические источники, в первую очередь летописи, критическое направление в русской историографии получило дальнейшее развитие. И.-Ф.-Г. Эверс, обратив особое внимание на изучение актов и законодательных источников по древней русской истории – договоров Руси с Византией X в. и Русской Правды, не обошел стороной и летописание. При изучении летописной традиции он отметил сложность и длительность начального этапа русского летописания и сделал вывод о сосуществовании параллельных летописных традиций в Древней Руси. Историк сомневался в возможности создания «очищенного» текста летописи, как это пытался делать А.-Л. Шлецер, поскольку «истинная история» не может, по его мнению, отвечать с точностью на важный вопрос, «пока не получит точку, с которой можно будет ей смотреть на происшествия того времени» [12, ч. I, с. 56]. Эверс считал, что для реконструкции более ранних событий можно привлекать поздние летописные сборники-своды, несмотря на то, что в строго научном плане это не вполне корректно. «Но в отношении к происшествию девятого столетия едва ли можно давать большое преимущество сказанию летописи тринадцатого, коей при том имеем мы новейшие списки, пред летописью 15-го столетия, тем более когда мы знаем, что сия летопись составлена из множества других теперь потерянных летописей», – указывал историк [12, ч. II, с. 253–254]. Взгляды И.-Ф.-Г. Эверса представляют собой значительный шаг вперед в направлении критического изучения русских летописей.

Эти идеи были подхвачены Н.А. Полевым. Первым летописцем он называл Нестора, летопись которого «не дошла до нас отдельно». «Великое множество списков с нее находится в России, – писал Полевой, – и все летописи русские начинаются одинаково; следовательно, все летописцы спи-

сывали сначала Несторов временник, и он был единственным памятником древнейших времен. Но ни в одном списке сказания Нестора не отделены от продолжателей, и все, сливаясь вместе, будучи писано почти одинаковым образом, представляет беспрерывную цепь записок исторических, коих писатели нам неизвестны» [13, с. 42]. Признавая наличие в летописи большого количества фольклорных сюжетов (преданий) и более поздних интерполяций, не имеющих исторической достоверности, Полевой полагал, что и их можно использовать для описания нравов древнейшего периода [13, с. 46]. К баснословию он относил сообщения летописи об испытании вер князем Владимиром, о посещении Киевской земли Андреем Первозванным и т.д.

Пристальное внимание на русскую летописную традицию обратили М.Т. Каченовский и его ученики – авторы «скептической школы». При изучении летописей М.Т. Каченовский прошел эволюцию от принятия основных выводов А.-Л. Шлецера по русскому летописанию, согласно которым летописный текст был создан в начале XII в. преподобным Нестором, но из-за утери протографа исследование летописи должно вестись по пути «очистки» текста сохранившихся более поздних списков от ошибок, искажений, вставок переписчиков, к отрицанию самого факта создания летописи Нестором в XII в.

Проблемы, исследуемые М.Т. Каченовским, на первый взгляд не выходили за рамки внешней критики источника и состояли в определении авторства, места и времени создания древнейших летописей. В качестве возможных источников древней русской летописи указывались византийские летописи, отдельные записки о событиях (т.е. летописные записки). Одновременно обращалось внимание на параллели к некоторым летописным сюжетам в зарубежных источниках, в частности – в исландских сагах (смерть Олега от укуса змеи, месть Ольги древлянам и т.п.). Но решение этих вопросов было подчинено постановке задач внутренней критики, сводившейся к проверке соответствия выводов, полученных при проведении внешней критики, «духу времени» XI–XII вв.

М.Т. Каченовский специально подчеркнул, что «происшествия первых столетий в летописях наших записаны несовременными свидетелями оных, что изо всех списков известных самые древние не старше четырнадцатого века, и что переписчики подновляли текст, дозволяли себе изменять его, руководствуясь понятиями своего века, управляясь обстоятельствами и собственным образом мыслей – истина доказанная» [14, с. 28]. Он не отрицал факта потенциального существования более древних летописных списков, предшествовавших сохранившимся спискам XIV–XVI вв., но указывал, что переписчики не механически копировали тексты, а вносили поправки, изменения, сокращали и расширяли отдельные части текста и сами становились авторами, создавая фактически новые редакции текста. При этом понятие «редакция» для историка совпадало с понятием «список». Поэтому летописные списки XIV–XVI вв., по его мнению, отражают реалии того времени, когда они были созданы, а не IX–XII вв.

Хотя М.Т. Каченовский не пользовался непосредственно рукописными источниками, а цитировал ранее опубликованные тексты, его выводы ученики восприняли как непреложную истину. С.М. Строев процитировал Каченовского,

не ссылаясь на первоисточник: «Летописи наши суть не что иное, как сборники, составленные в позднейшие времена (в конце XIII или начале XIV ст.) из различных сочинений, писанных отдельно и в разные века. Сочинения эти вносились в сборники, или летописи наши, иногда без всякой перемены, слово в слово, со всеми аз, ми, мне и пр., иногда же с большими или меньшими переменами, сокращенные или распространенные» [15, с. 40–41].

Приемы «высшей» критики («критическое исследование» путем «разложения наших временников на составные их части»), сравнительно-исторический метод и сопоставление разновидовых источников, в частности летописей и договоров Руси с Византией X в., здравый смысл позволили С.М. Строеву сделать окончательный вывод о характере и времени появления русского летописания: «...летописи писаны в конце XIII или в начале XIV столетия» [16, с. 478, 479].

Другой ученик М.Т. Каченовского – В. Виноградов – заметил в русских летописях сухость, противоречивость, продолжительные перерывы, сбивчивость, несообразность. Он считал, что летописи указывают «на век мифологический, неясный и сомнительный» и на маловероятность «оных происшествий в первые времена государства и особенно в первый век его, до принятия веры Христианской». На многих хронологических отрезках летопись, по его мнению, как бы «истощается», летописец прибегает к «совершенно неуместным вставкам», поэтому «система наших летописей представляет как бы сводные места, говоря попеременно, что происходило в нашей Руси, и что потом в Византии; но зато пропускаются несколько лет сряду происшествия нашего государства». Это периоды 886–907 гг., 921–940 гг. и др. [17, № 15–16, с. 172–174].

Отсюда следует вывод: русские летописи созданы во второй половине XIV в., если не позднее, поскольку сохранившиеся списки «написаны в духе своего времени (т.е. XIV в. – К.У.), с некоторым, весьма неудачным применением к первому веку нашей младенчествовавшей державы». В Средние века, по мнению В. Виноградова, «вообще любили примешивать к чистой истине что-нибудь постороннее», а отечественные «писцы невежественные» тем более, «не постигая достоинства исторической истины, приплели к ней свои нелепые вымыслы» [17, № 17–18, с. 19–20]. Автор имел в виду не непонятные слова и сбивчивые фрагменты, вина за которые лежит на невежественных переписчиках, а общий дух летописей, их содержание, несообразное, по его мнению, с духом времени XI–XII вв.

Таким образом, именно Повесть временных лет для историков XVIII–XIX вв. служила основным источником для реконструкции событий ранней русской истории. Несмотря на сомнения некоторых исследователей, нижние хронологические границы русского летописания большинство исто-

риков датировали XI – началом XII в. [18, с. 148]. Наиболее полным и достоверным историки признавали летописный свод, в котором описание событий доводится примерно до 1110 г. – «Повесть временных лет».

Последовательное применение русскими историками критического метода в изучении летописей сделало возможным появление нового этапа всестороннего изучения древнерусских письменных памятников; способствовало изданию большого корпуса архивных материалов, введению исторических источников в научный оборот. Критический метод изучения исторических источников стал господствующим в русской исторической науке XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Whittaker Cynthia Hyla. The Idea of the Autocracy Among Eighteenth-Century Russian Historians // Russian Review. 1996. Vol. 55, N 2.
2. Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
4. Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.
5. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I.
6. Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I.
7. Шлецер А.-Л. Нестор. Русские летописи на Древле-Словенском языке. СПб., 1809. Ч. 1.
8. Шлецер А.-Л. Нестор. Русские летописи на Древле-Словенском языке. СПб., 1819. Ч. 3.
9. Умбрашко К.Б. Критическое изучение актовых источников в отечественной науке первой половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1.
10. Софийский Временник или Русская Летопись с 862 по 1534 год / изд. П. Строев. М., 1820–1821. Ч. 1–2.
11. Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия: изд. проф. Тимковского [Р.Ф.], прерывающееся 1019 годом. М., 1824.
12. Эверс И.-Ф.-Г. Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. М., 1825.
13. Полевой Н.А. История русского народа: в 3 т. М., 1997. Т. 1.
14. Каченовский М.Т. Два рассуждения: о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849.
15. Строев С.М. О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834.
16. Строев С.М. О пользе изучения отечественной истории в связи со всеобщей // Учен. зап. Моск. ун-та. 1833. № VI.
17. Виноградов В. О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей истории // Вестник Европы. 1830.
18. Умбрашко К.Б. Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // Философия образования. 2006. Спец. вып. № 2.

Статья поступила
в редакцию 25.11.2012

УДК 655.4:329(15)

Н.С. МАТВЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ (ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX в. – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI в.)

канд. ист. наук,
ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: matveeva@academ.org

В статье рассматривается история издания печатной продукции леворадикальными политическими организациями России в последнем десятилетии XX в. – первом десятилетии XXI в. Выявляются особенности содержания и формы выпуска ультракоммунистической прессы в современных условиях.

Ключевые слова: издательская деятельность, Россия, пресса, коммунистические партии.

Издательская жизнь, начавшаяся в России после обретения свободы печати и отмены цензуры, явила книговедам феномен независимой общественно-политической печати, о котором научная общественность в советскую эпоху имела смутное представление. С начала 1990-х гг. в России увеличивалось количество общественно-политических организаций и степень их разнородности, активизировалась партийная деятельность, в том числе издательская (было зарегистрировано около 1200 изданий, имевших четкую политическую направленность) [1]. Появившиеся печатные издания не только отражали настроения и взгляды определенной части российского общества, но и давали возможность влиять через печать на их формирование.

Из всех политических сил, действующих сегодня в России, коммунистическое движение является наиболее структурированным и опирается на значительную часть электората. Вместе с тем, очевидно, что оно не представляет собой монолитную силу, наподобие Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). На современном этапе развития общества целый спектр партий и организаций, называющих себя коммунистическими, отражает различные ориентации – от социал-демократизма до сталинизма.

К ультралевым коммунистическим партиям относятся: Всероссийская коммунистическая партия большевиков, Российская коммунистическая рабочая партия, Трудовая Россия и др. Характерными чертами данных партий являются их антиноменклатурность, принадлежность к непримиримой оппозиции и ярко выраженное неприятие Коммунистической партии Российской Федерации. В своей идеологии они сохранили классовый подход к общественным явлениям, отрицание частной собственности и установку на социалистическую революцию.

Идейно-политическая деятельность Всероссийской коммунистической партии большевиков (ВКПБ) распространяется, кроме России, еще на две страны Содружества Независимых Государств и освещается в центральных партийных

газетах «Рабоче-Крестьянская правда» (Харьков), «Вперед» (Минск), «Серп и Молот» (Красноярск), «Революция» (Красноярск) и в региональных изданиях.

Газета «Серп и Молот» – центральный печатный орган ВКПБ – выпускается ежемесячно с апреля 1993 г. Тираж издания колеблется от 7500 до 4500 экз. Редактором до 1997 г. был Л. Новоселов, в последующие годы – В.В. Матвейко, В.Н. Комаров. На апрель 2013 г. издано 236 номеров. На своих страницах в рубрике «Патриоты, наше дело правое!» газета пропагандирует собственную литературу, объявляя на нее подписку. В современных условиях «Серп и молот» держится на «энтузиазме активистов, читателей и материальной поддержке членов и организаций ВКПБ, видящих в газете своего единомышленника»¹.

В Украине с 31 декабря 1996 г. выходит общественно-политическая газета ВКПБ «Рабоче-крестьянская правда». Ее главным редактором является А.А. Маевский. На апрель 2013 г. издано 194 номера средним тиражом 5500 экз. С № 7 за июль 2012 г. на страницах «Рабоче-крестьянской правды» публикуется газета «Молодой большевик» – печатный орган «Всесоюзной молодой гвардии большевиков» (ВМГБ). С января 2011 г. в России выходит самостоятельная газета ВМГБ – «Революция» (999 экз.)². Главным редактором издания является Е. Фатьянова. На апрель 2013 г. выпущено 28 номеров.

К региональным изданиям ВКПБ относятся: «За диктатуру пролетариата» (газета партийных организаций ВКПБ и рабочего движения Северного Кавказа), «Большевик Кавказа» (Краснодар), «Большевик Ставрополя» (Минне-

¹ Шанарев Ю.Ф. 100 трудных шагов борьбы // Серп и молот. 2011. № 7 (100). июль. С. 1.

² В 2000–2001 гг. одноименную газету «Революция», № 1–4 разместило на своих страницах периодическое издание РКРП «Мысль». В частности, в № 9 (200) за 2001 г. опубликован №3 «Революции» (ответственный за выпуск молодежной страницы РКСМ(б) – А. Буслаев).

ральные Воды), «Большевик» (Саранск), «Молодогвардеец» (ВМГБ, Брянск), «Говорит народ» (Владивосток) и др.

«Искра» (Москва) – печатный орган Центрального комитета Всесоюзной партии «Союз коммунистов» и одноименного Международного общественного объединения³. Газета выходит ежемесячно с мая 1994 г. под девизом: «Из искры возгорится пламя!». Тираж газеты колеблется от 999 экз. в 1994 г. до 10 тыс. экз. в 2012 г. На апрель 2012 г. издано 173 номера. Бессменным главным редактором газеты является В.С. Марков.

К концу 1991 г. в Москве центром сбора левой оппозиции стала площадка у входа в Музей В.И. Ленина, где распространялись в том числе газеты Российской партии коммунистов: «Коммунист Ленинграда», «Звезда» (Санкт-Петербург), «Российская правда» (Москва); Объединенного фронта трудящихся: «Контраргументы и факты» (Нижний Новгород); «Буревестник» (Ростов-на-Дону); Общества «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы»: «Дубинушка» (Москва), «Единство» (Орел), «Андроповская правда» (Кола, Мурманская область).

«Известия ЦК РКРП» (Санкт-Петербург) – печатный орган Центрального Комитета Российской коммунистической рабочей партии (РКРП). Бюллетень выходил нерегулярно с декабря 1993 г. по 2001 г. Главный редактор – Ю. Терентьев.

В начале 1990-х гг. РКРП была одним из самых известных политических объединений. Отделения партии, а затем и периодические издания РКРП и учрежденного при участии партии движения «Трудовая Россия» возникли в 1992–1993 гг. во многих городах Российской Федерации⁴.

Точку зрения ленинградской организации РКРП представляло массовое региональное издание – газета «Народная правда» (Ленинград – Санкт-Петербург). Газета с 1991 г. издавалась еженедельно большим для левой оппозиции тиражом в 200 тыс. экз. В середине 1992 г. в связи с финансовыми трудностями издание было приостановлено, в октябре 1993 г. запрещено [2, с. 154]. Возобновление издания стало возможным благодаря инициативе и содействию широкого круга профсоюзных организаций, поддерживавших Программу профсоюзов «Задачи коллективных действий», общественных распространителей и читателей. «Народная правда» аккредитована в Государственной Думе России, Законодательном собрании и администрации Санкт-Петербурга⁵. Первым главным редактором был В.Г. Долгов, в 2000-е гг. – М. Попов. Тираж газеты в 2009–2012 гг. составлял 10 тыс. экз. На начало 2013 г. издано 147 номеров.

³ До июля 1994 г. газета выходила как печатный орган областной организации РКРП (г. Свердловск–Екатеринбург).

⁴ «Коммунист Кузбасса» (г. Киселевск, Кемеровская область); «Диалектика» (Москва); «Ленинский путь» (Усолье-Сибирское); «Трудовая Вологда»; «Народный выбор» (Тверь); «Трудовая Самара»; «Трудовой Воронеж»; «Трудовая Гатчина»; «Трудовая Калуга»; «Советское информбюро» (Москва); «Псковский набат»; «Искра» (Свердловск); «Трудовая Тюмень»; «Информационный листок: общественного патриотического движения «Трудовое Подмосковье» (Коломна); «Наш выбор» (Нижний Новгород); «Товарищ» (Новосибирск); «Вечерний Ленинград» и др.

⁵ 20 лет «Народной правде» / URL: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/5819/1/> (дата обращения: 20.04.13).

«Молния» (Москва) – газета Исполкома «Трудовой России», издается с 1990 г. Редактор и учредитель – В.И. Анпилов. Тираж колеблется от 14 тыс. до 100 тыс. экз. В 1992–1993 гг. семь номеров «Молнии» издавались совместно с газетой «Что делать?»⁶. «Молния» в регулярной рубрике «Ищу издателя» публикует объявления о помощи для выпуска книг и брошюр коммунистической направленности, например, издания «Еще раз о роли личности в истории» и т.п.⁷

Редакцией газеты издаются книги в серии «Библиотека газеты «Молния»». Так, в 1992 г. выпущен сборник «Избранных стихов» известного «пролетарского поэта», лидера коммунистической оппозиции Б.М. Гунько⁸ (тираж 20 тыс. экз.). Издание состоит из трех разделов: «Ждет Россия», «Демократы» и «Наши». Собранные стихи «расхотелись в сотнях и тысячах «слепых» ксерокопий»⁹. В № 59 за 1993 г. «Молния» предлагает данный сборник партийной поэзии наложенным платежом¹⁰.

«Трудовая Россия» (Санкт-Петербург) – печатный орган Центрального комитета РКРП, Российского Исполнительного комитета Съезда Советов рабочих и Исполкома движения «Трудовая Россия». Газета выходит с марта 1994 г., главный редактор – В.А. Тюлькин. Средний тираж в 1996–2002 гг. составил 30 тыс. экз. Самым большим тиражом (32 тыс. экз.) вышел № 23(104) за 1999 г., посвященный 120-летию со дня рождения И.В. Сталина. На страницах «Трудовой России» № 6(152) за март 2002 г. размещен № 7 молодежной газеты «Аврора», подготовленный Комиссией ЦК РКРП–РПК по работе с молодежью и Революционного коммунистического союза молодежи.

«Трудовая Россия» активно пропагандирует периодические и непериодические издания РКРП, РКРП–РПК в рубрике «Рекламный отдел «ТР». Так, в № 5(25) за 1996 г. размещен призыв к подписке на газету «Вечерний Ленинград»¹¹, в № 6(152) за 2002 г. – на журнал «Марксизм и современность»¹², а в № 12(93) отмечено, что библиотека ЦК РКРП реализует «Избранные сочинения» В.И. Ленина и «Избранные сочинения» К. Маркса и Ф. Энгельса¹³.

27 октября 2001 г. в Москве состоялись съезды РКРП и Революционной партии коммунистов (РПК). Делегаты утвердили решение съездов об объединении членов этих партий «в единую политическую партию «Российская коммунистическая рабочая партия – Революционная партия коммунистов» (РКРП–РПК)»¹⁴. В 2012 г. произошло объединение двух

⁶ Газета Центрального фронта трудящихся России. Издавалась с ноября 1990 г. под девизом «Социалистическое отечество должно принадлежать людям труда!». Редактор – В.М. Якушев. Издание более агрессивное, чем «Молния». Тираж от 10 тыс. (декабрь 1997 г. – январь 1998 г.) до 70 тыс. экз. (март–апрель 1992 г.).

⁷ Ищу!// Молния. 1991. № 23, авг. С. 4.

⁸ Всего Б.М. Гунько выпустил при жизни три сборника: «Избранные стихи», «Злые стихи», «Революция и любовь».

⁹ Коротышев П. Пламенное слово поэта-коммуниста // Молния. 1992. окт. № 41. С. 4.

¹⁰ Объявление // Молния. 1993. № 59, июнь. С. 4.

¹¹ Внимание! Подписка // Трудовая Россия. 1996. № 5(25). С. 4.

¹² Вышел в свет // Трудовая Россия. 2002. № 6(152). С. 4.

¹³ Работает библиотека // Трудовая Россия. 2002. № 12(93). С. 4.

¹⁴ Российская коммунистическая рабочая партия. РКРП–КПСС. URL: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/19/38/> (дата обращения: 20.04.13).

партий – РКРП–РПК и «Союза Коммунистов» в «Российскую коммунистическую рабочую партию в составе КПСС» (РКРП–КПСС). Ее печатными периодическими изданиями сегодня являются газеты «Рабочая правда»¹⁵, международный теоретический и общественно-политический журнал «Марксизм и современность» (Киев)¹⁶, журнал «Советский Союз»¹⁷, газеты «Мысль» (Москва)¹⁸ и «Трудовая Россия» (Санкт-Петербург).

Революционный коммунистический союз молодежи (РКСМ (б)) с марта 1993 г. издает радикальную газету «Бумбараш 2017». Первоначальный тираж газеты – 70 тыс. экз., к 2012 г. он упал до 3 тыс. экз. Первые номера именовались специальными выпусками газеты «Молния». Редактором газеты является П.Г. Былевский. Каждый номер «Бумбараша 2017» имеет свой девиз. В частности, № 1(5) за 1993 г. вышел под девизом «Заветы отцов – выполним!»; № 2(52) за 1999 г. – «Комсомольцы победили ФСБ» и др. С 2002 г. «Бумбараш 2017» – центральный печатный орган РКСМ(б). На апрель 2013 г. выпущено 117 номеров.

К региональным изданиям РКСМ (б) относится газета «Новосибирский комсомолец» (печатный орган Новосибирского городского комитета РКСМ. Выходит под девизом «Буду вечно молодым!»). В 1990-е гг. газета издавалась тиражом 990 экз. под редакцией Р. Крымова. В 2000-е гг. редактором «Новосибирского комсомольца» стал О. Серегин. На начало 2013 г. издано 69 номеров.

К экстремистским лидерам левого молодежного движения России относится «Авангард красной молодежи» (АКМ) – коммунистическая большевистская организация. С 1999 по 2004 г. АКМ являлся молодежным крылом «Трудовой России», затем вышел из ее состава. Сегодня имеет крупное отделение в Новосибирске, которое издает несколько центральных газет АКМ: «Наша Родина СССР!»¹⁹, «Красный реванш»²⁰, «Контрольный выстрел»²¹.

¹⁵ Печатный орган Московского комитета РКРП–КПСС. Главный редактор – Б.А. Пугачев. Издается с ноября 1999 г. На март 2013 г. выпущено 160 номеров, № 3 (160) за март 2013 г. тиражом 7 тыс. экз.

¹⁶ Выходит с 1995 г. Периодичность издания – один раз в квартал. Учредитель – Союз коммунистов Украины. В 2013 г. издан № 1–2 (51–52).

¹⁷ Теоретический журнал «Советский Союз [электр. ресурс]. URL: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/35/60/> (дата обращения 20.04.2013).

¹⁸ Выходит с июня 1990 г. (до 2001 г. как газета РКРП). Ежемесячное издание. Тираж от 4 тыс. до 7 тыс. экз. Главный редактор – А.В. Крючков.

¹⁹ Всего выпущено два номера газеты «Наша Родина СССР!» тиражом 999 экз. (№ 1 в июне 2010 г. издан самостоятельно, № 2 в октябре 2010 г. – совместно с организацией «Красная Гвардия Спартак»). Редактор – А.А. Пугачева.

²⁰ Газета Новосибирской областной организации Российской коммунистической рабочей партии в составе КПСС (РКРП–КПСС). Издается в сотрудничестве с Новосибирским отделением АКМ с 2007 г. тиражом от 999 до 3 тыс. экз. Редактор – О.А. Мазепо. На февраль 2013 г. издано 34 номера.

²¹ На март 2013 г. выпущено 94 номера тиражом 999 экз. каждый. Редактор издания А.А. Пугачева. № 1(94) за март 2013 г., №3(93) за октябрь 2012 г. изданы при поддержке Интернет-сообщества «За Каддафи и его народ»; № 1(68) за апрель 2011 г. – организации «Красная Гвардия Спартак».

Крупные периодические издания левых радикалов, такие как «Рабоче-крестьянская правда», «Молния», «Трудовая Россия» регулярно размещают рубрику «Листовка в газете», публикуя на своих страницах агитационный материал с революционными воззваниями²².

Коммунистическая многопартийность сегодня стала устойчивым феноменом российской политической жизни. Современные технические средства, отсутствие цензурных ограничений и преследований со стороны государственных структур, а также различные формы финансовой поддержки дали жизнь большому числу самых разнообразных по формату, объему, качеству и содержанию листовок, плакатов, газет, журналов коммунистических партий. Для большинства периодических изданий радикально настроенных коммунистов характерны пропаганда революционной борьбы, освещение событий со специфически партийной точки зрения, обличение либеральных элит как виновных в политическом и экономическом положении России, острая критика существующего режима как горстки ставленников и пособников «мирового империализма». Периодические издания леворадикальных политических организаций России стали сегодня неотъемлемой частью общественной жизни страны, демонстрируя под неожиданным углом зрения толерантность и одновременно устойчивость ее демократического устройства.

ЛИТЕРАТУРА

1. История мировой журналистики / Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П. [и др.]. М.; Ростов н/Д: МарТ, 2003.
2. Трукова Е.Н. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996) / под ред. В.И. Тропина. М.: ГПИБ, 2005.

Статья поступила
в редакцию 09.04.2013

²² Товарищ рабочий! // Рабоче-крестьянская правда. 2001. № 8(53). С. 1; 1 мая – День международной солидарности трудящихся! Наш праздник! // Трудовая Россия. 1996. № 5(25). С. 4; Долой империю лжи! // Молния. 1993. № 58, июнь. С. 1; и др.

УДК 655.4/5

О.Н. АЛЬШЕВСКАЯ

**«ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ»:
ИСТОРИЯ КРАСНОЯРСКОГО БИБКОЛЛЕКТОРА В ЭПОХУ РЕФОРМ
(1991–2012 гг.)**

канд.ист. наук,
ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье рассмотрена деятельность в постсоветский период (1991–2012 гг.) старейшего книготоргового предприятия России – Красноярского библиотечного коллектора. Описана история успешного перехода бывшего социалистического предприятия – одного из структурных подразделений Красноярского краевого книготорга – на рыночные рельсы.

Ключевые слова: книжная торговля, Красноярский край, библиотечный коллектор, комплектование библиотек, социокультурная деятельность.

Рубеж XX–XXI вв. стал временем мощного и глубоко по своим последствиям революционного переворота основ государства, его экономики, социальной, правовой и духовной сферы. Беспрецедентные изменения произошли и в книжном деле. За короткий исторический период сложилась новая многоукладная книжная торговля с неведомыми ранее «независимыми» книжными магазинами, книжными сетями, издательско-книготорговыми холдингами, интернет-магазинами. Обозначенный в статье период отличался динамизмом и противоречивостью. Система книжной торговли в постсоветской России несколько раз менялась: будучи разрушенной «до основания», она затем возрождалась, проходя путь развития от лотков и книгонош до гипермаркетов.

Анализируя систему современного российского книжного рынка, можно увидеть, что большинство функционирующих на нем предприятий возникли после 1991 г. Тем примечательнее судьба нехарактерного для «эпохи перемен» предприятия, о котором пойдет речь. Красноярский библиотечный коллектор¹ – организация с советской историей, которая не только выжила в жерновах реформ, сохранив специализацию, но и сегодня остается успешной и востребованной в регионе.

Библиотечные коллекторы – важный элемент советской книготорговой системы, они являлись специализированными хозрасчетными книготорговыми предприятиями по комплектованию книжных фондов библиотек. Бибколлекторы были структурными подразделениями каждого краевого, областного и республиканского книготорга. Они продавали книги только библиотекам и только по безналичному расче-

ту, а также снабжали библиотеки предметами библиотечной техники [1, с. 146].

Накануне приватизации ситуация в книжной торговле была драматической. Распалась вся схема государственных книгопоставок. Система Госкомиздата, насчитывавшая к 1990 г. 16 центральных оптовых книготорговых баз и 75 книготорговых оптовых баз в регионах страны, с первых же шагов рынка стала давать сбои. Предприятия, организующие оптовую поставку книготоргам (Роскнига, Союзкнига), распались; издательства еще не взяли на себя функцию поставщиков. Практически вся Россия осталась без книг, более или менее организованная книжная торговля велась только в Москве. Банковская система пребывала в зачаточном состоянии, в основном расчеты с поставщиками велись за наличный расчет. Система безналичных платежей была ненадежной: деньги пропадали или шли месяцами, поставщики же требовали только предоплату. Транспортные перевозки находились в коллапсе: частные компании только формировались, государственная железная дорога пребывала в состоянии реорганизации. Отсутствовала система информирования о выпускаемой издательствами литературе, отдельные прайс-листы книготорговые организации нерегулярно получали по почте.

В письме от 18 сентября 1991 г., направленном президентом Ассоциации книгораспространителей России (АСКР) В.П. Минка президенту РСФСР Б.Н. Ельцину, АСКР и российский комитет профсоюза работников культуры, описывая сложное положение, в котором оказалась эта «особая» отрасль (книгораспространение), просили оказать содействие. Предлагалось: «приватизацию в книжной торговле проводить в основном путем создания акционерных обществ, народных предприятий и иных форм коллективной собственности с долей личного участия (частного капитала) каждого члена коллектива, не допуская при этом распродажи государственных книжных магазинов с аукционов в полную

¹ История Красноярского библиотечного коллектора началась с 1920-х гг. 20 мая 1920 г. библиотека-коллектор была организована в г. Красноярске при библиотечной секции Енисейского губернского отдела народного образования. В 1930-е гг. бибколлектор был передан в ведение вновь созданного книготорга, структурной единицей которого и являлся до 1992 г.

частную собственность, так как это приведет к ликвидации торговли низкорентабельной, но весьма необходимой населению литературы, такой как учебники, учебные пособия, научные издания для узкого круга специалистов, книги на национальных языках, массовые книги для детей и др. Seriously осложнится снабжение книгами библиотек, учитывая, что этот вид книгораспространения самый низкорентабельный². В письме высказывались опасения, что с развалом отрасли потеряется много узкоспециализированных товароведов-книжников, поскольку их может содержать только крупное предприятие, охватывающее своей деятельностью целый регион, край, область, крупный город или район.

Перестав быть государственными предприятиями, областные, краевые, республиканские книготорги должны были выбрать дальнейший путь развития: остаться в государственной (муниципальной) собственности или приватизироваться и стать частными предприятиями / акционерными обществами. Большинство книготорговых предприятий поменяли форму собственности вопреки желанию руководителей и трудового коллектива. Практически все книготорги Сибирского федерального округа, впрочем, как и все российские книготорги, в 1991–1995 гг. прошли схожий путь «разгосударствления», став сначала акционерными обществами (причем акциями владели члены коллектива), а затем – частными предприятиями. Чаще всего это сопровождалось сокращением количества книготорговых предприятий в регионах: либо книжные магазины и бибколлекторы (бывшие «книготорговские») закрывались совсем, либо в них оставались лишь небольшие книжные отделы.

Приватизация состоялась, но цена спешно проведенных реформ оказалась огромной. Совершенно разрушена была централизованная система опта, которая не смогла восстановиться и в течение последующих двадцати лет. Ликвидация централизованной государственной книжной торговли с ее сетями книжных магазинов, оптовых баз, книготоргов, бибколлекторов, системой предварительных заказов и тематических планов привела к снижению экономических показателей предприятий – рентабельности, эффективности, срока оборачиваемости средств, ликвидности активов. Наряду с другими факторами это стало одной из причин резкого сокращения выпуска книжной продукции. По данным Книжной палаты, кризисный порог отечественного книгоиздания в 1994–1995 гг. сравним разве что с двумя предыдущими точками глубокого упадка: пиковыми годами репрессий 1937–1938 и военными 1941–1944 гг.

Но вернемся к нашему библиотечному коллектору. В конце 1991 г. было принято решение Правительства Красноярского края о приватизации предприятий Красноярского крайкниготорга. В ходе ее проведения вся система крайкниготорга распалась, книжные магазины получили самостоятельность, а бибколлектор остался в составе Краевой книжной базы, в едином помещении с которой он и находился.

В такой сложной ситуации директор бибколлектора Мария Степановна Невмержицкая направила предложение в Управление культуры Красноярского края взять предприятие

под свою опеку. Начальник Управления культуры Г.Л. Рукша был человеком широкого кругозора, знатоком литературы, любил библиотеки и, что особенно важно, понимал значимость централизованного снабжения библиотек. Он положительно решил вопрос о включении бибколлектора в список социально значимых предприятий, не подлежащих приватизации.

В 1993 г. бибколлектор отделили от книжной базы, которую приватизировали, потом продали, и как книжное предприятие она перестала существовать. Библиотечный коллектор стал государственным предприятием краевой собственности, учредителем которого выступили Управление культуры и Государственный комитет по имуществу края. Коллектору было передано в полное хозяйственное ведение имущество: склады, гараж, транспорт. С этого времени и началась «одиссея» нового книготоргового предприятия – хозяйствующего субъекта.

В 1992–1994 гг. в крае еще имелись бюджетные средства на комплектование библиотек, но использовать их в сложившейся на книжном рынке ситуации было очень сложно. Поэтому руководители бибколлектора начали с главного – поисков надежных поставщиков и разработки системы расчетов. Для этого они осуществляли ежемесячные поездки на проводившиеся в стране книжные ярмарки, где устанавливали новые контакты. Так, в Москве М.С. Невмержицкой удалось установились деловые отношения с Издательством «Монолог» и вместе с ним опробовать, одними из первых в стране, новую схему приобретения книг – издательство обменивало свои книги на книги тех издательств, которые интересовали библиотеки края, формируя тем самым партию книг для бибколлектора. Впоследствии на многие годы это стало одним из основных способов работы по комплектованию библиотечных фондов. Такая схема давала возможность книготорговым предприятиям заказать в одном издательстве небольшие партии (от 1 до 10 экз.) книг других издательств по издательским ценам. «А тогда, – вспоминает Мария Степановна – мы с И.К. Павлючик (директором Издательства «Монолог». – О.А.), продумали это “ноу-хау”, ездили вместе по ярмаркам, бегали по московским издательствам – в результате мы имели ассортимент, который хотели, а они – полную реализацию. Благодаря вновь созданной системе нам удалось неплохо скомплектовать библиотеки края необходимой отраслевой литературой. Тогда появились такие издательства, как «Дело», «Феникс» и многие другие, и именно их книги были нужны»³.

Вспоминая перипетии 1990-х, М.С. Невмержицкая рассуждает: «Сейчас, наверное, никто не скажет, сколько денег потеряли библиотеки благодаря так называемой “свободе комплектования”. Министерство культуры в то время повторяло только одно: “Бибколлекторы должны быть разрушены”, не предлагая ничего своего. Они и были разрушены – проданы, репрофилированы, но выиграли ли от этого библиотеки – вопрос. Поставку книг осуществляли сомнительные личности, получив предоплату, многие из них исчезали, деньги пропадали. В крае пошли по другому пути, спасибо Геннадию Леонидовичу Рукше, который вовремя увидел

² О развитии книготорговой отрасли в условиях приватизации и рыночных отношений: письмо Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину от 13.08.91 (архив автора).

³ Интервью с директором Красноярского библиотечного коллектора. 1 ноября 2012 г. М.С. Невмержицкой (архив автора).

опасность и сделал все, чтобы бибколлектор функционировал. Библиотеки тоже быстро осознали, что им грозит, хватило по разу потерять деньги»⁴.

В 1995–1999 гг. в комплектовании библиотек был полнейший застой из-за отсутствия финансирования. Сразу после реорганизации бибколлектора его сотрудниками, параллельно с комплектованием библиотек, было освоено еще одно направление работы – розничная торговля книгами. Это позволило предприятию выживать, продавая книги обычно индивидуальному покупателю, и, таким образом, иметь наличные деньги для оплаты поставщикам. Руководители бибколлектора кооперировались с некоторыми книжными магазинами города и еженедельно кто-то один отвозил в Москву наличные деньги для оплаты поставщикам. Учитывая криминальную обстановку того времени, многим книжникам «советской закалки» – начинающим предпринимателям пришлось испытать немало рисков и препятствий.

В некоторые годы описываемого периода розничная торговля коллектора составляла до 90 % товарооборота. Содействовало этому появление и активная деятельность новых интересных издательств: «ЭКСМО», «Росмэн», «АСТ», «Белый город» и многих других, литература которых пользовалась большим спросом покупателей. Оставшиеся 10 % товарооборота бибколлектор получал не деньгами, а взаимозачетом, векселями и т. п., и именно эти денежные обязательства использовались для комплектации библиотек. Порой система взаимозачетов была очень сложной – иногда цепочка могла состоять из многих составляющих: финуправление края – предприятие-плательщик налогов – бибколлектор – предприятие-поставщик тепла, света – издательство и т. п. Векселя администрации края в банках обменивались на деньги с большими убытками, но за счет вырученных средств бибколлектор мог осуществлять покупку необходимых изданий, например, книг красноярских издательств. Так, за счет взаимозачетов было приобретено практически для всех библиотек края Собрание сочинений В.П. Астафьева в 15 томах. Сегодня, по прошествии почти 20 лет, это собрание сочинений стало раритетным изданием и достаточно высоко оценивается букинистами.

Вместе со всей страной работники бибколлектора осваивали азы рыночной экономики и предпринимательства, учились хозяйствовать в новых условиях при постоянно меняющихся законодательной, налоговой базах. Описывая работу бибколлектора, необходимо учитывать также, что предприятие было государственным и в своей деятельности имело по сравнению с частными предприятиями определенные ограничения.

В 1999 г. библиотечный бибколлектор впервые получил заказ от библиотеки г. Дудинка под «живые деньги» – 70 тыс. руб. На тот момент это была большая сумма. «Мы были просто счастливы, – вспоминает Мария Степановна, – заново начинали заниматься любимым делом: искать, приобретать книги для библиотек, используя весь свой опыт, знания, профессионализм»⁵. Важнейшей к тому времени была сохранившаяся безукоризненная репутация бибколлектора и его руководителей. Книжные издательства считали предприятие

добросовестным и обязательным партнером, так как даже в самое трудное время главным принципом бибколлектора был своевременный и полный расчет. Именно это дало предприятию огромное преимущество – ему всегда безотказно давали книги на реализацию, предоставляли товарный кредит, и бибколлектор обходился без банковского кредита, условия которого в то время напрямую вели к банкротству.

С 1999 г. структура товарооборота бибколлектора стала меняться: доля средств, поступавших от библиотек, росла и к 2012 г. достигла 90 %. Поработав с предприятием однажды, библиотеки необъятного края переходили к постоянному сотрудничеству с ним и рекомендовали бибколлектор как надежного партнера своим коллегам. С 2002 г. в краевом бюджете появились средства на централизованное комплектование библиотек, какие-то деньги стали выделяться и для библиотек муниципальных образований. С 2008 г. существует краевая программа «Культура Красноярска», по которой все муниципальные библиотеки получают субсидии за счет краевого бюджета.

С появлением Федерального закона 94-ФЗ⁶, который предполагает при проведении аукционов и котировок единственный критерий – минимальную предлагаемую цену, положение бибколлектора усложнилось. Однако в условиях жесточайшей конкуренции при появлении большого количества московских фирм, желающих выйти на книжный рынок региона, бибколлектор все-таки остался для 80 % библиотек края единственным и желанным поставщиком.

Критерии, по которым библиотеки отдают предпочтение бибколлектору, имеют вполне внятное экономическое обоснование. Это, прежде всего: полнота ассортимента (количество издательств, количество наименований, которое можно заказать); выполнение единичных заказов по узкой тематике; выгодность (цена ниже, чем у других поставщиков); надежность; комфортность оказания услуг (предварительная информация о планах издательств, целевой поиск литературы, оперативность доставки); доброжелательность и профессионализм коллектива; знание фондов библиотек края и особенностей региона.

Итоги деятельности бибколлектора нашли отражение в приведенной таблице.

К 2013 г. общая площадь бибколлектора составила 1668,7 м², постоянная численность работающих – 28 чел., на период исполнения крупных контрактов дополнительно принимаются еще 5–7 чел. Бибколлектор предлагает для комплектования библиотекам около 30 тыс. названий книг более 500 издательств. На предприятии ведется большая кропотливая работа с ассортиментом: только для краевой научной библиотеки в 2010 г. было приобретено 27 тыс. названий книг, 90 % из них – в 1 экз. Средний процент торговой наценки на издание составил 23 %. Сотрудники коллектора подготавливают рекомендательные списки литературы для библиотек края, составляют спецификации для участия в торгах по просьбам библиотек, выступают с обзорами и

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/reglam/statutes/statute94.htm> (дата обращения: 02.07.2013).

Основные показатели деятельности Красноярского библиотечного коллектора (1990–2011 гг.)

Показатель	Годы											
	1991	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Количество обслуживаемых библиотек	64 ЦБС* 4 краевые 126 – технические 220 – профсоюзные	64 ЦБС	64 ЦБС	64 ЦБС	64 ЦБС	64 ЦБС	64 ЦБС	64 ЦБС, 4 краевые	64 ЦБС, 4 краевые	64 ЦБС, 4 краевые	64 ЦБС, 4 краевые	64 ЦБС, 4 краевые
Товарооборот, тыс. руб.	Около 200**	6487	5086	7460	8581	12128	13282	16840	38782	49505	46555	46222
Розничный товарооборот, %		60	60	40	40	30	30	20	10	5	5	5
Оптовый товарооборот, %	Около 200 тыс. руб.	40	40	60	60	70	70	80	90	95	95	95
Количество сотрудников	38	22	22	22	22	22	22	22	28	36	28	28

* ЦБС – централизованная библиотечная система.

** Объемы оборота приводятся в ценах 1990 г.

анализом книгоиздания в России на совещаниях, семинарах библиотечных работников. Бибколлектор принимал участие в проведении подписки на 30-томное издание Большой Российской Энциклопедии.

Кроме того, что бибколлектор комплектует библиотеки на бюджетные средства, им используются также внебюджетные финансы. Уже в течение нескольких лет коллектор является исполнителем программы «Комплектование библиотек Красноярского края» Некоммерческого фонда культурных инициатив (фонда Михаила Прохорова), участвует в реализации целевой программы «Книжное Красноярье», передает библиотекам бесплатно книги от авторов, издательств, спонсоров. Только за 2010–2012 гг. библиотеки получили такой литературы более 200 тыс. экз.

Завершая описание постсоветской истории «последнего героя» – последнего оставшегося из более чем 80 советских краевых и областных библиотечных коллекторов, необходимо сказать о роли личности в новейшей истории книжного дела России. По мнению известного книговеда А.Л. Посадсков, никогда ранее личность руководителя и (или) главного специалиста не влияла так на судьбу книжной культуры в регионе: «В условиях свободной экономики и конкуренции возникла жестокая необходимость осмысленной и ответственной внутренней (экономической, кадровой, ассортиментной) политики предприятия. Личная ответственность руководителя за финансовые, производственные или эстетические ошибки, а с другой стороны, его личная деловая репутация, личный интеллектуальный интерес к своему делу явились главной составляющей успеха немногих пред-

приятий, выстоявших в этот период» [2, с. 277]. Характерно, что многие старые, оставшиеся от советских времен областные и краевые книготорговые предприятия потерпели в 1991–1999 гг. крах потому, что их руководителям не хватило умения (а порой знаний и желания) твердо вести продуманную деловую стратегию и гибко реагировать на удары рыночной стихии. Немаловажным, а порой и определяющим фактором в этой ситуации были их нравственные качества: честность, порядочность, нестяжательство.

Двадцать лет назад бибколлектор был сохранен во многом благодаря тому, что попал в список «предприятий, не подлежащих приватизации, как социально значимых». Прошедшие годы подтвердили это неформальное почетное звание. Предприятие в непростой период не получало никакой специальной помощи от государства, выживало на собственные средства, при этом еще содействовало социокультурному развитию края. Сегодня Красноярский библиотечный коллектор – успешное современное предприятие книжного бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поливановский С.Е., Успенская В.В.* Организация и техника торговли книгой. М.: Книга, 1981.
2. *Посадсков А.Л.* Кризисы в книжной культуре России как книговедческая проблема // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: материалы Междунар. науч. конф. М., 2010.

Статья поступила
в редакцию 02.04.2013

ПЕТРОВ А.Ю. Наталья Шелихова у истоков Русской Америки. М.: Весь мир, 2012. 320 с.

Интерес к истории Русской Америки в последние годы заметно усилился. Появился ряд солидных документальных сборников, а также публикаций исследователей по различным аспектам открытия и освоения новых заокеанских земель. Работы последних лет отличаются более детальным и личностным подходом к освещению деятельности российских промысловых компаний на Тихом океане. От общих тем историки переходят к более частным региональным и конкретным сюжетам, в том числе связанным с характеристиками наиболее выдающихся представителей Русской Америки. Этим отличается новая книга известного московского историка А.Ю. Петрова, посвященная Наталье Шелиховой – верной сподвижнице и спутнице «Коломба Росского», матери большого семейства и продолжательнице семейного бизнеса. Как известно, клану Шелиховых принадлежит особое место в создании Российско-Американской компании. Но если о Г.И. Шелихове известно и написано достаточно много, то о его супруге почти ничего не известно.

Впрочем, в этом нет ничего странного – такова была судьба женщины в дореволюционной России. В силу объективных и субъективных ограничений, уровня образования, положения в обществе женщинам, даже незаурядным и талантливым, за исключением немногих представительниц дворянского сословия, очень сложно было заслужить сколько-нибудь заметного внимания современников. Им обычно отдавался приоритет в домашних делах и воспитании детей. Во всем же остальном, тем более в делах хозяйственных и имущественных, они могли быть только слабой тенью своих мужей. Это положение женщины в обществе вполне соответствовало патриархальности и домостроевским традициям семейной жизни, освящалось церковными устоями брака.

Вместе с тем в купеческой среде нередко женщины были более самостоятельны и в какой-то степени участвовали в делах супруга. Не так мало примеров, когда после смерти супруга их вдовы брали в свои руки семейное дело, особенно если дети были еще маленькими и не могли стать полноправными наследниками. Многим из сибирячек удавалось умело вести собственное дело, поддерживая на должном уровне семейные капиталы и коммерческую репутацию, активно участвовать в благотворительных мероприятиях. Впрочем, все эти примеры относятся к более позднему времени. Для конца XVIII в. личность Натальи Шелиховой действительно выглядела уникальным явлением, она была едва ли не первым примером женщины-предпринимательницы в России.

Указанная книга – не первое обращение автора к личности Н.А. Шелиховой. Ранее в соавторстве с американской исследовательницей Д. Блек им была опубликована в США книга о ее предпринимательской деятельности и участии в создании Российско-Американской компании¹. Но рецензи-

руемая монография – не просто перевод с английского. Это самостоятельное исследование, основанное на новых материалах, извлеченных из российских и зарубежных архивов. Широко использованы не только центральные, но региональные архивы – Вологодской, Архангельской, Иркутской и Пермской областей. В итоге получилось обстоятельное исследование, в котором на фоне становления и развития предпринимательской деятельности Г.И. Шелихова раскрывается степень участия его супруги в семейном бизнесе, ее конкретный вклад в управление делами, расширение контактов с партнерами и представителями власти.

Автор всесторонне проанализировал сложную ситуацию, сложившуюся в Иркутске после смерти Г.И. Шелихова, подробно характеризуя расстановку сил, замыслы и реальные шаги конкурентов, позицию губернской власти. Но центральной фигурой всех этих событий для него была Наталья Шелихова. Он показывает, как этой женщине в сложных условиях конкурентной борьбы удалось отстоять и продолжить начатое мужем дело, более того, убедить власти и самого императора в утверждении объединенной российской компании на Американском континенте. Автор убедительно раскрывает личную роль Натальи Шелиховой в организации акционерной Российско-Американской компании, сумевшей эффективно использовать фамильный ресурс и связи мужа.

В завершающем разделе работы раскрывается роль Российско-Американской компании в реализации планов освоения территорий в северной части Тихого океана, расширении и укреплении торговых связей с Китаем, Англией и США. Отдельный раздел посвящен дальнейшей судьбе многочисленного клана Шелиховых уже после смерти Натальи Алексеевны в 1810 г. Автором впервые приводятся полные сведения об объеме семейного бизнеса, разделе имущества и о количестве акций Российско-Американской компании, которые находились в руках у представителей семейства Шелиховых.

При чтении книги не могли не появиться некоторые замечания частного характера. Есть некоторые сомнения в названии книги. Главным делом жизни Натальи Алексеевны было сохранение семейного бизнеса и реализация идей ее мужа по созданию объединенной промысловой компании, поэтому правильнее в названии было бы отразить ее роль именно в создании Российско-Американской компании.

Больше хотелось бы узнать о внутрисемейных взаимоотношениях, о роли Натальи Алексеевны как хранительницы семейного очага и матери большого семейства. И конечно, можно было бы более полно представить роль Иркутска, о котором американский путешественник Дж. Ледьярд писал в августе 1787 г., что здесь он оказался «в кругу столь же веселом, богатом, вежливом и ученом, как и в Петербурге». На наш взгляд, книга только выиграла бы от более детального описания иркутской среды, в которой сформировались личность и характер Натальи Алексеевны.

Отмеченные шероховатости объясняются новизной темы, недостаточным представлением в архивах материалов личного происхождения. Они ни в коей мере не снижают достоинств исследования, оригинальность авторских

¹ *Bleck D., Petrov A. Natalia Shelikhova. Russian Oligarch of Alaska Commerce. Fairbanks, 2010.*

наблюдений и выводов. Хотелось бы отметить строгое и изящное оформление книги, насыщенный, информативный подбор иллюстраций. В приложении представлена обстоятельная подборка документальных материалов, среди которых выделяются письма Наталии Алексеевны к мужу. Они – лучшее доказательство самого тесного участия супруги в его делах и предприятиях, в то же время очень эмоциональны, свидетельствуют о глубоких чувствах и неразрывной связи супругов.

Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук. Последняя четверть XIX – первая четверть XX в.: каталог изданий и избранные тексты / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: БАН, 2012. 459 с.: ил.

Представительный каталог гектографированных изданий давно остро требовался всем исследователям поздней старообрядческой книжности. Н.Ю. Бубнов предпринял поистине титанические усилия, описав 578 гектографированных изданий на основе 700 экземпляров, хранящихся в собраниях Библиотеки РАН (с. 5). В глаза сразу бросается важная особенность каталога: большинство изданий описано по единственному экземпляру, но в нем приводятся данные как об издании, так и об экземпляре. Принятый принцип характерен скорее для описания рукописей, поскольку признаки издания старопечатных книг, как правило, определяются на основе анализа нескольких экземпляров. Однако Н.Ю. Бубнов справедливо отметил: «Старообрядческие гектографированные издания занимают как бы промежуточное положение между печатной и рукописной книгой» (с. 6). Исходя из этого, составителю каталога пришлось решать очень сложную задачу: как совместить те и другие правила описания, избегая их механического объединения. Н.Ю. Бубнов попытался создать схему описания, наиболее адекватную этому необычному и сравнительно недолго существовавшему в староверии типу книжности – гектографированным изданиям.

Разумеется, у составителя данного каталога были предшественники, которые в соответствующем месте и упомянуты: уральский историк П.И. Мангилев, в 1989–1993 гг. разработавший «методику описания гектографированных изданий» и составивший «указатель-перечень этих изданий... из 100 названий», Т.В. Панич и Л.В. Титова, описавшие «гектографы» Собрания Института истории СО РАН в составе его рукописной части¹ (с. 10). Имеется здесь и правильная конструктивная критика работы А.П. Крахмальникова над гектографированными изданиями староверов белокриницкого согласия. К сожалению, Н.Ю. Бубнов не сообщает, что

¹ Н.Ю. Бубнов упомянул только Описание, вышедшее в 1991 г. С тех пор вышли еще два тома Описания рукописей того же Собрания – в 1998 и 2011 гг.

Сказанное выше придает серьезному научному исследованию А.Ю. Петрова более популярный характер, чему способствует также живой образный язык автора. Тем самым расширяется читательская аудитория, получившая возможность ближе познакомиться со столь незаурядной личностью, как Наталья Алексеевна Шелихова.

канд. ист. наук *В.П. Шахеров*,
Иркутский государственный университет

он считал достойным использовать из разработок своих квалифицированных предшественников (П.И. Мангилев, Т.В. Панич и Л.В. Титовой) в новой схеме описания. Упоминается лишь о том, что первый выработал формулу, близкую к схеме описания старопечатных книг, а Т.В. Панич и Л.В. Титова добавили к этому «ряд дополнительных элементов». Однако в обоих случаях, по мнению Н.Ю. Бубнова, недостаточно внимания уделено содержательной части. Не вызвала его замечаний лишь работа А.А. и Н.В. Савельевых, опиравшихся на методику П.И. Мангилева, но раскрывших и содержание 15 «гектографов» Пинежского собрания Древлехранилища ИРЛИ (с. 11).

В этой связи следует заметить, что составители каталогов старопечатных книг в последние годы также больше внимания, нежели ранее, уделяют росписи содержания издания. В качестве примера можно привести работы А.А. Гусевой: например, в своем капитальном двухтомном труде («Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века». Сводный каталог: в 2 кн. М., 2003) внутри тетрадной формулы она вводит данные оглавления. Что касается старообрядческой книги, то здесь нужно отдать должное А.В. Вознесенскому: уже более 20 лет назад он ввел в схему описания такой элемент, как состав старообрядческих изданий с подробной его росписью (см.: Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX века: каталог / сост. А.В. Вознесенский. Л., 1991).

Н.Ю. Бубнов подробно обосновывает во введении к каталогу порядок описания «гектографов». После названия дается шифр экземпляра в собрании. Указание шифра на одном из первых мест присуще описанию не изданий, а экземпляров как рукописей, так и печатных книг. В каталогах старопечатных книг шифры экземпляров, послуживших основой для описания издания, даются обычно в самом конце, перед библиографией. Выше мы уже отмечали, что Н.Ю. Бубнов избрал путь одновременного описания издания и экземпляра. Даже когда экземпляров несколько, описание дается по одной схеме, и автор-составитель приводит тому убедительные резоны. По его наблюдениям, «гектографированные издания часто нестабильны по своему составу и оформлению», исправления могли вноситься после каждого «завода» в 100 экземпляров и т.п. (с. 12). Решить, что есть экземпляр определенного издания, что – его вариант, а что – уже другое издание, действительно, сложная исследовательская задача,

с которой автор блестяще справляется на огромном массиве своего материала.

После шифра Н.Ю. Бубнов помещает сведения об авторе, составителе и издателе, если таковые имеются, заключая в квадратные скобки информацию, добытую в ходе исследования, а не содержащуюся в самом издании. Последний вариант встречается в описании достаточно часто: Н.Ю. Бубнову, несомненно, пришлось проделать огромную работу, хотя некоторых неточностей ему не удалось избежать. Так, называя автора «Коновалов Андрей, авт.» (с. 13), составитель взял сведения из названия сочинения. Корректнее было бы дать имя с отчеством, тем более что оно далее есть в описании № 17 (с. 32). Другой пример: в качестве автора Поморских ответов Н.Ю. Бубнов в квадратных скобках именует А. Денисова (с. 194), но общеизвестно, что сочинение было коллективным, поэтому следовало указать основных авторов. Большую четкость хотелось бы видеть в конфессиональных характеристиках. Так, о Д.В. Батове, знаменитом наставнике общины староверов поморского согласия, приемлющего браки, Н.Ю. Бубнов пишет во введении просто как о беспоповце. Там же, впервые рассказывая об авторе и составителе многих старообрядческих сборников М.И. Бриллиантове, он не упоминает, что тот принадлежал к белокриницкому согласию. Тут же, через запятую, помещены сведения о М.И. Залесском, которого Н.Ю. Бубнов определяет как деятеля «скрытнического направления в старообрядчестве» (с. 14). Скрытники – несомненно, севернорусский вариант согласия странников (автор-составитель в качестве синонима здесь употребляет также термин «бегуны»). Каталог не является региональным, логично было бы в этом и всех остальных случаях применять общероссийский термин «странники». Мы так подробно останавливаемся на данном вопросе именно потому, что Н.Ю. Бубнов высказал в предисловии серьезную озабоченность по поводу правильного конфессионального отождествления персонажей и изданий своего каталога.

Сложные проблемы стояли перед автором-составителем каталога при определении дат издания гектографированных рукописей, которые по понятным причинам в книгах часто сознательно не указывались. Он справедливо отмечает, что опасно опираться только на датировку бумаги по штемпелям, тем более что она подчас содержит ошибки. Автор принял неоднозначное решение в ряде случаев датировать издание по имеющимся в нем указаниям на время написания рукописи или же на дату тех событий, о которых в ней идет речь. Н.Ю. Бубнов сознает всю условность такой датировки и предлагает читателю ее учитывать. Соображения автора можно принять, и все же поначалу никак не можешь примириться, что издание, например, определено как появившееся в 1882 г., далее же видишь ссылку на датировку бумаги экземпляра по одному из альбомов С.А. Клепикова, которая укладывается в диапазон 1895–1902 гг. (с. 37, № 29). Упомянем кстати, что составитель каталога принял решение помещать дату издания в начале схемы описания, после указания автора, составителя или издателя; место же издания отстоит от даты довольно далеко. Отличие от принятого порядка описания старопечатных книг здесь, нам кажется, не очень мотивировано, тем более что место издания, как правило, не всегда известно.

Во введении одиннадцатая позиция в схеме описания посвящена украшениям и иллюстрациям, несколько из них Н.Ю. Бубнов поместил в конце каталога в качестве примеров. Трудно переоценить значение этого элемента описания: нам крайне мало известно о народных мастерах в этой области художественного творчества в конце XIX – начале XX в. Вероятно, одно из приложений можно было бы посвятить орнаментике и иллюстрациям гектографированных изданий – подобно тому, как это сделал А.В. Вознесенский в каталоге «Кириллические издания старообрядческих типографий...»: на 23 листах он поместил 159 изображений. Конечно, для гектографированных изданий значение подобной публикации больше ознакомительное: определить типографию с ее помощью, скорее всего, маловероятно. И все же такое начинание вполне может не только существенно просветить нас в художественной культуре старообрядческой рукописи позднего периода, но и одарить неожиданными открытиями в сфере издания «гектографов». Естественно, это лишь пожелание: Н.Ю. Бубнов и без того выпустил очень объемный каталог, а дополнительная работа с изображениями могла бы задержать его выход в свет на годы. И так Николаю Юрьевичу в конце его работы явно не хватило времени, чтобы окончательно «причесать» текст, в который вкралось немало огрехов и небрежностей: проскочили орфографические ошибки, есть падежные несогласования, встречаются повторы (так, на с. 26 в описании № 5 дважды повторено место выхода), элементы описания иногда перемешаются (например, то же место выхода в № 1 и № 2) и т.п. Бедный С.А. Клепиков мало того, что не попал в именной указатель, в ссылках к введению он лишился имени и отчества, а его альбомы не имеют ни полного названия, ни выходных данных – видимо, по недосмотру сюда попал «рабочий» вариант. Это касается и ссылок на А.П. Крахмальникова. Кроме очевидных небрежностей, есть несколько весьма категоричных высказываний на общие темы, с которыми нельзя согласиться. Так, в начале введения Н.Ю. Бубнов утверждает, что «древняя традиция книгописания... в России... была... продолжена вплоть до середины XX века» (с. 5). И сейчас староверы пишут в немалых количествах, о чем неустанно рассказывают археографы всей страны! Точно так же он утверждает, что «бурное развитие старообрядческой прессы» после закона о веротерпимости 1905 г. вытеснило «из обихода не только рукописную книгу, но и гектографированные издания» (с. 7), а это совершенно не так, особенно для периферии. Трудно поверить, что образованный лидер «скрытников» М.И. Залесский якобы сознавал «историческую обреченность скрытнической общины» (с. 9)! Так могли бы выразиться, пожалуй, его антагонисты – большевики. Однако все отмеченные недостатки, хотя и весьма досадны, совершенно не обесценивают грандиозной работы Н.Ю. Бубнова, его новаторских подходов, которые хотя и не всегда абсолютно верны, однако дают пищу для размышлений и дальнейшего продвижения в очень трудной области описания гектографированных изданий. Хочется поздравить Н.Ю. Бубнова и всех нас с появлением интереснейшего исследовательского каталога – явления, не столь частого на нашем научном горизонте.

Д-р ист. наук *Н.Д. Зольникова*,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ»
(НОВОСИБИРСК, 23–24 АПРЕЛЯ 2013 г.)

23–24 апреля 2013 г. в Новосибирске состоялась Международная научная конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» с участием польских и российских ученых – специалистов в различных областях истории Сибири, конкретных вопросах польско-сибирской истории и польско-российских отношений. Организаторами научного форума стали Институт истории СО РАН, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Институт истории им. Т. Мантейфеля Польской академии наук, Педагогический университет им. Комиссии национального образования в Кракове, Постоянное представительство Польской академии наук при Российской академии наук, Посольство Республики Польша в Российской Федерации, Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске, культурно-просветительная общественная организация «Дом польский в Новосибирске». Конференция была подробно анонсирована на сайте Президента Республики Польша Бронислава Коморовского – тем самым дополнительно подчеркнута ее важность для польско-российского сотрудничества, диалога и дружбы между нашими народами.

Новосибирск впервые посетила такая многочисленная и представительная делегация польских историков. Среди 15 ученых, приехавших на конференцию, было 8 профессоров, представляющих академическую элиту (как Институт истории Польской академии наук, так и ведущие университеты страны – Варшавы, Кракова и Торуня). С российской стороны участниками форума стали более 50 специалистов из Новосибирска, Москвы, Кургана, Томска, Кемерово, Барнаула, Абакана, Красноярского края, Иркутска, Улан-Удэ, Кызыла. В работе конференции принял активное участие генеральный консул Республики Польша в Иркутске г-н Марек Зелиньский.

Началу конференции предшествовало знакомство польской делегации с новосибирским Академгородком и визиты в Институт истории СО РАН и Новосибирский государственный университет. В Институте истории СО РАН 22 апреля состоялся круглый стол «История как фактор сближения России и Польши в современном культурном пространстве». Главными его участниками, помимо польских коллег, стали ведущие ученые института – директор чл.-кор. РАН В.А. Ламин, д-р ист. наук, проф. Н.С. Гурьянова, д-р ист. наук, проф. Н.П. Матханова. В качестве модератора был приглашен известный сибирский полонист – д-р ист. наук, проф. В.А. Скубневский (Алтайский государственный университет).

В выступлениях д-ра ист. наук, проф. М. Волоса (бывшего Постоянного представителя ПАН при РАН) и канд. ист. наук П. Глушковского (Центр польско-российского диалога и согласия, Варшава) была дана положительная оценка перспектив научного сотрудничества историков

Польши и России, отмечен позитивный и конструктивный настрой в изучении различных тем, в том числе и традиционно «сложных». В частности, о принципах объективизма в исследовании польско-российской истории середины XX в. (ссылка и депортация польских граждан) говорила канд. ист. наук А. Запалец (Краков, Педагогический университет им. КЕН), а проф. К. Блаховска (Варшавский университет) в своем выступлении подчеркнула важность объективного и непредвзятого использования историками географической и политической терминологии XIX–XX вв. Залог будущей успешной совместной работы ученых России и Польши в изучении прошлого – всестороннее и предельно честное освещение исторического опыта, поиск позитивных идей, призванных объединить и примирить исторических оппонентов. Важная задача сегодня – создание позитивного образа Польши в России и России в Польше, в том числе и в историческом ракурсе. Круглый стол стал своеобразной прамбулой конференции, его основные идеи предопределили главную концепцию этого форума и общий настрой участников.

Основные заседания конференции проходили в ГПНТБ СО РАН. На открытии с приветственным словом к гостям научного форума обратились: председатель Комитета по международному сотрудничеству и внешнеэкономическим связям мэрии г. Новосибирска С.В. Санников, генеральный консул Республики Польша в Иркутске М. Зелиньский, директор Института истории СО РАН, чл.-кор. РАН В.А. Ламин, директор ГПНТБ СО РАН, д-р техн. наук, проф. Б.С. Елепов.

В дни работы конференции состоялось три пленарных и пять секционных заседаний. Само название форума предполагало очень широкий спектр вопросов и тем для обсуждения – иначе и не могло быть при таком солидном представительстве ученых.

23 апреля первое пленарное заседание открыл один из ведущих российских полонистов – д-р ист. наук, проф. Л. Е. Горизонтов (Москва, НИУ «Высшая школа экономики»). Его доклад был посвящен познавательному потенциалу изучения российско-польской истории XIX–XX вв. Опыт польско-российского сотрудничества с 1995 по 2012 г. в рамках Постоянного представительства Польской академии наук в Москве обобщил д-р ист. наук, проф. М. Волос (Краков, Педагогический университет им. КЕН). В докладе канд. филос. наук, доцента Е.А. Ерохиной (Новосибирск, Институт философии и права СО РАН) рассматривалось место России и Польши в пространстве философских концепций XIX в. Смене исследовательской парадигмы в отношении истории Польши в российской исторической науке после 1863 г. был посвящен доклад д-ра ист. наук, проф. К. Блаховской (Исторический институт Варшавского университета). Завершилось общее пленарное заседание докла-

дом д-ра ист. наук, проф. Н.П. Матхановой (Новосибирск, Институт истории СО РАН) о проблемах интеграции поляков, служивших в государственных учреждениях Сибири, до и после Январского восстания 1863 г. Второе пленарное заседание было посвящено истории поляков в Сибири – традиционно базовому для нашего региона разделу полонистики. Задача заседания заключалась в том, чтобы представить присутствующим современное состояние разработки темы – в докладах ведущих сибирских полонистов проф. В.А. Скубневского, канд. ист. наук Л.К. Островского и др. Со стороны польских коллег было продемонстрировано большое внимание к польско-сибирскому межкультурному наследию и культурной антропологии, что нашло отражение в выступлениях д-ра ист. наук, проф. К. Карольчака (Краков, Педагогический университет им. КЕН) и д-ра ист. наук, проф. В. Ольшевского (Торунь, Университет им. Н. Коперника).

Второй день конференции (24 апреля) начался с пленарного заседания, посвященного 150-летию Январского восстания – важной исторической вехе российско-польской истории. Сегодня, спустя полтора столетия, настало время объективно переосмыслить итоги этого события, снять идеологические штампы и стереотипы, мешающие современной концепции взаимоотношений Польши и России. В числе прочих докладчиков итоги исследований в данной области представили известные ученые: д-р ист. наук, проф. Б.С. Шостакович (Иркутский государственный университет); д-р ист. наук, проф. В. Войдыло (Торунь, Университет им. Н. Коперника); д-р ист. наук, проф. В. Резмер (Торунь, Университет им. Н. Коперника).

Всего на конференции было прочитано 58 докладов, в том числе 17 – на пленарных заседаниях.

В ходе работы секций рассматривались самые различные аспекты российско-польской истории и культуры. Две секции чисто исторической проблематики («Россия, Польша, Сибирь: общее историческое пространство (XVII–XIX вв.)» и «Проблемы новейшей российско-польской истории: политическое взаимодействие, аспекты повседневности и адаптации в переломные эпохи») были сформированы по хронологическому принципу. Главный акцент в работе первой из них был сделан на освещение роли польской диаспоры в хозяйственном и культурном освоении Сибири практически с самого начала ее заселения; кроме того, значительное внимание докладчиков концентрировалось вокруг феномена польской сибирской мемуаристики. На секции по новейшей истории прозвучало много докладов в историко-антропологическом ключе, одной из главных по значению стала военная тематика (эмпирическая информация и статистика), не остались без внимания и трагические страницы того непростого времени – депортации и пребывание в Сибири военнопленных. При освещении роли поляков в Гражданской войне за Уралом была подчеркнута их высокая политическая активность после 1917 г. и одновременно нежелание принимать участие в вооруженных действиях.

Изначально большое значение в программе конференции отводилось секции «Старообрядчество и церковь: сибирско-польские связи», основной целью которой было восстановление научной интеграции и обмен опытом между новосибирской и торуньской (с участием ученых из Варша-

вы) школами изучения культуры и истории старообрядчества. Можно с уверенностью сказать, что поставленные цели были достигнуты. В докладах гостей содержалась новая для российских ученых информация о современном состоянии научных исследований в области культуры старообрядчества в Польше. В свою очередь, и российские коллеги представили достижения последних десятилетий – как новые научные разработки, так и результаты экспедиционных исследований.

На секции «Польско-российские книжные связи» большинство докладов было посвящено различным аспектам истории книжной культуры, рассматриваемым в контексте общего прошлого России и Польши. Состоявшийся обмен опытом позволил участникам этой секции сделать вывод о необходимости дальнейшего развития российско-польского сотрудничества и перспективности проведения совместных изысканий в области книговедения.

В центре внимания работы секции «Российско-польские культурные коммуникации, музыкальное и театральное искусство» стояли вопросы музеефикации культурного наследия поляков в Сибири, их историческая и современная музыкальная культура, русско-польские взаимосвязи и взаимовлияния в области живописи и театра.

В рамках конференции состоялся круглый стол по проблемам научно-образовательного сотрудничества России и Польши. Выступающие представили краткие сообщения об итогах и мероприятиях межвузовских научных связей, студенческих обменов и других направлений деятельности. В работе круглого стола приняли участие генеральный консул Республики Польша в Иркутске М. Зелинский, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств д-р пед. наук, проф. Е.Л. Кудрина, проф. Высшей школы экономики Л.Е. Горизонтов, проф. К. Блаховска (Варшавский университет), канд. ист. наук П. Глушковский (Центр польско-российского диалога и согласия), канд. пед. наук Е.Ф. Бехтенова (Новосибирский государственный педагогический университет), канд. ист. наук Т.Г. Недзелюк (Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы) и др.

В дни работы конференции состоялась презентация монографии канд. ист. наук П. Глушковского «Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX в.: эволюция идентичности и политических воззрений». Кроме того, участникам и гостям форума был представлен научно-издательский проект «Польско-сибирская библиотека», благодаря которому с 2009 г. в России выходят в свет и готовятся к публикации различные материалы по истории поляков в Сибири.

Прошедшая конференция показала, что проведение подобных мероприятий не только способствует расширению и укреплению контактов между научными учреждениями России и Польши, но и помогает преодолевать противоречия во взглядах на общее историческое прошлое, а, значит, содействует дальнейшему сближению наших народов в современном мире. Исторический фактор имеет большое значение для поиска путей такого сближения стран не только в общекультурном, но и в политическом плане. Общая история, даже спорные на сегодня ее моменты при объективном подходе исследователей призваны служить именно этой цели. Исто-

рия не должна являться предметом споров, тем более идеологических, ее цель – способствовать сотрудничеству наций и культурному диалогу, тем более двух славянских народов, имеющих общие корни, общее прошлое и, что самое важное, общее настоящее и будущее. В ходе конференции неоднократно отмечалась необходимость в централизованной координации взаимодействия ученых России и Польши, а также в создании единого информационного пространства, что позволило бы оперативно получать сведения о новейших результатах исследований в области польско-российской истории. Можно выразить уверенность, что профессиональные

контакты академических и вузовских центров наших стран в области гуманитарных наук будут и дальше активно развиваться. По итогам конференции к печати готовится сборник научных материалов.

канд. ист. наук *П. Глушковский*,

Центр польско-российского диалога и согласия (Польша);

канд. ист. наук *И.С. Трояк*,

ГПНТБ СО РАН, г. Новосибирск;

канд. ист. наук *Е.Н. Туманик*,

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР»¹

С 5 по 6 сентября 2012 г. в Казанском национальном исследовательском технологическом университете была проведена конференция, ставшая завершающим этапом Международной молодежной научной школы «Историческая память и диалог культур». По итогам конференции опубликован трехтомный сборник материалов, в котором представлены работы более 130 исследователей – преимущественно историков, а также философов, социологов и педагогов. Авторский состав сборника – сотрудники научных центров и высших учебных заведений Российской Федерации, представители научного сообщества стран ближнего (Азербайджан, Армения, Беларусь, Литва, Туркмения) и дальнего (Конго, Нигерия, Польша, США) зарубежья.

Большинство авторов – молодые исследователи, одни из них уже имеют опыт исследовательской деятельности и научные степени, а другие – только начинают свой путь в науке. Отметим, что обмен наработками в области изучения исторической памяти и диалога культур между представителями молодого поколения исследователей может быть весьма продуктивным, так как именно молодежь наиболее восприимчива к освоению нового. Вместе с тем, в работе научной школы приняли участие исследователи старшего поколения. Такое взаимодействие исследователей разных поколений и разных научных школ уже само по себе является ценным и полезным для всех участников. В контексте же заявленной темы школы-конференции этот взаимообмен идеями и наработками приобретает особое значение.

Заявленная и реализованная организаторами конференции тема «Историческая память и диалог культур» является весьма актуальной. Современный мир стремительно трансформируется на наших глазах, видоизменяются все его системы. Историческая память также подвергается воздействию трансформационных процессов. Формирование исторической памяти как на «постсоветском» пространстве, так

и в других регионах мира происходит стихийно. Часто она размывается мифологизациями и мистификациями разного уровня качества и сложности.

Вместе с тем, все более интенсивным становится взаимодействие между различными культурами. При этом возникают сложности в налаживании конструктивного диалога между сообществами, которые принадлежат к разным культурным традициям. Порой это культурное взаимодействие приобретает отнюдь не мирные формы. Сложность в организации диалога между представителями разных культур отчасти обусловлена наличием множества «исторических памятей», не сочетающихся и конфликтующих одна с другой. В этих условиях остро ощущается необходимость в скрупулезных исследованиях свойств и характеристик исторической памяти, а также в живом обсуждении и согласовании результатов этих исследований для дальнейшего их применения на практике. Историческая память может выступать в данном случае и как один из элементов самоидентификации, и как условие взаимодействия между культурами.

Работа конференции была построена по трем крупным секциям: на первой обсуждались механизмы формирования исторической памяти, а также соотношение исторических мифов и реальности; вторая секция была посвящена содержанию исторической памяти; участники третьей секции обратились непосредственно к роли исторической памяти в диалоге между различными культурами.

Прежде всего стоит сказать о работах представителей старшего поколения исследователей. Сборник открывает доклад московского профессора В.И. Дурновцева, в котором раскрыта тема представленности исторической памяти и исторического сознания в теоретико-методологических и историографических практиках современности. Профессор О.Н. Коршунова и д-р ист. наук Р.А. Набиев из Казани рассмотрели традиции этноконфессионального диалога в Поволжье в контексте исторической памяти. Казанские профессор-политолог С.А. Сергеев и социолог З.Х. Сергеева свое внимание посвятили поиску «гения места» – воплощения некоего социокультурного идеала в современной поли-

¹ Историческая память и диалог культур: сборник материалов Международной молодежной научной школы, 5–6 сентября 2012 г.: в 3 т. / ред. коллегия: О.Н. Коршунова, Р.А. Набиев, С.А. Сергеев и др. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013.

культурной Казани. Исследователь из Польши М. Михалак затронул тему межкультурного взаимодействия в Вольном городе Гданьске («городе на пересечении культур и национальностей») в период между двумя мировыми войнами. Его коллега М. Галедек обратил внимание на влияние исторической памяти на взаимоотношения системы местного самоуправления Вильнюса с русским меньшинством также в межвоенный период. Профессор А. Мегилл из США доложил о результатах анализа соотношения истории, памяти и достоверности, определил границы между идентичностью и памятью, историей и вымыслом.

Следует выделить несколько тематических блоков, вокруг которых концентрировалось внимание участников школы-конференции. Особое место занимала такая сложная тематика, как мифологизация исторической памяти. Различным аспектам этой темы посвящалась основная часть докладов первой секции. Их авторы пытались определить роль мифологизации и мифа в формировании исторической памяти, механизмы ее мифологизации, соотношение мифологизации и реальности в исторической памяти и т. д. Особый интерес проявили участники конференции к метаморфозам, происходящим с образом реальных исторических личностей, таких как Иван Грозный, Петр I, граф Меншиков, революционер-provokator Е.Ф. Азеф. Следует отметить, что проблема мифологизации исторической памяти была поднята не только в рамках посвященной ей секции, этой проблеме уделено внимание в большей части представленных в сборнике докладов.

Еще одно крупное исследовательское направление – роль исторической памяти в исторических процессах прошлого и настоящего – отражено в материалах конференции. Рассмотрены вопросы о роли исторической памяти во внутренней политике, в межгосударственном взаимодействии (пример Литвы и Польши), взаимодействии между крупными социальными, национальными и конфессиональными группами, а также внутри таких групп. В основном пере-

численные вопросы обсуждались на секции, посвященной диалогу между культурами, но в той или иной степени они затрагивались и на других секциях.

Конечно, участники школы-конференции не могли не обратиться к изучению условий, принципов и источников формирования и сохранения исторической памяти. Данное направление представлено докладами, касавшимися различных социальных институтов в формировании и трансляции исторической памяти. Особое внимание обращалось на роль семьи в процессе формирования исторической памяти, а также место исторической памяти в жизни современной семьи. Кроме того, были представлены доклады, посвященные роли учреждений образования и культуры в сохранении и формировании исторической памяти – в первую очередь речь шла об архивах и музеях. Не обошли вниманием участники конференции и значение средств массовой информации в формировании исторической памяти.

Материалы школы позволяют проследить интерес исследователей к формированию исторической памяти в прошлом. В частности, освещались проблемы восприятия британской политики в России на рубеже XIX–XX вв., формирования исторической памяти в первые десятилетия советской власти (на материалах г. Курска) и др.

В целом в представленных докладах раскрываются как общие теоретико-методологические вопросы изучения исторической памяти и межкультурного диалога, так и конкретные сюжеты этой темы (на материалах отдельных регионов, социальных, этнических, конфессиональных групп).

В заключение следует отметить, что поднятые участниками конференции вопросы, предлагаемые решения могут быть полезны для осмысления современной жизни нашего общества, для поддержания конструктивного диалога между разными группами этого общества.

В.В. Введенский
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 3, 2013

CONTENTS

POLES IN SIBERIA

Karolchak K. Siberia in Memoirs of the Polish Exiles	3
Olshevskiy V. Mieczislaw Lepecki's Reports from Siberia	7
Matkhanova N.P. Tobolsk Governor V.A. Artsimovich and his Essays on the Journey to the Northern Areas of the Governorate	10
Tumanik Ye.N. Siberian Writer and Ethnographer Appolon Ksaveryevich Ordynskiy (1830-1915): New Materials to the Writer's Biography	15
Oplakanskaya R.V. Captive Soldiers of the Polish 5 th Rifle Division in the Minusinsk Uyezd in the Early 1920s	18
Nedzelyuk T.G. History of Mentalities in the Contemporary Siberian-Polish Hisotriography	22

BOOK CULTURE

Zhurova, L.I. On Some Specific Functions of Citations and Titles in Social and Political Essays in the 1 st Half of the XVI Century	26
Chernyshova N.K. Some Sociocultural Factors of Development of Hagiography in the Modern Age (by the Example of St. Innocent of Irkutsk)	30
Panich T.V. Old Russian Testaments of the XV–XVII Centuries in Hagiographic Narration	34
Yesipova V. A. Isaac the Syrian's Text as Perceived by the Ural-Siberian Old-Believer Artist of the Late XIX Century	38
Guryanova N.S. On the Prefaces to the Collected Works of Old-Believers	43
Pershina M.V. The Tyumen Old-Believer I.R. Legostaev and Russian Chronograph of 1620	48
Shishkin V.I., Sheremetyeva D.L. Crisis of the Provisional Siberian Government in September 1918: Rearguard Battle in Krasnoyarsk	53
Savenko Ye.N. Samizdat as a Form of Resistance to the Soviet Repressions in the 1940s – early 1950s	62
Lizunova I.V., Bulgakova E.V. Publication of Books for Children in Siberia and the Far East (1990s)	66
Kozhevnikova L.A. Schools of Thought in Bibliography and Library Science as a Factor of Progress of Russian Library Community (Approaches, Methods, Models)	70

ETHNOGRAPHY

Litvinchuk M.S. Surgut Dwellers as Ethnographic Group of Russians in the XIX – Early XX Centuries	75
Lyubimova G.V. Religious and Magical Practices of the Russian Peasants in Siberia during Natural Disasters	79
Moskvina M.V. The Status Symbolism of the Sayan-Altai Turkic Peoples' Traditional Female Adornments	83
Oktyabrskaya I.V., Sarganova S.K. Kazakh Patterned Felt Carpets: Traditions and Innovations	87
Tsyrlyapkina Yu.N. Russians of Uzbekistan: Modern Ethno-Cultural Processes (the Case of Angren)	91
Kim E.V. Korean Russians in Novosibirsk Oblast and Strategies of Transnational Cooperation of Republic of Korea	94

SCIENTIFIC LIFE, REPORTS

Zemlyakova N. A. The Missionary Priest in Siberia: Ideal and Reality (On the Materials of Religious Periodicals of the 2 nd Half of the XIX – Early XX Century)	98
Yeremin L.V. Sacred Mountains of Khakassia: Problems of Protection and Museumification	101
Umbrashko K.B. On the Critical Approach to Studying the Russian Chronicles (XVIII - 1 st Half of the XIX Century)	103
Matveeva N.S. Publishing Activities of the Left-Wing Radical Political Organizations in Russia (the Last Decade of the XX – the First Decade of the XXI Century)	107
Alshevskaya O.N. «The Last Survivor»: History of the Krasnoyarsk Library Collector in the Reform Era (1991–2012)	110
Shakherov V.P. Rec. ad op.: A.Yu. Petrov. Natalya Shelikhova at the Origins of Russian America. Moscow: Publishing House "Vyes Mir", 2012 – 320 p. (A.Yu. Petrov. Natalya Shelikhova u istokov Russkoy Ameriki. - M.: Izd-vo "Vyes Mir", 2012 – 320 s.)	114
Zolnikova N.D. Rec. ad op.: Old-Believers' Hectographic Editions of the Library of the Russian Academy of Sciences . Last Quarter of the XIX – First Quarter of the XX Century. Catalogue of Editions and Selected Texts / Compiled by N.Yu. Bubnov. Spb., 2012. 459 p., ill. (Staroobryadcheskiye gektophirovanniye izdaniya Biblioteki Rossiyskoy Akademii nauk. Poslednyaya chetvert XIX – pervaya chetvert XX v. katalog izdaniy I izbrannyye teksty / Sost. N.Yu. Bubnov. Spb., 2012. 459 s.: il.)	115
Tumanik Ye.N. Scientific Conference "Problems of Russian-Polish History and Dialogue of Cultures" (Novosibirsk, April, 23-24, 2013)	117
Vvedenskiy V.V. Report on the International Conference in Kazan	119
Summary	122

SUMMARY

Karolchak K. Siberia in Memoirs of the Polish Exiles

The paper considers the Polish exiles' living conditions as reflected in their memoirs. The author analyzes factors that influenced the exiles' attitudes towards Siberia; studies how their origin, profession, family status affected their living conditions and relations with local population. Special attention is paid to those Poles who returned to Siberia or stayed there after completion of sentence.

Key words: Poles in Siberia, memoirs, Polish exile.

Olshevskiy V. Mieczislaw Lepecki's Reports from Siberia

The paper deals with the Polish military traveler M. Lepecki's impressions from his journey to Siberia in 1933 and 1936. The traveler's evaluation of the ongoing changes is presented along with his descriptions of the city of Novosibirsk as contrasted with other Siberian cities.

Key words: Poles in Siberia, Mieczislaw Lepicki, Siberia in the 1930s, Novosibirsk.

Matkhanova N.P. Tobolsk Governor V.A. Artsimovich and His Essays on the Journey to the Northern Areas of the Governorate

The paper considers the Tobolsk period of life and activities of an outstanding Russian statesman V.A. Artsimovich, whose "Description of the journey to Siberian land" is introduced into the scientific use. It is shown how his personal impressions from the journey to the North of the Tobolsk governorate influenced his administrative activities.

Key words: V.A. Artsimovich, Poles in the Russian civil service, Poles in Siberia, Tobolsk governorate, Beryozo, Obdorsk, Samarovo.

Tumanik Ye.N. Siberian Writer and Ethnographer Apollon Ksaveryevich Ordynskiy (1830-1915): New Materials to the Writer's Biography

The article is devoted to the literary and scientific heritage of A.K. Ordynskiy (1830 – 1915). He was a writer and ethnographer, very popular in Siberia in the late XIX - early XX centuries, but forgotten nowadays. Ordynskiy's literary activity characterizes the Siberian-Polish cultural relations.

Key words: Siberian literature, ethnography, Buryats, Poles in Siberia

Oplakanskaya R.V. Captive Soldiers of the Polish 5th Rifle Division in the Minusinsk Uyezd in the Early 1920s

The article describes the group of prisoners-of-war from the Polish 5th Rifle Division who lived in the Minusinsk Uyezd in the early 1920s. The group of Polish captives was characterized by social, cultural and political heterogeneity given the fact that

in the pre-war period they belonged to three different countries – Austria-Hungary, Germany and Russian empire. The author analyzes educational level, social and professional status of representatives of this group; shows how their labour was used in the regional economy.

Key words: Civil war in Siberia, White movement, foreign intervention, Polish 5th rifle division.

Nedzeluk T.G. The History of Mentalities in the Modern Siberian-Polish Historiography

The article is devoted to the characteristics of the present stage of the Siberian-Polish academic interaction in historical science. New methodological models in the context of mental history allow expanding the boundaries of human knowledge. The author undertakes analysis of the Soviet scientific heritage, reveals a tendency of transition to the new methodological positions, identifies relevant research areas.

Key words: history of mentalities, intellectual history, transformation of the ideological stereotypes, Siberian polonistics, Polish sibirika.

Zhurova, L.I. On Some Specific Functions of Citations and Titles in Social and Political Essays in the 1st half of the XVI Century

The paper determines the level of functionality of citations and titles in the political and social essays of Russian writers in the XVI century in order to reveal specifics of the authors' styles.

Key words: Joseph Volotsky, Mitropolitan Daniel, Maximus the Greek, political essays of the XVI century,

Chernyshova N.K. Some Sociocultural Factors of Development of Hagiography in the Modern Age (by the Example of St. Innocent of Irkutsk)

The article reveals factors of creation and existence of hagiography monuments of the Modern Age: specifics of canonization of saints in the Modern Age; the impact of Peter the Great's «Spiritual Regulation» as a document that determined the contents of hagiographic literature; the role of historical science in transformation of hagiographic literature; specifics of studying hagiographical monuments of the Modern Age.

Key words: hagiography, life story, historical essay, «Spiritual Regulation», St. Innocent of Irkutsk, St. Dimitriy of Rostov, textual analysis, manuscript, biography, version, copy.

Panich T.V. Old Russian Testaments of the XV–XVII Centuries in Hagiographic Narration

The article is devoted to the function of Old Russian testament genre in the hagiographical writings. The peculiarities of testaments are analyzed, their role in hagiographic narrations is defined. Testaments of famous clerical hierarchs of the XIV–

XVII centuries attached to their biographies are used as the material of research.

Key words: testaments, clerical hierarchs, hagiographic texts.

Yesipova V. A. Isaac the Syrian's Text as Perceived by the Ural-Siberian Old-Believer Artist of the Late XIX Century

The aim of this article is to find interrelation between the text and illustrations in "Ascetical Homilies" of Saint Isaac of Syria, the manuscript dated from the end of XIX century and illustrated by an Ural-Siberian Old-Believer artist. The author describes illustrations, shows how they are related to the texts provided with the miniature paintings; comes to conclusion that these paintings reflect interrelations within the system "monk – the outside world" as well as main monk practices (pure prayer, withdrawal into silence, etc.).

Key words: paleography, Old-Believers, Isaac the Syrian, miniatures, monk practices.

Guryanova N.S. On the Prefaces to the Collected Works of Old-Believers

The author studies forewords to the Old-believers' collected works coming to conclusion that defenders of the Old Rite used these prefaces in order to achieve the integrity of the text and help the reader adequately perceive the works included in these collections or fragments from the Holy Writ or patristic writings.

Key words: Church reform, schism, Old Believers, manuscript collections, prefaces.

Pershina M.V. The Tumen Old-Believer I.R. Legostaev and Russian Chronograph of 1620

The article considers the sources of cosmogonical and historical ideas of the Tumen Old-Believer I.R. Legostaev. The author comes to conclusion that Legostaev's narration of the Creation of the World was based on the introductory texts of the Russian Chronograph of 1620.

Key words: Old-Belief, traditionalism, Christian history, Chronograph of 1620.

Shishkin V.I., Sheremetjeva D.L. Crisis of the Provisional Siberian Government in September 1918: Rearguard Battle in Krasnoyarsk

In the paper the documents containing key information about the second phase of the political crisis of the Provisional Siberian Government in September 1918 are introduced into the scientific circulation.

Key words: Provisional Siberian Government, Council of Ministers, political crisis, Yeniseisk provincial commissar, the Socialist-Revolutionaries, newspapers.

Savenko Ye.N. Samizdat as a Form of Spiritual Resistance to the Soviet Repressions of the 1940s- Early 1950s

The article analyzes reasons for publication and distribution of illegal national and religious literature under the conditions of deportation of Soviet citizens in the 1940s - 1950s. It characterizes subject areas and forms of existence of uncensored works in the Siberian and Far Eastern region.

Key words: samizdat, uncensored literature, handwritten book, deportation, spiritual resistance, Siberia

Lizunova I.V., Bulgakova E.V. Publication of Books for Children in Siberia and the Far East (1990s)

The article highlights the transformation of children's publishing in Siberia and the Far East in the first post-Soviet decade, identifies its main stages. Structural changes in the repertoire of children's books are characterized. The peculiarities of the children's books in certain areas of the region are revealed. The author emphasizes the need for every kind of assistance to the regional leaders of the book industry in the field of children's literature publication.

Key words: book publishing, publishing-houses, books for children, adolescents and youth, children's reading, Siberia and the Far East.

Kozhevnikova L.A. Schools of Thought in Bibliography and Library Science as a Factor of the Russian Library Community's Progress (Approaches, Methods, Models)

The article is devoted to the nature and specifics of scientific schools of bibliography and librarianship, defining their place in maintaining a professional level of library science. It characterizes methods in researching cognitive and social communications in these sciences, underlying the interactions of scientists.

Key words: scientific schools, library science, bibliography, communications, regions, professional printing.

Litvinchuk M.S. Surgut Dwellers as an Ethnographic Group of Russians in the XIX – Early XX Centuries

The article is devoted to the characteristics of the Surgut population in the XIX – early XX centuries as a local ethnographic group of Russians. Formation of this group is studied from the perspective of frontier theory as interpreted by M.V. Shilovskiy. Based on the contemporary descriptions the author reveals anthropological, linguistic and household features of Surgut dwellers.

Key words: local ethnographic groups of Russian, Siberian frontier, North of the Ob River, Surgut, Surgut dwellers.

Lyubimova G.V. Magical and Religious Practices of the Russian Peasants in Siberia during Natural Disasters

The paper deals with traditional ways of natural disaster prevention practiced by the Russian peasants in Siberia in the late XIX – early XX centuries. Based on the archival and published data as well as the author's field work materials the article examines various methods used by the peasant commune for rainmaking, ceasing of drought, protecting crops from thunderstorm, hail and other calamities. Special attention to the traditional remedies against mass epidemics and epizootics is paid.

Key words: natural disasters, magical and religious practices, Russian peasants in Siberia.

Moskvina M.V. The Status Symbolism of the Sayan-Altai Turkic Peoples' Traditional Female Adornments

The paper is devoted to designation problem of status symbolism in the traditional set of female adornment. Based on the materials of the Turkic peoples of the Sayan-Altai the author creates a marking scheme of a woman's age and gender status through various combinations of adornments; shows their role in the process of woman's transition from one age group into another, as well as in the situation of changing family status.

Status symbolism of adornments has remained in the Turkic cultures of the Sayan-Altai region up to the present time.

Key words: traditional women's adornment, Sayan-Altai, age and gender symbolism.

Oktyabrskaya I.V., Surganova S.K. Kazakh Patterned Felt Carpets: Traditions and Innovations

The paper describes contemporary manufacturing of the artistic felt carpets by Kazakhs and characterizes this practice from the viewpoint of unity of traditions and innovations. On the basis of the field studies data, the authors define the main trends in development of this kind of handicrafts in Kazakhstan and in a wider perspective – among the Kazakh people living outside the country (diaspora). Analysis of the conditions of felt carpet production in various districts of Kazakhstan, Altai, Mongolia and West Siberia has shown that production of homemade felt carpets was characterized by the local-specific variations in shape, color and ornamental patterns. Currently, this individual production has been changing into semi-industrial handicraft production where traditions and author's innovations merge.

Key words: traditional culture, Kazakh culture, popular art, designed felt.

Tsiryapkina Yu. N. Russians of Uzbekistan: Modern Ethno-Cultural Processes (the Case of Angren)

This paper is focused on analysis of the main features of sociocultural life in small towns of Tashkent oblast in the post-Soviet period. The object of research is population of Angren, its subject – main characteristics of Russian-speaking commune during the post-Soviet period and problems of its adaptation to the social and political life in Uzbekistan. While studying this group the author comes to conclusion that the Russian-speaking population, even being a minority, continues to play a significant role in the sociocultural life in the cities of Tashkent oblast.

Key words: Russians, Tatars, identity, titular population, socio-cultural environment, migration.

Kim E.V. Korean Russians in Novosibirsk Oblast and Strategies of Transnational Cooperation of Republic of Korea

The early XXI century is marked by actualization of relationships between diasporas, host and home countries. This article reviews that kind of relationships through the example of Korean Russians. Korean Russians have had a big experience of transnational activity, they have been living in Russia for a long time, and during the last decade they have been participating in diasporic strategies of Republic of Korea. This paper examines these strategies of transnational relationships with the home country.

Key words: Korean Russians, migrations, adaptation, diaspora, transnational relationships, inter-ethnic relations.

Zemlyakova N. A. The Missionary Priest in Siberia: Ideal and Reality (On the Materials of Religious Periodicals of the 2nd Half of the XIX – Early XX Century)

The paper characterizes an ideal image of a missionary priest in Siberia, which was constructed on pages of the religious orthodox periodical press. Its studying allowed to understand

what qualities a missionary priest acting in Siberia had to possess and which goals could be achieved owing to those qualities. The ideal constructed by the orthodox periodical press not always coincided with reality, but it impelled a missionary priest to long for self-perfection necessary for his successful activity.

Key words: Siberian missionary, ideal, religious periodicals.

Yeremin L.V. Sacred Mountains of Khakassia: Problems of Protection and Museumification

Notions of the sacred significance of mountain peaks and their “inhabitants”, mountain spirits, are one of the best preserved parts Khakassian traditional culture. Data on more than three hundred religious objects connected with the worship of mountains in Khakassia have survived to the present day. One of the main problems connected with protection of the objects of religious worship is their unclear legal status in the regional legislation of Khakassia. However, the open-air museums of Khakassia have accumulated positive experience in the sphere of museumification of religious objects of worship. The paper deals with analysis of these practices. Specific character of these practices lies in the fact that preservation and actualization of such objects is a contributing factor to the ethnic group's consolidation of, the incentive to strengthen its ideology.

Key words: objects of religious worship, cultural heritage of Khakassia, museumification, conservation.

Umbrashko K.B. On the Critical Approach to Studying the Russian Chronicles (XVIII - 1st Half of the XIX Century)

The article traces formation of critical approach to studying the Russian chronicles in the XVIII - 1st half of the XIX Century)

Key words: Russian chronicles, Russian historians, critical approach.

Matveeva N.S. Publishing Activities of the Left-Wing Radical Political Organizations in Russia (the Last Decade of the XX – the First Decade of the XXI Century)

The article considers the history of edition of printed materials by the Left-wing radical political organizations in Russia in the last decade XX – the first decade of the XXI century is considered. It highlights specifics of contents and forms of release of the ultra-communist press in the modern context.

Key words: publishing, Russia, press, communist parties.

Alshevskaya Olga N. «The Last Survivor»: History of the Krasnoyarsk Library Collector in the Reform Era (1991–2012)

The article considers activities of Russia's oldest bookselling enterprise - Krasnoyarsk library collector during the post-Soviet period (1991–2012). It describes the history of successful survival of the former socialist enterprise (one of the Krasnoyarsk Regional Bookstore's units) in the transition to the market economy.

Key words: book trade, the Krasnoyarsk Territory, the library header, acquisition of libraries, social and cultural activities.